

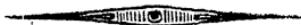
С Л О В А Р Ъ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗИИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ОСТОЛОПОВЫМЪ,

Дѣйствишельнымъ и Почетнымъ Членомъ
разныхъ Ученыхъ Обществъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ типографіи Императорской Россійской
Академіи,

1 8 2 1.

2007082779

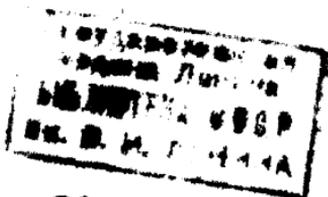
Печашашъ позволено:

съ шѣмъ, чшобъ по оппечашаніи сей книги до выпуска
мзъ шинографіи предшавлены были въ Цензурный Ко-
митетъ семь экземпляровъ для препровожденія куда
слѣдуешъ.

С. П. Б. Ноября 13 дня, 1820 года.

Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Казалеръ

Иванъ Ястрѣбцовъ.

15364-0

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	сшран.		сшран.
		Ифонія	38.
З.			
Завязка	1.		
Загдка	—	К.	
Зимословіе	5.	Канева	38.
Знаніе	7.	Каншапа	—
Звукоподражаніе	9.	Каять	43.
		Каналектическій	—
И.		Катахризисъ	44.
		Кенизмъ	—
Идиллія	9.	Кенотафія	45.
Иероглифъ	26.	Комедія	—
Изложеніе	—	Комическій	99.
Извѣстка	27.	Краештище	101.
Изображеніе	32.	Кретику	—
Изобрѣненіе	34.	Куплетъ	—
Изыченіе	35.		
Именей	—	Л.	
Имя	—		
Имподія	—	Лаконизмъ	101.
Имподія	—	Лаконическій	104.
Интрига	36.	Легкость	105.
Ионическій	—	Липограмматическій	110.
Ипербола	—	Лприческій	115.
Иперкаталектическій	—	Литература	155.
Лпотиозисъ	—	Логогрифъ	156.
Иронда	—		
Иро-Елегическій	37.	М.	
Ирои-Комическій	—		
Ироническій	—	Мадригаль	166.
Ироническій	37.	Макароническій	172.
Иронія	—	Междудѣйствіе	174.

	сшран.		сшран.
Мелодрама	175.	Невіа	219.
Метализисъ	177.	Нравственностъ	—
Метаморфозисъ	178.		
Метанпласмъ	—		
Метафезисъ	179.		
Метафора	180.	Оаристъ	228.
Метонимія	183.	Обращеніе	—
Метръ	186.	Ода	230.
Метрическій	—	Окончаніе	279.
Микшеризмъ	187.	Окруженіе	—
Мимизисъ	—	Омонимъ	—
Миміямбъ	—	Ономастичъ	282.
Мимическій	188.	Опера	—
Мимодрама	—	Описаніе	296. ✓
Мимы	—	Описательный	312.
Многосоюзіе	189.	Опредѣленіе	318.
Моленіе	—	Орапорія	323.
Молоссъ	190.	Ошвъштствіе	324.
Монологъ	191.		
Монометръ	—		
Монорифмъ	192.		
Мужескій	198.		
Мѣлкія стихотворенія	—	Палинвакхій	326.
Мѣра	199.	Палиндромъ	—
Мысль	—	Палинодь	327.
		Палинодія	328.
		Панегирикъ	—
		Панегирическій	—
		Панкратовъ размѣръ	—
		Пантомима	329.
Надгробіе	204.	Парабола	330.
Надпись	—	Парагогъ	—
Наклоненіе	214.	Парадь	331.
Напряженіе	214.	Парафразисъ	—
Нашура	215.	Пародія	332. .
Натуральный	218.		

Н.

П.

	сшран.		сшран.
Пасторальный	343.	Портретъ	422.
Пастушескій	—	Посланіе	—
Патетическій	356.	Правдоподобіе	—
Пеанъ	357.	Превращенія	427.
Пентакросстихъ	360.	Предложеніе	428.
Пентаметръ	—	Премъненіе	—
Пеонъ	362.	Прерваніе	429.
Переворотъ ✓	363.	Придиктический	—
Перемена	—	Призываніе	—
Переносъ	364.	Принужденность	—
Періодъ	366.	Приращеніе	432.
Перипетія	367.	Природа изящная	—
Перипетическій	—	Присовокупленіе	—
Пиндарическій	—	Притча	433.
Пиррихій	—	Проза	—
Планъ	368.	Прозаическій	434.
Плеоназмъ	—	Прозолографія	435.
Повтореніе	370.	Прозополея	—
Повѣствованіе	376.	Прокелевсматикъ	436.
Повѣствовательный	379.	Прологъ	—
Погрѣшности	—	Проодическій	439.
Подобіе	385.	Пропемтический	440.
Подражаніе	387.	Просевхтический	441.
Подражательный	394.	Просфезисъ	—
Поэзія	399.	Противоположеніе	—
Поэма	418.	Прохожденіе	442.
Поликолонъ	419.	Пѣснь	443.
Полиметръ	421.	Пѣсня	—
Полустишіе	—	Пятистопный	488.
Поправленіе	422.		

С Л О В А Р Ъ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗИИ.

3.

ЗАВЯЗКА. Черезъ завязку, узель или инпригу разумѣюшь въ поэмѣ и во всякомъ драматическомъ сочиненіи совокупленіе разныхъ обстоятельствъ и препяпспвій, опть копорыхъ, во ожиданіи окончанія или развязки, раждается въ чипашелѣ и слушашелѣ любопытство, нешерпѣніе.—См. *Драма, Епическій, Трагедія* и проч.

ЗАГАДКА, Aenigma, Grîphus. — Загадка еспть краткое сочиненіе, по большей части въ спихахъ, въ копоромъ безъ наименованія вещи изъясняютъ ее черезъ подобозначущія слова, черезъ описаніе причинъ, дѣйспвій, свойспвъ и шѣмъ возбуждаютъ желаніе къ опкрыпію ея значенія.

Загадка не должна бытъ такъ ясна, чѣшобъ отгадашь ее почши никакого не сшоило шруда; она не должна бытъ и столько шемна, чѣшобъ отгадашь ее было не возможно. Въ первомъ случаѣ она не доставитъ опѣ легкости своей ни малѣйшаго удовольствія, а въ послѣднемъ чѣшпашель скорѣ можешъ опказапья опѣ небольшого угожденія своему самолюбію, нежели получишь пріятность несоразмѣрнымъ шрудомъ. На семъ основано главное правило сочиненія *загадки*, шо естѣ, она должна содержать въ себѣ нѣсколько шакихъ принадлежностей своего предмета, кошорыя, какъ будшо указывая намъ его, возбуждали бы въ насъ болѣе желанія и надежды къ *Отгадкѣ*; а между шѣмъ другія помѣщенныя въ той же *загадкѣ* обстоятельствова затрудняли бы сію представляющуюся съ перваго взгляда удобность.

Двуслысленность, l'équivoque, весьма свойственна *загадкѣ*. Упошребительнѣйшія въ ней фигуры могушь бытъ *Метафора*, *Аншптезь* и *Аллегорія*, кошорая иногда продолжается съ начала до конца. —
Примѣры:

Нашура не дала ни глазъ мнѣ, ни ушей;
Я мершвъ, но предвожу въ пупи слѣпыхъ людей.

Жезлѣ.

Хожу я босикомъ, хопя и въ сапогахъ;
Хожу на головѣ, хопя и на ногахъ.

Гвоздь въ сапогѣ.

Люблю морозы я, въ пенлѣ всегда спрадаю;
Рожусь опъ машери и самъ ее раждаю.

Ледѣ.

Въ Спихошвореніяхъ Дмишріева нахо-
димъ слѣдующую загадку, означающую
Журналь или какое либо Періодическое
изданіе:

Нѣшъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣспахъ вдругъ слышенъ я бываю;

Всегда и важенъ и шушливъ,

Умень и глуповашъ, и дурень и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяць возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу оппускаюсь.
Я брашьями богашъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣшѣ мы зовемся не равно.

Узнали? нѣшъ? еще прибавимъ:

У насъ нѣтъ мапери, за то
 Мы сошни двѣ опцовъ предспавимъ,
 И эпо не причпешъ въ обиду намъ никпо.
 Я бѣль и сѣрь, лепокъ, бездушень и собою
 Во многомъ сходспвую съ молвою.

У Древнихъ сей родъ поэзіи былъ въ большемъ упопробленіи. Едипъ не иначе могъ получишь пресполь, какъ опгадавши предложенную ему Сфинксомъ загадку, означающую при человѣческіе возраспа, дѣшспво, мужеспво и спароспъ, подѣ видомъ живошнаго, копорое по упру ходишь на чешырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а въ вечеру на шрехъ. Ежели сіе происпешіе и несправедливо, покрайней мѣрь выдумка онаго показываешъ уваженіе Древнихъ къ *Загадкамъ*. Впрочемъ извѣсно и по испоріи, что Цари пересылали другъ къ другу загадки и щедро награждали умѣвшихъ опгадывашъ оныя. Лидійскій Царь Крезъ посылаъ по шакому случаю Езопа къ Амазису, Царю Египтескому. Между прочими загадками, предложенными шамъ Фригійскому Фабулисту, слѣдующая заслуживаешъ вниманіе: какой эпо храмъ, копорый споишь на одномъ камнѣ, окружень двѣнадцашью башнями,

имѣющими по приидцаши сполповѣ, во кругу копорыхъ попеременно ходящъ женщины, бѣлая и черная? — Езопъ ошефчалъ, что храмъ значить *свѣтъ*, камень—*годъ*, башни—*мѣсяцы*, сполпы—*сутки*, женщины—*день и ночь*.

ЗАИМОСЛОВІЕ или Прозопоея, Прозороаея. Фигура предложеній: соспоишь въ шомъ, когда по, что самому автору или предсшавляемому опъ него лицу говоришь должно, опдаешся другому лицу живому или мершвому, присущшвшующему или опсущшвшующему, иногда и бездушнй вещи. — На пр:

Проснися, Сибаритъ! ты спишь,

Иль шолько въ сладкой нѣгѣ дремлешь,

Несчастливыхъ голосу не внимлешь

И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего

„Пріяшнѣй чѣмъ въ испорчи вѣки;

„Жишь для себя лишь одного,

„Лишь радостей умѣшь пить рѣки,

„Лишь вѣпромъ плышь, гнесъ чернь ярмомъ;

„Спыдъ, совѣспъ, слабыхъ душъ шревага!

„Нѣшь добродѣтели, нѣшь Бога.....

Державинъ.

По спогнамъ шумный гласъ несется
 ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ похваль,
 Въ полкахъ спокрашно раздается
 „Великій ПЕТРЪ изъ мертвыхъ вспаль,
 „Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
 „Преодолимъ бури, непогоды,
 „Поставимъ грады на рѣкахъ,
 „Мы дерзкій взоръ враговъ поупимъ,
 „На горды выи ихъ насупимъ,
 „На грозныхъ спанемъ мы валахъ.

Домонособъ.

Слово Прозопоея естъ Греческое: *πρόσωπον*, лице, особа, и *πείρω*, дѣлаю, шворю; слѣдственно, липерально можно перевести оное словомъ олицетвореніе — и дѣйствительно сею фигурою или представляющъ присутствующими и говорящими такими людей, кои находясь въ опдаленности и никакого въ произносимой рѣчи не берущъ участия, либо придаются чувственности вещамъ неодушевленнымъ, на примѣръ: Сія гробница вѣщаетъ Сіи стѣны упрекающъ тебя въ вѣроломствѣ; онѣ ясно повсюряющъ слова швои

ЗАЯТІЕ или Пропіисисъ, *πρόλιπσις*, фигура предложеній: естъ отраженіе пропировчія, или сомнѣнія, которое могло бы бытъ предложено. На пр. Димосфень въ словѣ пропиривъ Филиппа:—чаятельно, нѣкоторые здѣсь спросятъ: гдѣ нашъ флотъ къ берегу приспанеть? война сама, Афиняне, война покажетъ и довольно научитъ, гдѣ нашъ непріатель слабѣе будетъ..... и проч.

Все слѣдующее сочиненіе Державина подъ названіемъ *Хариты* составляетъ объясняемую здѣсь фигуру:

По слѣдамъ Анакреона

Я хотѣлъ воспѣвъ Харитъ,

Фебъ во гнѣвъ съ Геликона

Мнѣ предсала и говоритъ:

„Какъ! и ты уже небесныхъ

„Дѣвъ желаешь воспѣвать?

„Сколько прелестей безсмертныхъ.

„Хочешь смертный описать!

„Но бывалъ ли на высокомъ

„Ты Олимпъ у боговъ?

„Обнималъ ли браннымъ окомъ

„Ты веселье ихъ пировъ?

„Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,

„Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,

„Плясками онѣ своими
 „Восхищающъ горній міръ :
 „Какъ съ пропяжнымъ, шихимъ пономъ
 „Важно павами плывущъ ;
 „Какъ съ веселымъ, быспрымъ звономъ
 „Голубками воздухъ вьюпъ ;
 „Какъ вокругъ онѣ спокойно
 „Величавый мещупъ взглядъ ;
 „Какъ ихъ всѣ движенья спройно
 „Взору, сердцу говорятъ ?
 „Какъ Хигоны ихъ Эфирны,
 „Льну подобные власы,
 „Очи свѣшля, сафирны,
 „Помрачающъ всѣхъ красы ?
 „Какъ Богини всемъ соборомъ
 „Признающъ: имъ равныхъ нѣтъ,
 „И Минерва важнымъ взоромъ
 „Улыбаешся имъ въ слѣдъ ?
 „Словомъ: видѣлъ ли каршины
 „Неноспижныя уму ?,
 — Видѣлъ внуку ЕКАТЕРИНЫ
 Я опвѣшспивоваль ему. —
 Богъ Парнасса усмѣхнулся,
 Давъ мнѣ лиру оплещѣль ;
 Я спрунамъ ея коснулся
 И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

Пролиписись, *πρόλιπσις*, соспавлено изъ *πρό*, до, предъ, и *λαμβάνω*, беру, принимаю, заимствую; на Лапинской языкъ переводился въ разныхъ Рипорикахъ прояко: *anteoccipatio*, *preoccipatio*, и просто *occipatio*.

ЗВУКОПОДРАЖАНІЕ. См. *Подражательный*.

И.

ИДИЛЛІЯ. Родъ пастушеской поэзіи. Идиллія и Еклога имѣюшь между собою едва примѣшную разность; однакожь при всемъ томъ не должно ихъ смѣшивашь, ибо Еклога пребуешъ *дѣйствиа*, а Идиллія довольсшвуешся чувсшвованіемъ, нѣжноспію и повѣсшвованіемъ, и болѣ спараешся описывашь самую природу.

Буало прекрасно описалъ свойсшво Идилліи въ своей *Науцѣ стихотворства*:

Telle qu'une bergère, au plus beau jour de fête,
De superbes rubis n'orne point sa tête,
Et sans meler à l'or l'éclat des diamans,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornemens;

Telle, aimable en son air, mais humble dans son style,
Doit eclater sans pompe une élégante Idylle.
Son tour simple et naïf n'a rien de fastueux,
Et n'aime point l'orgueil d'un vers presomptueux.
Il faut que sa douceur flatte, chatouille, éveille,
Et jamais de grands mots n'épouvante l'oreille.

„Подобная пастушкѣ , которая въ праздничный день украшаетъ голову свою не богатыми рубинами, не драгоценными алмазами и золомомъ; но сорванными на ближнемъ полѣ цвѣточками,—Идиллія, пріятная и скромная въ слогѣ, не удивляетъ насъ пышностію. Въ проспѣхъ и непринужденныхъ ея оборотахъ нѣтъ ничего блестящаго; гордость высокопарныхъ стиховъ ей пропивна. Она должна услаждать и нѣжить наши чувства своею пріятностію, и не пугать слуха громкими словами.,,

Ежели Идиллія содержитъ какую либо спрасъ, то сія спрасъ должна быть самая умеренная, и объясняема въ выраженіяхъ пріятныхъ и тихихъ. Иногда стихопворецъ дѣлаетъ въ ней сравненіе нашихъ заботъ, нашихъ пороковъ, нашихъ обязанностей съ удовольствіями, спокойствіемъ и невинностію пастуховъ, поль-

зуюсь въ такомъ случаѣ въ продолженіи
 всего сочиненія непрерывною *Аллегоріею*,
 взяпою опъ свойспва живописныхъ и даже
 вещей безчувспенныхъ, каковы цвѣшы,
 ручьи, водопады и пр, что можно видѣшь
 изъ слѣдующихъ опривковъ *Идиллій*, на-
 писанныхъ Госпожею *Дезульеръ* *) и пере-
 венныхъ на Русскій языкъ *Г. Мерзляковымъ*.

Ид. Цвѣты.

Какъ мало время вашей слазы,
 Любезные цвѣшы, краса луговъ, полей!
 Природа вамъ дала жестпокіе усшавы; —
 Однажды упро васъ, улыбкою своей,
 На сердцѣ матернемъ уснувшихъ пробуждаешъ,
 Одно лишь упро васъ живишь и умерщвляешъ!—

*) *Аншуанеша дю Лижье де Лагардъ*, по фамиліи своего
 мужа *Дезульеръ*, родилась въ Парижѣ въ 1653 году. —
Издашель Французскаго Парнасса говоритъ о Госпо-
 жѣ *Дезульеръ* слѣдующее: въ ней наиболѣе должно уди-
 вляшьяся красотѣ чувспвованій, пріяшности выраже-
 ній, гармоніи стиховъ и счастливому расположенію
 рифмъ. — Никшо не говорилъ лучше о любви, никшо не
 умѣлъ украшашъ нравспвенности споль простыми, и
 виѣшѣ прелестными цвѣшми. — Признательные со-
 временники называли ее *Сафою*, *десятою Музою*, *Кал-*
люпою Французскою. — Изъ книги собранныхъ ея спи-
 хшвореній видно, что она упражнялась въ сочиненіи
 пѣсень, *Балладъ*, *Еклогъ*, *Еписнолъ*, *Идиллій*, *Спан-*
совъ и *Одъ*. Она занималась и *Драматическою поэзіею*,
 и написала двѣ *Трагедіи*, *Генсерика* и *Аншюнія*, изъ ко-
 шорыхъ первая имѣла около 40 представлений. —

И пошь изъ васъ счасливѣй всѣхъ,
 Кошорому въ шѣни прохлады и ушѣхъ,
 Собрашь двѣ, при росы случится,
 Два, при дни солнцемъ веселишься! —
 Ушѣшщесь, милые! — какаѣ нужда въ помѣ? —
 Живете мало вы, живете вы блаженно;
 У васъ все общее; вашъ лугъ — семейной домъ;
 Ни ревность, ни корысть, ни мщеніе презрѣнно
 Не могушь мучить васъ! —

И самая любовь... увы! — не какъ у насъ! —
 Ничшо не оправить невинной вашей спрасни;
 Вы можеше любить, безъ принужденья власни!
 Пускай привыкнувшій всечасно измѣняетъ,
 . Пускай Зефиръ къ другимъ перелешаетъ;
 Вамъ эшо все равно: вамъ нечего терять!
 Амуръ — ширань! — меня со мною разлучаетъ!

Легколь смошрѣшь на милаго льщеца,
 Кошорой холоденъ, умѣешь пришворяться,
 Привыкъ шерзашъ сердца! —

Для васъ плѣнишь — лишь шолько показашься!
 Для васъ и умерешъ, не шо, что для людей!
 Вы умираете безъ муки, безъ скорбей,
 И даже смерть у васъ красота не опнимаешъ;
 Для жизни новой васъ на время усыпляетъ!

и проч.

Ид. Птицы.

.

О ппички милыя, завиденъ жребій вашъ!
 Вы вздумали любить и любите свободно!
 Наскучило вамъ здѣсь: лепише, въ доброй часъ!
 Природа ваша мать: живише, какъ угодно!
 Нѣшъ добродѣтелей, пороковъ нѣшъ для васъ.—
 Весь вѣкъ довольны вы одеждою одною;
 Не слыхано въ лѣсахъ, чшобъ Филинъ воз-
 блиспалъ

Павлина красопою;—

Чшобъ воронъ соловья напѣвы повшорялъ!
 Ахъ! искренность сія не наше достоянье!—
 Приспшйность широгая, права, образованье,
 Все шребуешъ опъ насъ печальнѣйшихъ услугъ!—
 Чшо лести низкой хуже?—

Но лги—и будешъ правъ! но лести—и будешъ
 другъ!

Природа съ нами будшо вчужѣ!

Или . . . признаемъся, краснѣя опъ спыда!
 Опмцаая праведно за наши къ ней измѣны,
 Намъ пищи не даешъ безъ горя и шруда!—
 Все, все прошиву насъ: стихійны перемѣны,
 Огонь, земля, вода!—скрывается непогодъ,
 Одежду пригошовъ, посѣй, сбири плодъ нивы,

И послѣ пренеци за сей же самой плодъ!—

Ахъ, пшички, вы счастливы!

Для васъ гошова все: ни сѣяшь, ни хранишь!

Осталось лишь лѣшашъ, пѣшь пѣсни и любить! и проч.

Опдавая должную справедливосшь швореніямъ Г-ж. Дезульеръ, обязанносцію почишаемъ однакожь сказашь, что во всѣхъ ея Идилліяхъ не безъ основанія замѣчаютъ излишество какой-то мрачной философіи, и находятъ сіе немалою погрѣшносцію, ибо Идиллія пребуешъ однѣхъ шолько пріятныхъ изображеній.—Доказано, что ошъ несоблюденія приняпыхъ всѣми вообще правилъ, не получаюпъ и самыя превосходныя сочиненія желаемаго успѣха, а дѣлая изъ Идилліи сочиненіе философическое или Саширическое, не значить ли усшраняпъсѣ ошъ правилъ и смѣшивашъ различные роды поэзіи?—

Идиллія можетъ быпъ писана спихами всякаго размѣра; мы воспользуемѣ нѣсколькими сочиненіями, могущими вмѣстѣ съ симъ показашъ и свойства ея.

Д р ч з ъ л.

Идиллія изъ Феокрита *)

Пришекъ наконецъ!—при дни и при ночи въ
разлукѣ со мною!

Ахъ, много и дня одного, чтобы соспарѣшь-
ся въ разлукѣ!—

Пріятнѣй весна по зимѣ, и яблоко слаще
орѣховъ,

Богатѣй волною овца предъ агницей ново-
рожденной,

И дѣва милѣ вдовы, шрекрашно супруга ше-
рявшей,

Быспрѣ скачешъ шельца игривая серна въ
долинѣ,

Любезнѣй звучишь соловей предъ всѣми въ
царствѣ пернапомѣ!...

О, слаще всего мнѣ шеперь увидѣшь себя по
разлукѣ!

Какъ пушникъ, солнцу палящу, спѣшишь подъ
развѣсисто древо,

Спѣшилъ, окрылень, я къ тебѣ во срѣшенье,
другъ мой сердечный!

*) См. спомы Амфиврахіи, и Анапесты.

Да дышущь надъ нами, въ насъ благодапные
 гени дружбы!

Да скажущь объ насъ пошомки свяпое и до-
 брое слово:

„Здѣсь были и жили друзья, въ урокъ и ве-
 селье сосѣдей!

Сего нарицали *Любилибъ*, а шому привѣпль былъ:
Вврнѣйшій;

(То значили шочно ихъ имена въ языкѣ Фесса-
 лійскомъ)

Другъ друга любили равно и всегда.—Конеч-
 но, шо были

Не нашихъ времянь сердца; шо сердца вѣковъ
 / первобыпныхъ,

Гдѣ сладостно, нѣжно по смерть любовь лю-
 бовью пипалась!,,

Да будещь шако сіе, милосердый опче Кро-
 нидесь! *)

Да шакъ, не спарѣясь въ любви, перейдемъ
 мы въ обласъ безмерпныхъ,

И нѣкогда,—многимъ вѣкамъ, исполнившимъ
 свѣплые круги, —

Пришлецъ опъ земли, на черныхъ брегахъ не-
 насыпнаго Орка,

*) Юпяшеръ.

Увидишь насъ , тамъ , и речешь обнявшимся
сладко: миръ съ вами!

И нынѣ о двухъ неразлучныхъ—красная смерщ-
ныхъ бесѣда!

Но въ волѣ блаженныхъ силъ горнихъ, ис-
полнишь наше желанье,

И въ волѣ опвергнуешь его! — что нужды! о
другъ мой безцѣнный!

Тебя моя громкая пѣснь возвѣспишь граду-
щимъ попомкамъ,

И скажешь имъ чистую правду, предъ прав-
дой небесъ не краснѣя! —

Такъ! если когда, мой другъ, ненарочно, хошь
пѣнь оскорбленья

Я зрѣлъ ошь себя: (и зрѣлъ ли?) спокрашной,
сладчайшею жершвой

Тогда же шы все замѣняль; и въ пѣни—яснѣ-
лось веселье!

Вы, ухищренные веслами правишь , о чада
Мегары,

Вамъ слава и почесъ!—вась я привѣписшвую
днесъ благодарный!

Вы чшили, умѣли почшишь Діоклеса любовь
неизмѣнну. —

Едва низойдешъ къ намъ съ небесъ весна на
луга злапоцвѣшны,

Едва облекупся лѣса въ зеленя, свѣшлыя ризы:
 Почпенье зовешъ весь градъ на гробъ Діок-
 леса священный.—
 Тамъ юношей радоспный хоръ, шамъ сонмъ
 дѣвиць черновласыхъ;
 Надъ гробомъ склонившись, распешъ шамъ
 пальма злапыхъ поцѣлуевъ! —
 И кто спраснѣй, кто любезнѣ милыхъ кра-
 савиць цѣлуешъ,
 Чьи пламенны вѣчно уша, того украшають
 вѣнцами,
 Того съ похвалою и пѣснями въ домъ ликъ
 дѣвъ провождаешъ
 Къ машери, коя срѣшаешъ драгаго улыбкой,
 слезами! —
 Но много блаженнѣ всѣхъ судья поцѣлуевъ
 сладчайшихъ,
 Которому право дано лобызатъ всѣхъ, всѣхъ
 чередою!
 Счаспливецъ завидный цѣлуешъ, и судишь и
 рядишь!
 Онъ молишь любимца, служащаго богу силъ
 Ганимеда,
 Чшобъ были его уша, и пріятны, и крѣпки,
 и нѣжны,

Такъ вѣрны, какъ камень испышной, копорымъ
 гось чужеземной
 Доспоинство праведно злша узнавъ, даешъ
 ему цѣну. —
 Мерзляковъ.

Ид. Палемонъ.

Прекраснѣйшимъ упромъ зимою
 Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подь окномъ —
 Дрова, запасены порою,
 Пылали въ горнушкѣ прескучимъ огнемъ. —
 Онъ спужи въ шеплѣ не боялся,
 Съ улыбкою въ поле свой взоръ проспираль,
 Карпиной зимы любовался
 И въ мысляхъ возвраша весны не желалъ.
 „О сколь пы, природа, прекрасна!
 Ничто не измѣнишь швоей красоты!
 Гроза ли пылаешъ ужасна,
 Ревушь ли бореи, цвѣшущъ ли цвѣшы —
 Всегда пы, во всемъ совершенна!....
 Какъ блещешъ равнина, сквозь легкй шуманъ
 Дрожащимъ лучемъ озаренна!
 Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!....

Тамъ дубы спояшъ обнаженны ;
 На вѣшвахъ ихъ иней пушистый нависъ ;
 Тамъ ели мелькуютъ зелены ;
 Мѣстами чернѣетъ гуспой кипарисъ.

Поля и луга опустѣли ;
 Не видно на паспвѣ гуляющихъ стадъ ;
 Замолкли паспущи свирѣли
 И пѣвчія пшички нахохлясь сидятъ.

Одинъ лишь снигирь краснобокой ,
 Чирикаетъ скачешъ по гибкимъ кустамъ ;
 Лишь слышенъ глухой и далекой
 Спукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ ;
 Лишь изрѣдка смѣжной равниной
 Съ дровами лѣнивый пропацился воль.,—
 Сшарикъ помѣшалъ хвороспиной
 Въ горнушкѣ, и снова къ окну подошелъ.—
 „Зима и моя наступила :

Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ ,
 Оспавила прежняя сила ,
 Потаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ !
 Но ахъ ! сожалѣшь ли о красной
 Дней юныхъ, промчавшейся быспро веснѣ ?
 Кшо младость провелъ не напрасно ,
 Тотъ съ ней пошерялъ заблужденья однѣ.
 Кшо былъ добродѣтели вѣренъ,

Полезень семейству и ближнимъ своимъ,
 Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
 Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ.

Когда я о немъ вспоминаю,
 Миѣ кажется, будто какого нибудь
 Стариннаго друга встрѣчаю,
 Иль вижу цвѣтами усыпанный пучъ!

Къ тому же, на что помѣняюсь
 Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
 Кошорой шеперь наслаждаюсь,
 Доспигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?

Что можешь иное сравниться
 Съ утѣхой примѣрныхъ дѣшей воспитанъ,
 Счастливымъ успѣхомъ гордишься,
 Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ чистишь?...

Подобно какъ снова весною
 Природа получишь свою красоту,
 Такъ жизнью моей молодою

Я въ миломъ Дамещѣ моемъ разцвѣшу!

Панаевъ.

Ид. Местатель Миртилъ.

Полдневные лучи съ высотъ небесъ лилися;
 Зефиръ не шевелилъ листвоу;
 Овечки берегомъ Ладона улетѣли;

И уклонившійся въ прохладну сѣнь деревь
 Миршилъ, въ шопъ самый день съ Филлидой
 обрученный,

Счаспливѣйшій изъ паспуховъ,
 Пѣль, въ сладкія мечпы и думы погруженный:
 „Ахъ! вѣришь ли пому, что сбудеся со мной?

Уже ли въ самомъ дѣлѣ
 Чрезъ двѣ иль при недѣли
 Я мужемъ назовусь Филлидѣ дорогой?....

О, проходи же время срока!
 Повѣй, блесни скорѣ опъ восшока
 То упро радоспнаго дня,
 Когда предъ олшаремъ Гимена
 Съ Филлидой преклонивъ колѣна,
 И шайныя мольбы сердець соединя,
 Мы повшоримъ обѣщъ священный,
 Кшпорый ушвердишь сѡюзъ на вѣки нашъ!
 Съ какимъ восшоргомъ я, жрецомъ благосло-
 венный,
 Изъ храма поведу ее къ себѣ въ шалашъ!
 Съ какими чувшвами, всшупивъ подъ кровь
 смиренный,
 И милую обнявъ, скажу ей: я убогъ,
 Вошъ все мое: шалашъ укромный и полспада;
 Но если наградилъ меня шобою богъ —

То я уже богашъ, мнѣ ничего не надо!

Но если ты со мной

То эша хижина мнѣ будешь рай земной!

Скажу, и слезы умиленья

Блеснушь у милой на глазахъ ;

Я самъ на грудь ея паду погда въ слезахъ.—

Сей первый день соединенья

Пройдешь о будущемъ въ мечтахъ.

А завтра, раннею проснувшись порою,

Лишь чухъ забрежжешь свѣшъ надъ ближнею
горою,

Собравъ овецъ своихъ, взявъ шляпы, посошки,

Пойдемъ на пасву мы. Тамъ, на долинахъ
злачныхъ ,

Толпой сберушся къ намъ паспушки, паспушки;

Съ улыбкой встрѣшатъ насъ, супруговъ ново-
брачныхъ ;

И ушро въ дружеской бѣседѣ, ласкахъ ихъ,

Въ шрудахъ , споль легкихъ для двоихъ ,

Невидимо идешь, минушой пролешаешь.

Вошь полдень наспуаешь ;

Зной солнечный велишь убѣжища искашь,

И мы спѣшимъ въ лѣсокъ, подъ шѣнию древе-
сной

Укрышся ошь него, въ прохладѣ ошдыхашъ.

Журчанье ручейка, изъ подъ скалы навѣсной

Текущаго лѣниво межъ цвѣшовъ ,

Шептаніе лисшовъ ,

И тихія моей свирѣли

Трели —

Все, все невольно призовешь

Паспѹшку къ сладкому покою :

Она разнѣжись, склонись головою

Въ колѣна мнѣ, заснешь

Что жь буду дѣлать я?—я буду наслаждашься

Ея спокойствіемъ, я буду любоваться

Филлидиной красой:

Лилейной груди бѣлизной ,

И черными, съ плеча упавшими кудрями,

И алыми ушами,

И свѣжимъ, розовымъ румянцемъ полныхъ щекъ,

Копорый каждый мошылекъ

Сочнешь навѣрно зъ цвѣшокъ.

Но я и мошылка къ Филлидѣ приревную!

И, чпобъ ему' не дашь

Ее поцѣловать,

Самъ милую мою скорѣ поцѣлую.—

Но вопъ ужъ солнце за горой;

Ужъ вечеръ насупаешъ

И шѣни длинныя по лугу разспилаешъ;

Всѣ съ пасбищъ и полей домой;

Пора и намъ идши; и мы, рука съ рукою,

Гоня передъ собою

Рѣзвящихся овецъ,

За ними же домой приходимъ наконецъ.

Теперь, когда ужъ солнце сядетъ,

И мѣсяцъ молодой изъ облаковъ проглянетъ,

Какъ соберутся всѣ въ кружокъ

Среди селенья на лужокъ,

Мы будемъ пѣшь, плясашъ, мѣшались въ хо-
роводы,

Или—кто насъ лишилъ свободы? —

Пойдемъ вдвоемъ, она да я

Къ рѣкѣ, за шалани, послушаешъ соловья;

Смотрѣшъ, какъ шускляя въ шиши спруаши-
ся воды,

Какъ спанетъ попухаешъ вечерняя заря. —

Въ шакомъ-шо счасіи, годовъ не примѣчая,

Не только эпошъ день, вся наша жизнь прой-
детъ!

Ахъ! если къ эшому Зевесъ намъ ниспошлетъ

Еще дѣшей, шо, даже увядая,

При спаросши самой,

Не позавидуемъ чешъ мы молодой:

Все съ юными оспанемся сердцами!.,

Такъ пѣлъ онъ и не зналъ, чшо шущъ же, за
кусшами,

Въ двухъ опъ него шагахъ,
 Филлида, съ сладкими слезами на глазахъ,
 Разшроганна спояла,
 И жребій свой въ душѣ благословляла.
 Панаевъ. *)

Слово Идиллія по Гречески *ἰδύλλιον* есть уменьшительное опъ *ἶδος*, видъ, и значить маленькой образъ, представленьице—пошому чшо предметъ сей поэзіи сошавляющъ наиболѣе изображенія.

Прим.: Дабы имѣть подробнѣйшее свѣденіе о свойствахъ Идилліи, какъ поэзіи пастушеской, и особенно о разности ея съ Еклогою, надлежитъ прочесть спашьи *Еклога* и *Пастушескій*; ибо здѣсь многія объясненія непомѣщены, во избѣжаніе повшореній.

ГЕРОГЛИФЪ см. *Героглифъ*.

ИЗЛОЖЕНІЕ. Симъ именемъ называется въ поэмѣ Епической та часть, въ кошорой повѣспвуется самое происшествіе.—См. *Епическій*.

*) Г. Панаевъ сдѣлалъ въ прошедшемъ году пріятный подарокъ любителямъ Пастушеской поэзіи изданіемъ своихъ *Идиллій*, въ числѣ кошорыхъ находящяся и прекраснѣйшія *Еклога*.

ИЗНАНКА, выворопъ на изнанку. — Изнанкою называется описаніе шуточнымъ и даже низкимъ слогомъ пѣхъ происшесшвій, кои прежде по важности своей описаны были слогомъ высокимъ.

Изнанка не естъ пародія, какъ многіе полагають, ибо пародія состоишь въ примѣненіи того же сочиненія къ другимъ происшесшвіямъ и къ другимъ лицамъ, съ переменною нѣкопорыхъ выражений. — См. *Пародія*.

Примѣромъ *изнанки* мы имѣемъ Енеиду, *вывороченную* (что Французы называютъ *travesti*) Осиповымъ и Копельничкимъ. Первый переложилъ семь пѣсней, а послѣдній оспальные пять. — Вотъ нѣкопорые опрывки! Для лучшаго показанія разности помѣщаемъ и переводъ Пешрова.

Еоль, въ первой пѣсни, даетъ слово Юнонѣ произвеси бурю:

Онъ рекъ, и скипетра однимъ ударомъ въ мигъ
Бокъ шощія горы власшительно раздвигъ;

Ошверзнемъ вѣпры симъ, рашъ нагла, выле-
тають,

Свисшящъ, и опъ земли пыль вихремъ воз-
мешають;

Съ востока дуощій и съ запада ширанъ

И южныхъ бурь опець, шерзають Океанъ ;
 Подъ пѣной волны, какъ подъ вѣчнымъ горы
 снѣгомъ, —

Переспизаючи одна другую бѣгомъ

Все море изъ предѣль на сушу вонь несуть
 И пняжкими берега ударами шрясуть.

Возносящъ крикъ пловцы средь общія напасши,

Трецащъ и ломящя напрученныя снаспи ;

Тучъ гущосщъ облежищъ небесный сводъ кру-
 гомъ,

Гремищъ изъ края въ край кашающійся громъ,

Ощъ черной ночи день въ полудни померкаешъ,

И молнія сквозъ мглу за молніей сверкаешъ ;

Тамъ ужась очеса и слухи всѣмъ разищъ,

И очевидная опвсюду смерщъ грозищъ.

Еней сквозъ моря ревъ, сквозъ спрашны грома
 звуки,

Проспря ко небесамъ шрепещущія руки

„Блаженны вы, гласищъ, блаженны много кращъ

„Которые изшедъ изъ гордой Трои вращъ

„Близъ спѣнъ опечеспва вели кровавы бои

„И при очахъ опщовъ скончались какъ герои!

У Осипова шакъ начинаешся сей оп-
 рывокъ :

Боль ей низко поклоняся

Мѣшокъ поспѣшно развязаль;
 И самъ къ споронкѣ припуляся
 Онъ вѣпрамъ всѣмъ свободу даль.
 Вздурились вѣпры, засвисѣли,
 Взвились, вскружились, полешѣли,
 Наспала сильная гроза,
 Иной пыхпѣлъ надувши губы,
 Другой шипѣлъ оская зубы,
 Иной дулъ выпуча глаза.

Горшокъ у бабы какъ со щами
 Бурлишь въ расподленной печи,
 Такъ почно сильными волнами
 Киѣло море въ шой ночи.
 Со всѣхъ споронъ вздымалась буря,
 Все море сдѣлалось какъ пюръ,
 Не видно свѣша ни слѣда,
 Ревѣла волкомъ вся пучина,
 Наспала въ морѣ чершовщина,
 Бросало порознь всѣ суда.

.....

Ревѣда буря громогласно,
 Свиссади вѣпры какъ сурки;
 Суда качаясь ежечасно,
 Ныряли въ воду какъ нырки.

Инаго сильною волною
 Въ верхъ опрокинуло кормою,
 Другой насѣдкой на мѣль сѣль,
 Иной песку съ водой наѣлся,
 Иной раздулся и разсѣлся,
 На дно за раками пошелъ.

Еней какъ будшо въ лихорадкѣ
 Зубами хлопя дрожалъ ;
 Или въ падучемъ какъ припадкѣ
 Кривлялся, корчился, зѣваль ;
 Взирая съ судна на пучину ,
 Бурлацки клялъ свою судьбину
 И бабьимъ голосомъ ревѣль :
 „Ахъ! еслибъ въ Троѣ я оспался,
 „То такъ шеперь бы не скипался,
 „И шолько бъ горя не шерѣлъ. . . . и проч.

И начало десяшой пѣсни:

Се опшверзающся небесные чершюги!
 Приходящъ въ важное движеніе всѣ боги.
 Днесъ полный ихъ соборъ Юшиперъ на совѣпшъ
 Передъ усыпанный звѣздами шронъ, зовешъ;
 Предъ шронъ, съ кошораго низводишъ онъ зѣ-
 ницы ,
 На Фриговъ, Рушулянь, на міра всѣ границы.

Возсѣли на мѣста; имъ шако шупть Зевесъ:
 „Велики жипели превыспреннихъ небесъ!
 „Чшо думу преложа, въ бореніи упругомъ,
 „Вы шако сваришесь, враждуя, другъ со дру-
 гомъ?—и пр.

Петровъ.

Раздѣлся въ небѣ скрыпъ ужасный,
 Ошверзся звѣздный Магиспрапъ,
 И боги всѣ за споликъ красный
 Какъ водипся засѣли въ рядъ,
 Они лишь ждали Сенапора,
 Владыку ихъ и Прокурора,
 Чшо весь Олимпъ шогда собралъ.—
 Вдругъ входипъ онъ — и отъ досады
 На всѣхъ косые бросивъ взгляды,
 Нелѣпнымъ голосомъ вскричалъ:

Скажише, долго ли бѣсипсья
 Вы будете на небесахъ,
 Между собою здѣсь бранипсья
 И по же заводипъ въ людяхъ;
 Ей! господа поберегипсья,
 И съ головою соберипсья
 Иль я скрою по шреуху!
 Кшо вамъ, скажише, даль велѣнья

Безъ моего соизволенья
 Таковую заварить уху? и пр.

Котельницкій.

Изнанка шребуешъ слога легкаго, шупливаго. — Надлежитъ также наблюдать, чшобы она въ *содержаніи* и въ *вымыслахъ* не имѣла никакой ошъ подлинника ошмѣны.

Кромѣ Енеиды, вывороченной, ешъ еще на Русскомъ языкѣ въ подобномъ вкусѣ написанная Г. Люценко небольшая поэма подъ названіемъ *Похищеніе Прозерпины*.

ИЗОБРАЖЕНІЕ. Фигура предложеній. Соспоитъ въ помѣ, когда сочинитель представляешъ вещь или дѣйствіе со всѣми обстоятельствами шакъ живо, какъ будто бы онѣ шочно предъ глазами слушателей или читателей находились. На пр:

У Дмишріева въ стихахъ *на взятіе Варшавы*.

А ты, гремѣвшая со шрона,
 Любимица самихъ боговъ,
 Дстойна гимновъ Аполлона!
 Возри на цвѣшъ своихъ сыновъ:
 Се вѣюшъ шлемы ихъ пернашъ,

Се ихъ бѣлѣють знамена!
 Се ихъ покрышы пылью лапы,
 На коихъ кровь еще видна!
 Возри: се идушь въ ратномъ спрѣ!
 Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!
 Не Марсаль въ каждомъ зришь героѣ?
 Не всякъ ли рока власпелинъ?
 Они къ спонамъ швоимъ бросають
 Лавровы, свѣжіе вѣнки и пр.

У Державина въ спихахъ *Утро*:

Онъ зрѣлъ, какъ свѣша богъ съ морями лишь
 сравнялся,
 То алый лучъ по нихъ восколебался,
 Посыпались со скалъ
 Рубины, яхонты, криспаль
 И бисеры перловы
 Зажглись на вѣшвахъ;
 Багряны шѣни, бирюзовы,
 Слилися съ златомъ въ облакахъ,
 И все сіяніе покрыло.

У Ломоносова:

Такъ флотъ Россійскій въ понть дерзаетъ,
 Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
 Надменна бездна услупаетъ,
 Часть. II.

Спеша опъ шягоспи судовъ ;
 Во слѣдъ за скорыми кормами
 Бѣжишь кипяща пѣна рвами ;
 Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
 Наносятъ Гошфамъ страхъ великъ.

Сія фигура есть по же самое, что
Ипотипозисб.—См. *Описание.*

ИЗОБРѢТЕНІЕ. *Inventio, excogitatio.*—
 Изобрѣшеніе есть собраніе разныхъ мы-
 слей, приличныхъ предлагаемой матеріи.
 Оно содержишь въ себѣ правила, какимъ
 образомъ и откуда упомянутыя мысли
 почерпашь можно. Источники сіи назы-
 ваются въ Риторикѣ *мѣстами Риториче-
 скими, Loci topici, argumenta*, и суть: 1.) Родъ
 и видъ, 2.) Цѣлое и части, 3.) Свойства,
 4.) Имя, 5.) Дѣйствіе и спрдаіе; 6.) Вре-
 мя, 7.) Мѣсто, 8.) Происхожденіе, 9.) При-
 чина, 10.) Предыдущее и послѣдующее, 11.)
 Признаки, 12.) Обстоятельства, 13.) По-
 добіе, 14.) Противное.

Какъ спашья сія принадлежишь со-
 вершенно къ Риторикѣ, по не распроспра-
 няясь въ объясненіяхъ, просимъ читателя
 обратиться къ Риторикѣ Ломоносова и
 другимъ, ежели онъ желаетъ узнать по-

дробнѣе, въ чемъ состоятъ *мѣста Риторическія*.

ИЗРЪЧЕНІЕ. То же что Апоффегма. Въ Рипорикѣ почищается фигура предложениі.—На пр:

Могила храбраго опечешву священна. —
Любви одна любовь лишь можетъ быть на-
градой.—

Печаль милѣе двумъ, чѣмъ радость одному.

ИМЕНЕЙ. См. Гименій.

ИМНЪ. См. Гимнъ.

ИМНОПЕДІЯ см. Гимнопедія.

ИНТЕРМЕДІЯ. Симиъ именемъ назывались небольшія сочиненія, игранныя между дѣйствіями (опдѣвленіями) или актами театральнаго представленія. Сіе дѣлалось для увеселенія народа въ то время, какъ актеры опдыхали, или перемѣняли плашье. — Въ древней Трагедіи въ *Интермедіяхъ* пѣлъ хоръ, для означенія, что актъ кончился.—Ариспосель и Горацій правиломъ пославляющъ, что въ *Интермедіяхъ* должно пѣшь, и что маперія сего пѣнія долж-

на бышь взята изъ главнаго содержанія піесы. — Нынѣ между акшами упопреляются балешы, либо играешъ музыка. — См. *Антрактъ, Междудѣйствіе.*

ИНТРИГА см. *Завязка.*

ІОНИЧЕСКІЙ. Сіе прилагательное имя упопреляется въ Греческой и Латинской поэзіи для показанія стопы, составленной изъ *спондея* и *пиррихія*. Когда слово начинается спондеемъ, какъ на пр: *santabimus, victoria, мѣнаокего, се* подвиги, по сіе называешся *большимъ Ионическимъ размѣромъ*, *Ionicus major*, или *à majeure*; а когда начинается пиррихіемъ, по называешся *малымъ Ионическимъ размѣромъ*, *Ionicus à minore*, на пр: *полутекна, разсвѣпаль* день.

ИПЕРБОЛА С. *Гипербола.*

ИПЕРКАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ. См. *Гиперкаталектический.*

ИПОТИПОЗИСЪ См. *Гипопозисъ.*

ИРОИДА. См. *Героида.*

ИРО-ЕЛЕГИЧЕСКІЙ. См. *Геро-Елеги-
тескій.*

ИРОИ-КОМИЧЕСКІЙ. См. *Герои-Ко-
мическій.*

ИРОИЧЕСКІЙ. См. *Героическій.*

ИРОНИЧЕСКІЙ. Заключающій Тропъ,
называемый въ Риторикѣ Иронією. — См.
ниже.

ИРОНІЯ. Тропъ Риторическій. — Со-
споишь въ помъ, когда съ видомъ насмѣ-
шливымъ или шуточнымъ говорятъ про-
тивное тому, что думаютъ. Иронія, въ
которой подъ видомъ похвалы бранятъ и
подъ видомъ удивленія презираютъ, встрѣ-
чается очень часто даже въ обыкновен-
ныхъ разговорахъ. Иронію составляютъ:
*Астеизмъ, Діазирмъ, Мимеза, Сарказмъ,
Харіентизмъ и Хлеазмъ.* См. сіи слова.

Квиншиліанъ раздѣляетъ Иронію на
два рода: одну причисляетъ къ пропамъ,
а другую къ фигурамъ предложеній. Она,
по мнѣнію его, бываетъ *тропъ*, когда со-
споишь въ одномъ или двухъ словахъ, и
фигура, когда заключаетъ прошивополож-
ность словъ и мыслей въ продолженіи цѣ-

лой рѣчи.—*Instit. orat. IX. III.*—Иронія естѣ слово Греческое, *ἔρωνεια*; Квинтилианъ переводитъ оное лишперально *насмѣшкою*, *illusio*.

ИФОПІЯ См. Описаніе.

К.

КАНЕВА или Канва, *canvas*.—Такъ называютъ у Французовъ списки, написанные по музыкальному сочиненію, какъ по: по Симфоніи, по Концерпу, по Польскому, по Коншрдансу и пр. По сему слова, сочиненныя по Гайднову *Сотворенію лира* могутъ назваться Канвою.—Иногда называется у нихъ симъ именемъ и основаніе какого-либо сочиненія.

КАНТАТА. Самое сіе слово, происходящее отъ *cantare*, пѣшь, показываетъ, что *Кантата* должна бытъ сочиненіе написанное для пѣнія; однакожь обыкновенно она соспоитъ изъ двухъ часпей: изъ *Повѣствованій* и изъ *Арій*, п. е. пѣсень, копорыя всегда слѣдуютъ за повѣспованіемъ. Въ послѣднемъ Піишь изображаетъ самый

предметъ, а въ аріяхъ изъясляютъ чувствія, или разсужденіе, произведенныя предметомъ. Повѣспованія пишущся обыкновенно шестиспопными стихами, иногда и вольными; въ аріяхъ употребляются стихи крапчайшіе, которые могутъ быть всякаго размѣра, только бы удобны были къ положенію на голосъ.—Дабы не сдѣлать Каншапу слишкомъ продолжительною, по принято за правило не помещать въ ней болѣе трехъ повѣспованій, и слѣдсвенно болѣе трехъ арій.

Содержаніемъ Каншапы должно быть происшествіе историческое, или баснословное, изъ котораго бы можно было извлечь нравсвенное разсужденіе.—Поэма сія пребуетъ такога же изящества мыслей, такихъ же избранныхъ выраженій, какъ ода, но опвергаетъ ея опспуленія и безпорядокъ.—Слогъ повѣспованія долженъ имѣть болѣе силы и возвышенности, нежели слогъ арій: сіи послѣднія опличаются чувсвованіемъ и нѣжностію.—Ж. Б. Руссо почиается лучшимъ въ семь родѣ писателемъ. Вотъ одна изъ его Каншапъ, переведенная Г. Воспоковымъ:

Ц и р ц е я.

На сѣромъ камени пуспынномъ и высококомъ,
 Вершина коего касалася небесь,
 Цирцея блѣдная, въ опчаяньи глубокомъ,
 Лила потоки горькихъ слезъ.

Ошшуда по волнамъ глаза ея блуждали,
 Казалось, что они Улисса памъ искали.
 Еще мечшала зрѣшь героя своего!

Сія мечша въ ней грудь спѣсенну облегчаешь;
 Она зовешь къ себѣ его,

И гласъ ея спокрашъ рыданье прерываешь:

„Виновникъ моего мученья,
 „Ахъ, возврапись въ спрану сію;
 „Не о любви шебя молю,
 „Приди хопя изъ сожалѣнья,
 „Кончину ускоришь мою!

„Хоть сердце бѣдное мое сраженно
 „Ешь жершва пагубной къ шебѣ любви,
 „Хопя обманушо шобой, презрѣнно,
 „Но пламень злой еще горить въ крови.
 „И ахъ! уже ли нѣжность преступленье,
 „Чтобы шакое заслужишь презрѣнье?

„Ахъ, возврапись въ спрану сію,
 „Виновникъ моего мученья!
 „Уже не о любви молю,

„Приди хопя изъ сожалѣнья

„Кончину ускоришь мою.“

Такъ въ жалобахъ она скорбь сердца изли-
ваешь!

Но вскорѣ къ своему искусству прибѣгаешь;
Чтобъ возвращишь назадъ любви своей пред-
мешь,

Всѣ адски божества она къ себѣ зовешь:
Коцишь и мрачный Спиксъ, Цербера, Тизи-
фону,

Злыхъ Фурій, гордыхъ Паркъ, Гекашу непре-
клонну.

Кровавы жершвы ужъ препещушь на коспрахъ,
И въ мигъ ихъ молнія преобращаетъ въ прахъ!
Тяжелые пары свѣшъ солнца заимѣваютъ,
Боязненно свой бѣгъ планеты прерываютъ,
Рѣка со ужасомъ къ вершинамъ вспяшь бѣ-
житъ,

И самъ Плутонъ въ своихъ убѣжищахъ дро-
житъ.

Гласъ ея спрашный

Двигнулъ весь адъ;

Громы ужасны

Глухо гремяшь,

Облаки мрачны

Ясный день пмяшь.

Земля препенещь

Страхомъ полна,

Яросно плещь

Бурна волна;

Съ ужасомъ мещь

Взоръ свей луна.

И шѣни адскія, внявъ яры заклинанья,

Изъ бездны сумрака, блѣднѣя, поднялись;

Ихъ пропихенный, унылы завыванья,

Далеко въ воздухѣ со снономъ раздались —

И вѣпры съ наглостью заклеты горь прорвали

И съ плачемъ препеншнымъ и спрашнымъ

шѣмъ смѣшали

Свой шумъ, и ревъ, и вой, и свиспъ!

Усилья пщешныя—любовница несчастна!

Ты надъ всеильною любовію невласна!

Хопъ землю можешь попрыщи,

И адъ въ смяшенье привести,

Того не сдѣлаешь пми яроспью ужасной,

Чего швой взоръ прекрасной

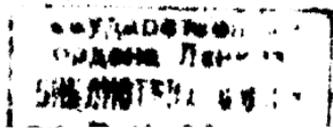
Не могъ произвеспи.

Такъ, независимъ купидонъ;

Свои права онъ защищашь;

Не перпишь принужденья онъ,

По волѣ смершныхъ надѣлаешь:

Предписывая всѣмъ законъ,
 Законовъ самъ ничьихъ не знаешь —
 Гдѣ пронъ споялъ зимы сѣдой,
 Туда Зефировъ легкій рой
 Съ прекрасной Флорой возвратишься,
 Эолу Алкіонъ *) опдасть
 Свою надъ моремъ крапку власъ,
 И паки ею насладишься,
 А оплешѣвшую любовь
 Къ себѣ ты не залучишь вновь.

КАНТЪ, cantus, шакъ назывались въ древности Гимны или пѣсни, воспѣваемые въ честь и во славу Бога. — Пѣснь или *Кантъ* Моисея по переходѣ Чермнаго моря почищается между всѣми, написанными на Еврейскомъ языкѣ, самымъ превосходнѣйшимъ швореніемъ.

КАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ см. *Иперката-лектическій*. — Слово сіе происходитъ отъ

*) Алкіонъ, пшница, ищеть любовника своего Цейкса на водахъ. Когда она вьеть гнѣздо и высмживаетъ пшнецовъ, тогда вѣпры изъ почшенія къ любви ея, удерживають свое дыханіе, и море ушпахаетъ. — См. *Мифологію*.

κατά прошивъ и *λέγου* оканчиваю, п. е. конченый прошивъ правилъ.

КАТАХРИЗИСЪ. Въ Рипорикѣ, пропъ рѣченій: есть перемѣна одного слова на другое, кошорое имѣешь близкое къ нему знаменованіе—что дѣлаешся или для напряженія, или для послабленія какого нибудь дѣйствія, или свойсва; на пр. бѣжашъ вмѣсто идиши, бранишь вм. выговаривашъ, лукавъ вм. хипръ, скупъ вм. бережливъ, и на оборошъ.

Слово сіе взято съ Греческаго: *κατάχρησις* значишь злоупотребленіе, *abusus*, ибо изъ слова дѣлаешся употребленіе прошивное пому смыслу, въ какомъ оно обыкновенно полагаешся.

КЕНИЗМЪ. *κοιτημός*; отъ *κοινός*, общій. —Кенизмомъ называлась у Грековъ погрѣшность въ слогѣ, состоящая въ томъ, когда одно сочиненіе заключало въ себѣ различныя нарѣчія, Аппическое, Еолическое, Ионическое и Дорическое.

„У насъ впадаюшъ, говоришь Квинтилианъ, (*Instit. orat. VIII. 3.*) въ подобный порокъ, когда безъ различія употребляюшъ высокія и низкія выраженія, или слова

старинныя вмѣстѣ съ новыми, ибо изъ того выходишь чудовище, подобное описанному Горациемъ въ началѣ первой книги науки о стихопворствѣ., — Подобный порокъ бываетъ и у Россійскихъ писателей, когда они безъ разбора упошребляють слова Славянскія и чиспыя Русскія, прощонародныя и высокія и пр.

КЕНОТАФІЯ. Родъ Епишафіи.—См. сіе слово.—Разносшь ея опть послѣдней состоипшь въ томъ, что она пишеться для опдаленно-умершихъ, или, какъ должно предпологають, вырѣзываетъ на памяшникахъ въ честь ихъ воздвигаемыхъ, или на гробницахъ пуспыхъ, шо есть, не содержащихъ въ себѣ тѣла покойника, но посшавленныхъ шолько для воспоминанія.

КОМЕДІЯ. — Комедія есть предложенное въ дѣйствіи подражаніе нравовъ, пороковъ, обыкновеній, спранносшей, видимыхъ между людьми.

Опличительное свойство *Комедіи* заключается въ искусствѣ смѣшпшь зрптелей, какъ самымъ расположеніемъ происшесшвій, шакъ и оспрыми изрѣченіями; а предметъ ея состоипшь въ томъ, чтобы

показывая намъ смѣшныя спранности и даже пороки другихъ людей, исправляя зритель, подъ опасеніемъ подобнаго осмѣянія. *Ridendo castigat mores.* — Впрочемъ пороки тогда только принадлежатъ *Комедіи*, когда они могутъ засмѣяться. Стихотворецъ обязанъ сокрыть все то, что могутъ они имѣть низкаго, презрительнаго, возбуждающаго негодованіе. Въ *Комедіи* никогда не должны мы видѣть человека порочнаго въ такомъ положеніи, которое могло бы произвѣсти въ насъ ужасъ или соучастіе. Онъ долженъ только забавлять насъ на свой счетъ, и чѣмъ болѣе доставитъ намъ такой забавы, тѣмъ болѣе мы почувствуемъ, ежели только обратимъ на себя вниманіе, что онъ заставляешь самихъ насъ осперегаться, дабы не подвергнуться подобному осмѣянію.--

Многими средствами воспользоваться можно къ надлежащему изображенію спранностей и пороковъ. Первое состоитъ въ представленіи противоположныхъ между собою спранностей, противоположныхъ пороковъ; на примѣръ, вмѣстѣ съ женою высокоумною и самовластною мужа робкаго и глупаго, каковы *Простаковы* въ *Комедіи Недоросль*; скупаго отца и сына

мопа, и пр. Второе состоишь въ прошиво-положеніи спрранносшей и пороковъ по-спупкамъ благоразумнымъ и добродѣшель-нымъ; предсавыше Мизантропа съ чело-вѣкомъ учпивымъ и любящимъ общество, коварнаго льспеца съ челоуѣкомъ добрымъ и чиспосердечнымъ, и пр. Трешье сред-спво заключаешя въ нѣкошоромъ увели-ченіи изображаемыхъ предмешовъ; ибо какъ оныя, пакъ сказашь, видимы бываюшь на шеапрѣ въ опдаленіи, шо и должно пока-зашь ихъ въ черпахъ разишельнѣйшихъ, дабы они ошавили по себѣ впечатлѣніе продолжисельное.

Въ *Комедіяхъ*, пакже какъ и въ дру-гихъ *Драматическихкихъ* сочиненіяхъ, надле-жишь наблюдашь расположеіе и цѣль, *единство* дѣйспвія или происшеспвія, един-спво времени и единспво мѣспа, *узелъ* и *развязку*. *Комедія* раздѣляешя пакже на *акты*, шо еспъ, опдѣленія или дѣйспвія, а сіи на *сцены* или явленія.—См. *Драма*.—

Достоинспво *Комедій* состоишь наи-болѣе или въ *узлѣ*, или въ *характерахъ*. Первый родъ содержишь непрерывную цѣпь приключеній, умножающихъ вниманіе зри-теля до самой *развязки*.—(См. сіе слово въ *Драмѣ*.) Но какъ въ такихъ *Комедіяхъ*

нравы и характеры описываются только поверхностно, но онъ по сей причинѣ служатъ болѣе къ увеселенію, нежели къ исправленію сердца. Во впоромъ родѣ представляется одинъ господствующій или главный характеръ, который составляетъ цѣль Комедіи. Къ сему характеру можешь спихопворецъ присовокупить другіе характеры *низшіе*, не обременяя дѣйствія излишними приключеніями, что и показалъ Мольеръ въ своемъ *Мизантропѣ*, гдѣ изображены также характеры кокешки, женщины злословной и вертопраха. Бываютъ еще Комедіи *многохарактерныя*, то есть, составленныя изъ многихъ характеровъ одинакой силы, такъ что ни одного изъ нихъ не можно почестъ *главнымъ*; такъ у Мольера въ *Школѣ мужей* характеры Изабеллы, Сганареля, Ариста и Леонора, въ *Школѣ женъ* Агнесы и Арнольфа. Требуется однакожь, чтобы и въ сихъ Комедіяхъ одно или два лица имѣли нѣкоторое превосходство предъ прочими; другія, хотя и равныя съ ними, должны имѣть характеры пропивоположныя. Въ тѣхъ же Комедіяхъ, гдѣ есть господствующій или главный характеръ, должно стараться, чтобы участіе зрительей обраца-

лось наиболѣе къ нему одному, чшобъ онъ былъ единственною причиною и завязки и развязки.

Въ характерныхъ Комедіяхъ описываются нравы и обычаи или *общіе* или *частные*. Сочиненіе, основанное на нравахъ общихъ, должно нравиться повсюду и всегда. Плавшова Комедія *Скупецъ*, около двухъ тысячъ лѣтъ уже написанная, по нынѣ нравится и будетъ пріятна позднѣйшимъ потомкамъ. Комедіи же, въ которыхъ описываются нравы *частные*, не могутъ доставлять такого продолжительнаго удовольствія: и сверхъ того онѣ имѣютъ успѣхъ въ одной своей родинѣ. Мы читаемъ съ большою пріятностію *Андріенну* и другія Комедіи Теренція пошому только, что онѣ хорошо написаны, и хорошо расположены; но онѣ не могутъ быть для насъ занимательны, ибо мы видимъ въ нихъ единственно изображеніе погдашнихъ Римскихъ нравовъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣшнихъ.

„Всякая піеса комическая, говоритъ Мерзляковъ въ разборѣ оперы *Мѣльникъ*, шѣмъ постояннѣе, продолжительнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ слабость, порокъ или предразсудовъ въ ней осмѣиваемый, менѣе частъ

ной и временной, но болѣе всеобщій и господствующій. Часпныя и временныя слабости и пороки скоро изчезаютъ и замѣняются другими въ обществѣ; какъ скоро оригиналы пропали, тогда перяютъ занимательность ихъ копіи или подражанія. *Скотинины* и *Простаковы* цовывелись — и мы, плѣняясь оспроуміемъ фонъ *Визина*, давно уже находимъ нашажку и слишкомъ яркіе цвѣты въ его изображеніяхъ. При томъ сіи изображенія спали ниже насъ: онѣ оскорбляютъ самолюбіе опечеспвленное, напоминая, каковыми были, и каковы изъ насъ, можеть бытъ, къ сожалѣнію, еще есть нѣкопорые. Удовольспвіе слабѣетъ: мы хладѣемъ къ піесѣ, при всѣхъ ея доспоинспвахъ. И шакъ содержаніемъ *Комедіи* должно бытъ смѣшное, пріятное или забавное, копорое не унижало бы нашей природы, или нашего о себѣ мнѣнія и льспило бы самолюбію нашему пріятнымъ времяпрепровожденіемъ на счетъ другаго»

Авшору *Комедіи* болѣе всего надлежитъ сохранятъ правдоподобіе и спараться, чшобы дѣйспвующія лица, какъ въ поступкахъ своихъ, шакъ и въ рѣчахъ, казались *натуральными*, ибо онѣ имѣеть не-

премѣнною обязанностію заспавишь зри-
теля забышься, что находится въ шеа-
рѣ, заспавишь думать, что видишь не
произведеніе искусства, а дѣйствительное
происшествіе.

Комедія пребуешь также, чтобы все
было въ ней привлекательно. — Хотя не
возможно предполагать равной живости
и равной красоты въ продолженіи всего
сочиненія, ибо необходимо должны быть
сцены, не могущія плѣнять наравнѣ съ
другими: однакожь надобно стараться,
чтобы и сіи слабѣйшія части, каждая по
мѣрѣ своей, привлекали и возбуждали вни-
маніе зрителей.

Въ Комедіяхъ прекраснѣйшее дѣй-
ствіе производитъ *внезапность*. Она со-
стоится въ такомъ приключеніи, котора-
го зритель не могъ ни ожидать, ни пред-
видѣть; но надлежитъ наблюдать, чтобы
такой *переломъ* или *переворотъ* дѣйствія
былъ правдоподобенъ, натураленъ, и прои-
сходилъ изъ самой завязки.

Слогъ Комедіи долженъ быть простъ,
легокъ. Уподобляясь обыкновенному разго-
вору, онъ пребуешь также избранныхъ
выраженій, но отнюдь не принужденныхъ,
не выисканныхъ, и не шерцишь какъ словъ

высокопарныхъ, такъ обвешпалыхъ и площадныхъ. Мысли должны бытъ ясны, натуральны, основаны на истинѣ и правдоподобіи. Комическій поэтъ обязанъ говорить языкомъ всѣхъ соспояній, то есть такимъ, который бы понятенъ былъ какъ человѣку придворному, такъ и провинціалу, ученому и невѣждѣ. Впрочемъ надобно замѣнить, что въ Комедіи, также какъ и въ другихъ произведеніяхъ пииническихъ, слогъ можетъ измѣняться, сообразно званію говорящаго лица и положенію, въ какомъ находится оно: по сему Комедія можетъ имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ слогъ возвышенный, даже равный величественной Трагедіи и Епосѣ; въ иныхъ же случаяхъ самый просшій, и, какъ сказано выше, подобный обыкновенному разговору.

Слѣдующіе опривки изъ разныхъ комическихъ произведеній могутъ объяснить всѣ предложенныя здѣсь правила какъ вразсужденіи слога, такъ и въ изображеніи характеровъ :

1. *Хвастунъ*, Комедія—соч. *Княжнина*.

Дѣйст: II. явл. 3.

Чванкина, Милена, дочь ея, Марина,

служанка, *Полистѣ* слуга *Верхолета*,
называющійся его Секрешаремъ.

Чванкина.

А! Господинъ *Полиспѣ*! ужъ вы забыли насъ!

Полистѣ.

Никакъ, Судариня! лишь шолько сей же часъ
У Графа рѣчь была о всячинѣ со мною.
Я—и объ васъ ему напомнилъ; онъ душою
На вашей дочери сей день женишься радъ.
Хонь это для него, по правдѣ, и не кладъ,
Но дѣлать счастье онъ другимъ всегда желаетъ;
При шомъ же любилъ васъ и очень почищаетъ.
Уже объ этомъ онъ увѣдомилъ и Дворъ.

Чванкина съ радостію.

И дворъ увѣдомилъ! какъ въ милоспяхъ онъ
скоръ!

Такъ знаюшь во дворцѣ о насъ?

Полистѣ.

Не шолько знаюшь,
Но и по комнатамъ о васъ лишь разсуждаютъ.

Чванкина съ радостію.

Ужъ и по комнатамъ!—Смоири, какая честь!

П о л и с т ъ.

И имя ваше памь не смѣюшь произнесшь
 Иначе, какъ всегда съ учшивосшью, съ поч-
 шеньемъ.

Ч в а н к и н а.

Съ почшеньемъ!—Спрячься дочь съ любовнымъ
 пы мученьемъ,
 И надобно шебѣ исчезнушь ошъ сшыда.

П о л и с т ъ.

Того я и смопрю, чшо кучею сюда
 Наѣдушъ наши всѣ придворны кавалеры;
 И я, повѣрьше миѣ, сударыня, пой вѣры,
 Чшо свадьбѣ надобно сегодня шочно бышь.
 Вы эшо знаеше: Дворомъ не лзя шупишь.

Ч в а н к и н а.

Такое миѣ родшво прелесшно и свящленно;
 И свадьбу кончимъ мы сегодня непремѣнно.

М и л е н а.

Да какъ же?

Ч в а н к и н а.

Переспань.

Милена.

Ахъ, мапушка!

Чванкина.

— Не ври,

Замолкни —

Милена.

Я умру —

Чванкина.

Пожалуй шы умри,

Да шолько умирай Графиней —

Милена опходя.

Нышь надежды!

Явленіе 4.

Тѣ же, исключая Милену, и *Верхолетб.*
Передъ нимъ выходишь шолпа лакеевъ,
скороходовъ, гайдуковъ; онъ держишь
пукъ бумагъ, и прищворясь, что ни-
кого не видишь, говоришь самъ съ со-
бою громко:

Несносные невѣжды! —

Просишели! — Они прохода не даюшь!

Какъ будшо лишь для нихъ всѣ знашныя живушь;

Да еслибъ были хошь ихъ прозбы справедливы!...
 Безъ основанія докучливы, брызгливы!
 Ихъ всѣ желанія лишь шолько вздоръ одинъ....

П о л и с т ъ къ Чванкиной.

Смогрише, знашой какъ спрадаешъ господинъ!

М а р и н а.

За шо какая жъ чешъ ему!

Ч в а н к и н а.

Какая слава!

В е р х о л е т ъ не примѣчая
 никого, развершываешъ одну
 изъ бумагъ.

Бошь-на еше какой! онъ масперъ панцовашь,
 За шо въ судьи; нѣшь другъ, шущъ надо раз-
 суждашь

И дѣло головой вершѣшь, а не ногами.

Развертываетъ другу бумагу.

А эшошь что поешъ? — „я разными спихами
 Лѣшь сорокъ всѣмъ служу; вельможъ я шѣшу,

Дворъ ;

Я старѣ всѣхъ шеперь въ Россіи спихошворъ,
 А спаршиншво мое другіе опнимаютьъ,
 И болѣ меня ужъ нравишься дерзають!

Не лзя ли, Государь, мнѣ выходишь указъ,
 Чшобъ мнѣ лишъ одному принадлежалъ Парнасъ.,,
 Ну, вошь желаніе досшойное поэта!

Развертываетъ еще бумагу.

Посмопримъ эшо что?—, изъ спранъ далекихъ
 свѣсна

Я дарованія мои принесъ пѣшкомъ.

Когда позволите, я къ вамъ приду съ мѣшкомъ,
 Въ которомъ кроюся проэкшювъ важныхъ
 силы;

Для Государства всѣ они злашыя жилы;
 Лишь шолько надо мнѣ впередъ сшо тысячь
 дашь.,—

Всѣ можно ль глупости людей перечисашь!
 Гей! Господинъ Полиспъ! гдѣ вы?

П о л и с т ъ.

Чшо Графъ прикажешъ?

В е р х о л е т ъ.

Любезный Секретарь меня весьма обяжешъ:
 Все эшо разсмопрѣвъ, доложитъ послѣ мнѣ.

П о л и с т ъ указываетъ
 на Чванкину.

Оборошищесь вы къ эшой споронѣ и пр.

2. Чудаки. Ком. соч. Княжнина.

Дѣйст. I. явл. 1.

Лентягинъ недоодѣшый, въ креслахъ,
и *Пролазъ*, наняшый слуга.

Пролазъ.

Позволено ль слугѣ ошкрышно разсуждашь?
Сегодня въ службу къ вамъ, сударь, опредѣляся
И въ первый разъ я чесшь имѣя одѣвашь,
Не смѣю.....

Лентягинъ.

Говори, ни мало не бояся!

Я искренность люблю. Я чудный Господинъ,
Я спранный челоѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ
болтаеть;

Но Философія шѣ враки презираеть.

Кажуся спраннымъ я за то, чшо я одинъ
Таковъ, какъ должно бышь. Скажи, кому мѣшаю,
Чшо я по дудочкѣ всемірной не пляшу?

Пролазъ.

За это васъ, сударь, я болѣ почишаю;
Но, баринъ.....

Лентягинъ.

Говори ошкрышно, я прошу.

Пролозбъ.

Извольше, все скажу, что на сердце имѣю.
 Вы согласитесь: у всякаго вѣдь еспь
 Своя—у бариналь, Царя ль, слуги ли—чеспъ;
 Однакожь шаки чеспъ.

Лентягинѣ.

Я эшо разумѣю,
 И знаю, что не родъ приносишь чеспъ съ собой.

Проблазбъ.

Вошь почно я шаковъ: униженъ хошь судьбой,
 Но духомъ я высокъ.—Я не могу измѣришь
 Какъ выше я другихъ, аршиномъ ли, двумя ль;
 Дашолько чеспъ люблю и въ шомъ могу увѣришь.
 Охъ, горько мнѣ, сударь! охъ, горько!

Лентягинѣ.

Ужь не я ль
 Разгнѣваль чѣмъ шебя? не я ли досаждаю?

Пролозбъ.

Такъ, вы, сударь. Я васъ впервые одѣваю;
 Опъ девяти часовъ ударить скоро часъ,
 А вы еще, а вы и вполы не одѣшы!
 Вошь эшо чеспъ мою и колешъ прямо въ глазъ.

Вы знаете, сударь, дурныхъ людей навѣшы;
Злорѣчье скажешъ шакъ: не баринъ виновашъ,
Слуга его одинъ и глупъ и не проворень.

Л е н т я г и н ъ.

Весь свѣтъ лишь глупостью и злобою богатъ!
И въ плашѣ видно по, сколь свѣтъ сей золь
и чорень.

Чтобы терзашъ меня и всѣхъ честныхъ людей,
Онъ бездну выдумалъ и пепель и завязокъ,
И пуговиць пуспыхъ и пряжекъ и подвязокъ.—
На что? на по, чтобы, подобно какъ злодѣй,
День каждый мучася сжимался и давился,
И какъ невольникъ бы въ оковахъ я помидся!
И думаешь нѣкогда! не бѣдныль мы, скажи?
Что свяжешъ поупру, по къ ночи развяжи!
И вошь у всѣхъ у насъ главнѣйше упражненье!

П р о л а з ъ.

Все правда, но тому возможно бы помочь
И сокращишь, скорѣй одѣвшился, мученье.
Ужъ ровно пашъ часовъ не опхожу я прочь—
Въ шакое время бы одѣлась и кокешка.

Л е н т я г и н ъ.

Садись (*Пролазъ оглядывается*) садись, сударь,
я говорю шебѣ.

Пролозѣ.

Какъ, миѣ, сударь?

Лентягинѣ.

Да, да.

Пролозѣ.

Иль по опъ васъ навѣшка,
Что смѣло говоришь я волю даль себѣ?
Я замолчу, сударь.

Лентягинѣ.

Ты думаешь пуспое,
Мой другъ! я не сержусь.—Садись, и будь въ
покоѣ.

Пролозѣ.

Да я вѣдь вашъ слуга.

Лентягинѣ.

Такъ что жъ?

Пролозѣ.

Гдѣ ни служилъ,
У мѣлкихъ, у Господѣ, у всякаго народа,
При барахъ завсегда я споя шолько жилъ
И думалъ, Господа совсѣмъ опмѣнна рода

Л е н т я г и н ъ.

Кто чесный человекъ, шопъ равенъ мнѣ во
всемъ.

П р о л а з ъ.

Давно вершѣлось шо, сударь, въ умѣ моемъ.
Я радъ, что разумъ вашъ съ моимъ сошелся
близко!

Чтобы слуга сидѣлъ, почпо для баръ шо низко?
И шакъ, коль чесному даеше право сѣсть,
Безъ угрызения моя садится честь.

Садится подлѣ Лентягина.

Л е н т я г и н ъ.

Вошъ эшо я люблю. Прѣсное обхожденье
И посшупъ дружеска милѣе мнѣ всего.
Какъ въ плашьѣ, шакъ во всемъ на свѣшѣ
принужденье,

А эшого и нѣшъ несноснѣй ничего.
Приемы вѣжливы, учшивые изгибы,
Коваршва гнуснаго одинъ лишь шолько лакъ;
То сѣши грубыя для самой глупой рыбы,
Чему не вѣришь, кто хошъ мало не дуракъ.
Не правда ли, мой другъ, не правдаль?

Пролозъ пропягиваясь на
креслахъ.

Точно шакъ.

Лентягинъ.

Не правъ ли я, когда со всѣми поступаю
Иначе опъ другихъ? (*надѣваетъ на себя колпакъ.*)

Надѣнь и шы колпакъ.

Пролозъ надѣваетъ.

Не лъзя правѣе бышь, я въ эпомъ увѣрю.
То правда, чпо для всѣхъ покажется смѣшно...
Но чпо людей смѣшишь, не все вѣдь по грѣшно.
Насмѣшки ихъ, сударь, счишаю за пущое.
Пуспь всѣ себѣ спояшь, сидѣшь мы будемъ двое.

.....

Лентягинъ.

Ты видишь шо, мой другъ, всѣ люди каковы;
Для насъ съшобою—ихъ поспупки не примѣры.

Пролозъ.

Изъ собшвенной все брашь намъ должно головы;
Одни лишь люди мы, другіе лицемѣры,
Мы лучше всѣхъ.

Лентягинъ.

Еще одинъ лишь договоръ

Хочу, любезный другъ, я заключишь съ побою:
 Не умножай меня пы говоря со мною,
 Разсудку здравому не говори въ упоръ
Вы вмѣсто ты. О помъ пущь гордосшь лишъ
 хлопчешь,

Копора въ пышности не споя *одного*
 На свѣшть *многими въ однолѣ* казашься хочешь.
 Всѣ эши *вы и васѣ* не значашь ничего,
 Когда *одинѣ* ничшо.

Пр о л а з ъ.

Всегда я думаль по же и пр.

3. *Воздушные Зѣмки; соч. Хмельницкаго.*

А г л а е в а.

.
 Мы время здѣсь шеряемъ.
 Пойдемте лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
 И это вѣрно насъ съ пріятностью займетъ.

А л ь н а с к а р о в ъ.

Ахъ, съ радостью!—но мнѣ позволше напередъ
 Здѣсь моему слугѣ ошдашь лишъ приказанья.

А г л а е в а.

А я васъ жду.—Теперь прощайше, до свиданья.

(Вѣ сторону)

Я влюблена!—

*Явленіе 9.**Альнаскаровъ одинъ.*

И шакъ все случай довершилъ;
 Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
 Вошь, господа, кружишь какъ головы имъ должно.
 Но эшимъ вздоромъ мнѣ прельщаешься не воз-
 можно.

Судя по всѣмъ вещамъ, я швердо убѣжденъ,
 Чшо я къ чему нибудь чудесному рождень!
 Не помню гдѣ... чиналъ я анекдотъ пре-
 красной:

Чшо кто-шо изъ морскихъ въ часъ бури пре-
 ужасной

Приспалъ къ землѣ, дошоль неизвестной никѣмъ.
 Онъ поселился шамъ, и кончилось шѣмъ,
 Чшо вскорѣ живели рѣшили межъ собою
 Республики своей избрашь его главою.

*Викторъ входитъ и подслушиваетъ.
 Альнаскаровъ продолжаетъ.*

Онъ мудро управлялъ—и въ часъ ему попомъ
 Народа общій гласъ избралъ его Царемъ!
 Чшо если бѣ? — почемужъ! на счасье нѣшь
 закона;

Да чѣмъ же, Боже мой! я хуже Робинзона?

И я могу опкрышь прелесный островокъ.
 Тамъ сдѣлавшись Царемъ.... построю городокъ,
 Займусь прожектами, народными дѣлами,
 Устрою гавани, наполню ихъ судами —
 И шунь-шо я до васъ, Алжирцы, доберусь!
 Смиришесь!—не шо.... пойду, вооружусь,
 И вы познаете воишеля десницу!
 Рѣшивши бой—лечу съ профеями въ споллицу—
 Я вспрѣченъ въ гавани народною толпой.
 Иду.... проходу нѣтъ! все ниць передо мной!
 Какой воспоргъ! вездѣ одни лишь слышны

клики :

Да здравшвуешъ нашъ Царь! да здравшвуешъ
 великій!.....

Викторъ.

Монархъ!

Альнаскароевъ (въ жару мечпанья.)

Чшо хочешъ шы?.... надѣйся и вѣщай!

Викторъ.

Великій Государь! васъ просящъ—кушашъ чай.

и прот.

Явленіе 10.

Викторъ одинъ.

..... Ну—баринъ мой проказишь не пушемъ:
 Онъ хочешь сдѣлашься—бездѣлица—Царемъ!
 Вошь мѣсто славное для мичмана въ опшшавкѣ!
 Тогда бѣ не грѣхъ Царя..... просишь мнѣ о
 прибавкѣ

Сопняги лишней въ годъ?—но чшо ни говори,
 А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ Цари.
 Какъ въ голову войдешь дурачесшво шакое?
 Вошь я шакъ напрімѣрь, оно совсѣмъ другое:
 Я лошерейной взялъ дорогою билешъ,
 И какъ не взяшь, когда увидѣлъ изъ Газешъ,
 Чшо скоро разыграшь хопяшь часы съ лихими
 Кураншами, ну шакъ, чшо не распалсябъ съ
 ними!

Рискнулъ—и за билешъ внесъ кровныхъ пядь
 рублей.

Въ шшо шысячъ выигрышь? да кшо жъ себѣ
 злодѣй?

Шшо шысячъ! Боже мой! въ швоей все эшо волѣ:
 Пусть баринъ мой себѣ храбришся на прешполѣ,
 Да шшо-шо шысячъ ты пошли его слугѣ!
 А подлиннобъ, онѣ пришли мнѣ по рукѣ.

Что еслибъ мнѣ.....хоть часъ досталася
на долю.....

Что сдѣлаю....попчасъ я выкуплюсь на волю—
Тутъ въ службу, выслужусь и черезъ годъ
какъ разъ

Вдругъ Викторъ нашъ махнешь въ четырнад-
цатый классъ!

О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ—
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, запѣвалъ
ты пусное.

Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ бары-
шомъ.—

Такъ, лучше....рѣшено—я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть прешней гильдіи, чтобы поменьше сумму
съ имѣнія плащешь мнѣ въ городскую Думу.
Тутъ я благословясь пущусь попчасъ въ торги...
По лавочкамъ мси всѣ заплачу долги—
Попомъ куплю себѣ я домикъ презапѣйной,
Сперва въ полку, а тамъ пожалуй на Липейной!
Обзаведусь и самъ женюсь наконецъ.....

И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ опець!
И вошь вокругъ меня цыпляпочки—малюшки...
Я буду говорить имъ сказки, прибаушки,
И въ счасшьи проживу конечно до сна лѣтъ!

Однакожь посмощрѣшь, здоровъ ли мой билепшь? *)

Шаритѣ въ карманахѣ.

Гдѣжь онъ? — кой чоршь! не по все въ руки
попадаетъ —

Билепшь! билепшь! — меня по кожѣ подираепшь!

Ахъ, Боже мой! и проч.

4. Разные опривки, содержащія порпрешы и описанія.

*Изъ Комедіи К. Шаховскаго Своя семья
или Замужняя невѣста.*

Я знаю эшихъ баръ, у всѣхъ одно и поже;

Имъ нашего добра чужая грязь дороже.

Мадамамъ да мусьямъ за дрянъ, за всякой
вздоръ,

Родныя денежки бросающъ шакъ какъ соръ.

Когда же въ городѣ порядкомъ проживуся,

И экономничашъ въ деревню уберуся,

То, Боже упаси! какой подымушь шумъ!

У деревеньщины послѣдній выбьюшь умъ.

А года черезъ два, опъ барскаго приѣзда,

Сосѣди барскіе изъ цѣлаго уѣзда

*) См. въ спашѣ *Драма о Монологѣ.*

Въ Ломбардѣ свидѣтельсва и плачущь, да
везущь.

Охъ! наглядѣлась я, какую жизнь ведушъ
Воспитанницы ихъ Сіятельсвѣ. Нѣшъ! Богъ
съ нею,

Не будешь модница племянницей моею.....

Д. I. явл. 1.

Ахъ! домъ большихъ господъ — училище шер-
пѣнья!

Вы въ маломъ видѣ шамъ найдете цѣлый
свѣшъ:

Ишпригъ и происковъ.... чего въ немъ поль-
ко нѣшъ!

Въ немъ крадушъ, грабашъ всѣ, крича на
безпорядки;

И даже карлица беретъ съ дворецкихъ взяшки.

— явлен. 5.

Покамѣсшъ молода, шакъ надо веселишъся.

А нынчежъ все не шо, чшо было въ спарину;

Хошъ, правда, мужъ у насъ держаль въ рукахъ
жену

И часомъ припугнешъ, а были мы счастливы;

Теперь же нѣжашъ женъ, а всѣ онѣ чущь живы:

Точъ въ шочъ усопшія! Богъ знаешъ ошъ чего,

А нѣшъ веселаго лица ни одного, —

И шѣмь, мой свѣщъ, онѣ поскливиѣй, чѣмь
моложе

Д. З. явл. 6.

Тажь мода и въ Москвѣ—я шамь зимой была
У мужниной родни—съ ума было сошла!

Трехъ дочекъ ужъ невѣспъ нашла я у золовки:

Большія модницы и спрашныя моповки;

Да эшобъ не бѣда—кшо молодъ не бываль?

Ну пусшь бы ѣздили хопъ всякой день на балъ,

И сколько ихъ душѣ угодно, веселились;

Анъ нѣпъ, совсѣмь не шо: онѣ перекрестились

Въ шакія имена, чшо въ святицахъ нѣпъ у насъ:

Перешой, помнишся, Параша назвалась;

Фаншетой Фенюшка; а старшую, Богъ съ нею,

Такъ назвали, чшо я и вымолвишь не смѣю.

Въ двѣнадцатомъ часу онѣ изволяпъ вспашъ

И шопчасъ за перо, давай къ друзьямъ писапъ,

И разсылапъ людей въ шрескучіе морозы:

Имъ эшо весело, а бѣднымъ людямъ слезы...

Эхъ, чшо я, весело? шоска веселье ихъ!

Сберушся въ вечеру, разложашъ кучу книгъ,

Всѣ сядушъ вокругъ шшала: пушъ наши зачи-
пающъ;

А госпи бѣдные безъ опдыха вздыхающъ

Вплощъ до зашпрени. Золовушка жъ моя,

Которая ничуть неграмотнѣй меня,
 Назавтра всѣмъ кричишь: вчера у насъ чипали,
 И вечеръ такъ прошелъ, что мы и не видали.
 И диво ль, что она увидѣшь не могла?
 Съ начала до конца, подъ чпенье, все спала.
 Нѣтъ, машушка, нешакъ мы съ молоду живали:
 Не знали моды мы крушишься безъ печали.
 Въ Москву всегда ѣзжалъ опець мой по зимамъ,
 И люди добрые не урѣжали къ намъ;
 А пуще весело мы проводили свяжки:
 Сберулся дѣвушки—шуть пѣсни и загадки,
 И фаншы и жгушы, поднимаемъ пыль сполбомъ,
 Такая бѣгопня, что задрожитъ весь домъ....

тамъ же.

Изъ Комедіи того же автора *Урокъ
 Кокеткамъ, или Липецкія воды.*

Графиня Лелева говоришь своимъ
 обожашелямъ;

Я признаюся вамъ, что Липецкъ рай земной!
 Любезностьъ жилищей и прелести природы
 Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣшѣ воды.
 Нѣтъ! я вообразишь безъ грусти не могу,
 Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ воз-
 вращишься,

И важной знапности въ блисшашельномъ кругу

О Липецкѣ вздыхашь и скукою помипься.
 И что найду я памь? несносной эшкешь,
 Обѣды званые и праздники нарядны,
 Гдѣ съ скукой по поламъ кружипся въ валь-
 сахъ свѣпъ ;

И ахъ! концершы пѣ, гдѣ голоса нескладны
 И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
 Безъ милосердія шерзаюшъ слухъ госпей;
 Театры душные, въ кошорыхъ, для уморы
 Несчастливыхъ зришелей, злодѣи амаперы
 Пищашъ, коверкаюшъ Французскіе сшпихи.
 А если попадусь я за мои грѣхи
 Въ собранье важныхъ дамъ, на шешушку по-
 хожихъ,

Которыя опъ лѣпъ ударясь въ ханжешиво,
 Въ разказахъ не щадя ни дружбу, ни родшиво,
 Браняшъ безъ милосши проѣзжихъ и прохо-
 жихъ —

Тогда пропала я!—что можешъ бышь скучнѣй
 Злословья, клеветы и сплешней и вѣспей,
 Кошорыхъ никогда такъ много не бывало,
 Какъ нынче? если же и эшаго все мало,
 Чшобъ насъ морипъ шоской, полишпика сама
 Въ минушу явшися съ лганьемъ и новоспями,
 Засядешъ вкругъ сшюла, и громкими словами

Начнешь вишій спововашь безъ шолку, безъ ума;
И споры шѣмь рѣшишь, что съ болью головною
Приѣдушь всѣ домой. Вошь жизнью какою
Мнѣ должно мучишься; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счастію.—Ахъ! я цѣнишь умѣю
Таланшы, вкусъ и умъ!.....

Д. З. явл. 5.

Слѣдующій опривокъ заслуживаетъ
вниманіе наиболѣе по заключающемуся въ
немъ *Астеизму*. (См. сіе слово).—Графиня
шакъ описываетъ Пронскому двоюродную
сестру свою Олиньку:

— Я вашъ вкусъ

Хвалю и опдаю охотно справедливосшь
Прекрасной Олинькѣ, въ кошорой и сама
Безъ памяши люблю и скромносшь и спыдли-
восшь,

И сердца пишину, и власшь надъ нимъ ума.
Я даже вамъ скажу, хошь признашься спыдно,
Мнѣ кладнокровіе ея всегда завидно.

Саша въ спорону.

Что дальше?

Графиня.

Ни къ чему въ ней лишней спрасши вѣшь.

Какое счастье! въ ней все уму послушно:
 На всѣхъ людей она такъ смотришь равно-
 душно,
 Что панорамой ей кажешся весь свѣтъ.
 Ахъ! еслибъ у нее могла я научиться:
 Но нѣтъ, я чувствую, что не возможно мнѣ,
 И надо, какъ она, такъ счастливо родиться,
 Чтобы сердце бышь могло всегда въ спокой-
 номъ снѣ.

Д. З. явл. 8.

5. Изъ Комедіи *Мизантропъ*. Соч. Мольера, переводъ Кокошкина.

Дѣйст. III. явл. 7.

Крупонъ и Княжна.

Княжна (по выходѣ Прелестпиной)

Хоть не довольна мной опсель она пошла,
 Но послужишь, сударь, мнѣ лучше не могла,
 Какъ случай мнѣ подавъ, бесѣдой насладишься
 Того, знакомствомъ чимъ всякъ долженъ здѣсь
 гордиться.

Любишь и почипашь доспоинства нашъ долгъ:
 Вы не повѣрите, — свидѣтель въ томъ мнѣ
 Богъ,—

Сколь много, сударь, васъ люблю и почишаю;
 И испинно, никакъ шого не понимаю,
 Какъ справедливости вамъ всей не ошдають,
 И ко Двору до сихъ васъ поръ не позовушь?
 Не шолько вамъ, сударь, мнѣ, мнѣ за васъ
 обидно,
 Чшо васъ въ большихъ чинахъ досель еще не
 видно.

К р у т о н ъ.

Меня, сударыня?—хошя бъ шого желалъ—
 Чшо я за важныя услуги оказалъ?
 Скажише: сдѣлалъ чшо я важнаго на свѣшѣ,
 Чшобъ опъ Двора имѣшь награды мнѣ въ
 предметъ?

К н я ж н а.

И! и! сударь! не всѣ, которые въ чинахъ,
 Служили съ славою; вѣдь въ нашихъ шо глазахъ,
 Чшо случай надобенъ и сильной благодѣшель!—
 А если же, сударь, нужна и добродѣшель
 Къ шому, чшобъ бышь въ чинахъ и леншы за-
 служилъ,
 Такъ кшо же васъ шого доспойнѣй можешъ
 бышь?
 Вашъ умъ, доспоинспва и знаніе шакое.....

К р у т о н ъ.

Оспавыше вы мои достоинства въ покоѣ! —
 Досугъ ли у Двора, среди забошы всей,
 Искать выкапывашь достоинства людей?

К н я ж н а.

Опличное вездѣ достоинство извѣстно;
 О васъ же говорятъ съ почтеньемъ повсе-
 мѣстно;
 И двое изъ господъ случайныхъ у Двора,
 Повѣрыше, цѣлой часъ хвалили васъ вчера.

К р у т о н ъ.

О! нынѣ хвалятъ всѣхъ, и все на свѣтѣ славятъ;
 Да шакъ, что похвалой худыхъ и добрыхъ
 давятъ;
 А въ восхищеніе приходятъ опъ всего!—
 За шо въ нашъ вѣкъ хвала не значишь ничего.
 Все славятъ здѣсь въ спихахъ и въ прозѣ,
 въ мадригалахъ;—
 И даже кучерь мой пославлень здѣсь въ жур-
 налахъ.

К н я ж н а.

Желалабъ, признаюсь, для вашего добра,
 Чшобъ вамъ понравилось здѣсь мѣсто у Двора.

Извольте въ вашемъ лишь желаньи изъяснишься,
 А дѣломъ повернуть могу, сударь, я льспишься.
 Имѣю я друзей изъ первыхъ здѣсь господь,
 Кошорые къ Двору шопчасъ дадушь вамъ ходъ.

К р у т о н ъ.

Да что я у Двора, скажише, дѣлашь спану?
 Божусь вамъ! не рождень къ придворному я
 сану:

Тамъ все, все не по мнѣ; — бышь можешъ, я
 не правъ,

Но видно небеса шакой мнѣ дали нравъ.

Не только при Дворѣ нельзя мнѣ ждашь успѣха;

Я вѣрнобуду шамъ предметомъ жалкимъ смѣха.

Бышь искреннимъ, вошь даръ одинъ души моей!—

Не масперъ лесью я обманывашь людей;

А мыслей сокрывашь кпо не имѣешъ дара,

Тошь долженъ ошь Двора бѣжашъ, какъ ошь
 пожара.

Я знаю: службою придворною въ нашъ вѣкъ

И знашенъ, и великъ бышь можешъ челоуѣкъ;

Но въ скромной долѣ кпо не ищешъ возвышенья,

По крайней мѣрѣ шопъ избавленъ униженья.

Играшь роль жалкую:—спѣсь глупую сносишь;

Къ шому, кого не чшишь, съ поклонами ходишь;

Кого любишь не лзя, къ шому скрѣпясь ла-
скашьяся,

Сшихами глупыми всѣхъ Графовъ восхищашьяся,
Дивишьяся оспропѣ совсѣмъ неоспрыхъ словъ,
И слушаешъ плоскосши разпудренныхъ головъ.
и проч.

Дѣйст. 5. Явл. 1.

К р ц т о н ъ.

Все кончено, сударь, рѣшился я, довольно.

Л ю д м и л ъ.

Не спорю, что шерпѣшь все эшо крайне больно;
Но чшобъ.....

К р ц т о н ъ.

Ты можешъ все, что хочешъ, говоришь;
Но дѣло рѣшено: я не могу здѣсь жить. —
Нашъ вѣкъ развраша вѣкъ! — возможноль въ
немъ ужишьяся?

Нѣшъ! съ общеспвомъ людей давно пора про-
спишьяся! —

Соперникъ мой не разъ въ бездѣльспвахъ об-
личонъ;

Все прошивъ плуша, все: чесшь, совѣсшь, самъ
законъ!

Всѣ мнѣ пвердятъ: шы правъ,—онъ ссылки де
достоинъ;

И эшо истина.—Я правъ, шакъ я спокоенъ.—
Чшожь вышло наконецъ? не чудоль изъ чудесъ?—

Я по законамъ правъ, и проигралъ процессъ!
Подлецъ, о чьихъ дѣлахъ разбоиничьихъ всякъ
слышалъ,

Изъ омуша бездѣльспивъ, и сухъ, и чеспень
вышелъ!

Предъ кознями его слабъ истины ушпавъ;
Онъ, грабивши меня, умѣлъ осшашся правъ.
Поклоны низкіе, коварная учпивосшь
То сдѣлали, чшо въ прахъ законъ и справед-
ливосшь!—

Но мало эшого:—чшобъ плупни увѣнчашъ,
Бѣзчеспно подъ ареспъ меня хопѣли взяшь!—
Прескарѣдное въ свѣшъ явилось сочиненье,
Предосудишельно кошораго и чпенье,
И право, споишъ бышь публично созжено: —
Плущъ выдумалъ, чшо мной написано оно,—
И въ эшомъ всякому безбожно здѣсь божишся!...
А Знашовъ поддержашъ его въ шомъ не спы-
дипся:

Графъ Знашовъ! при Дворѣ, на спепени вель-
можъ,

Копорому я шѣмъ кажусь лишь не хорошъ,
 Чѣмъ правду говорю; копорый вдругъ, нахаломъ,
 Приспаль ко мнѣ съ своимъ сонешомъ, какъ

съ кинжаломъ,

И пребоваль, чшобъ я чиспосердечень былъ;
 И чшожъ? за шо, чшо я съ нимъ чешпно по-

спунилъ,

Сказаль всю испину:—Сіапельный взбѣсился,
 Оклевешапъ меня съ злодѣемъ согласился,

Врагомъ мнѣ явнымъ спаль и будешъ мспишь
 мнѣ вѣкъ!

И вошъ, сударь, каковъ на свѣшъ человѣкъ!

Вошъ славный образецъ людей всѣхъ свойспвъ
 прекрасныхъ,

Ихъ правилъ чешпности, ихъ мнѣній безпри-
 спраспныхъ!

Нѣшъ вонъ, вонъ, изъ шебя, разбойничій вер-
 шепъ!

Сноснѣ одному глодашъ засохлый хлѣбъ,

Чѣмъ видѣшъ, варвары, какъ звѣрски вы гры-
 зешесь.

Нѣшъ, пигры! нѣшъ! меня къ себѣ вы не
 дождешесь.

и прот.

О разности между Комедіи и Трагедіи.

Трагедія подражаетъ изящному, величественному; Комедія подражаетъ смѣшному. Одна возвышаетъ душу и образуешь сердце, другая чистишь нравы и исправляетъ спранныости. Трагедія смягчаетъ насъ посредствомъ состраданія и удерживаетъ посредствомъ спраха; Комедія снимаетъ съ насъ личину и представляетъ намъ зеркало, гдѣ можемъ ясно себя видѣть. Трагедія не позволяетъ смѣяться, ибо оны безразсудныхъ посшунковъ знаменитыхъ людей происходятъ несчастія (*quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi*); Комедія смѣшитъ, пошому что глупости незначущихъ людей не иное что суть, какъ глупости: послѣдствія оныхъ не опасны.

Комедію такъ опредѣляютъ: дѣйствіе *вымышленное*, въ которомъ представляется смѣшное, съ намѣреніемъ оное исправить; въ дѣйствіи прагическомъ заключается по большей части *истина* — по крайней мѣрѣ имена, берутся изъ исторіи, но въ Комедіи все вымышлено. Сочинитель полагаетъ основаніемъ что нибудь правдоподобное, и сего доспапочно; пошомъ созидаетъ по своему произволению, шворитъ дѣйствіе, лица, умножаетъ ихъ

по предспавляющейейся надобности, называешь какъ хочешь, и никакъ не можешь упрекать его *Батте*.

Исторія Комедіи.—Изобрѣпеніемъ драматическаго искусства мы обязаны Грекамъ. Въ самомъ младенчествѣ своемъ Комедія и Трагедія смѣшаны были вмѣстѣ: обѣ состояли только изъ хоровъ. *Фесписъ*, рожденный на островѣ Архипелажскомъ Икаріи, и жившій за 536 лѣтъ до Р. Х. первый ввелъ одно говорящее лице. Актеры его, замаранные грязью, ѣздили по селеніямъ на колесницѣ, пѣли похвалу Бахусу, смѣшили и дразнили собиравшійся вокругъ ихъ народъ. По прошествіи немалаго времени спали отдѣлять шуточное отъ важнаго: тогда Комедія и Трагедія получили особенныя основанія. Поэты современные Феспису, *Хіонидъ*, *Магнесъ*, *Формисъ*, начали вводить по нѣскольکو дѣйствующихъ лицъ, подчинили произведенія свои нѣкопорымъ правиламъ и украсили оныя болѣе всего благоприспоспю. Сочиненія сіи не доспигли до нашихъ временъ.

(Горацій упоминаешь о прехъ комическихъ писателяхъ: о *Еволисѣ*, *Кратиносѣ*, *Аристофанѣ*, и присовокупляешь, что какъ

си, такъ и другіе упражнявшіеся въ оноиъ родѣ, ослѣвляли пороки и даже лица съ трезвѣйшею вольностію. Изъ сего видно, что упоминаемые Гораціемъ авпоры не одни были, и не первые.)

Греческую Комедію раздѣляютъ на древнюю, среднюю и новую.

Древняя, копорую Горацій почищаетъ показавшеюся послѣ *Есхила*, ш. е. около 82 Олимпіады, представляла извѣстныя и подъ собственнымъ ихъ именемъ лица, съ подражаніемъ ихъ спраннымъ и порокамъ. Сія вольность возрасла наконецъ до такой степени, что полководцы, градона начальники, философы, орапоры, дѣлались предметомъ и жертвою сихъ безжалостныхъ сатиръ; даже самое богослуженіе много опъ нихъ шерпѣло. — По введеніи Аристокрапическаго правленія законы возсшали прошиву сей вольности. *Ламахъ*, Афинскій полководецъ, изданнымъ около 404 года до Р. Х. повелѣніемъ, запрепилъ называть на шеапрѣ кого либо собственнымъ именемъ. — Съ сего начинается Комедія *средняя*. — Однакожь спихошворцы скоро нашли средство избѣгать сего принужденія: испинныя происшествія, сходство личинъ, одежды, пѣлдвиженій, го-

лоса, означали пакъ хорошо осмѣиваемыхъ людей, что называли ихъ по имени при первомъ взглядѣ.

Александръ, овладѣвъ Греціею около 335 года до Р. Х. совершенно уничтожилъ всѣ сіи соблазнительныя выдумки, запрешивъ предспавлять испинныя происшествія, и шѣмъ изгналъ съ театра всякую личносшь. Тогда стихопворцы увидѣли себя принужденными изобрѣшашъ и предметы для своихъ Комедій и имена двѣспвующихъ лицъ, что очиспило и обогатило театръ, ибо Комедія преспала тогда бышь Мегерою, вооруженною факелами, а сдѣлалась шолько изображеніемъ человѣческой жизни. Съ сего началась Комедія *новая*.

Между великимъ числомъ Греческихъ поэшовъ, опличавшихся въ *старой* или *древней* Комедіи, извѣстенъ почти одинъ Аристофанъ, родившійся на островѣ Родосѣ около 455 года до Р. Х.: его шолько шворенія до насъ достигли. Онъ упражнялся и въ *средней* Комедіи — шакже какъ *Евполисъ* и *Кратиносъ*.

Менандръ, родившійся въ Афинахъ около 342 лѣтъ прежде Р. Х. и прозванный *Царемъ* *новой* *Комедіи*, извѣстенъ намъ шолько по ошрывкамъ, показывающимъ,

что Плутархъ справедливо предпочишалъ его Комедіи Аристофановымъ. Въ сихъ ошривкахъ видны изображенія живыя, почныя и благоприспойныя — Сапира на пороки и спранности всегда шонкая и пріятная.

Кажешся, во всей Греціи одни шолько Афины имѣли наспоющую Комедію. Неизвѣсно, до котораго времени она шамъ продолжалась. Съ прочими искусшвами перешла она въ Римъ въ продолженіи (по словамъ Сульцера) 135 Олимпіады, шо еспь около 514 года по основаніи Рима. Ее упошребляли при священныхъ празднешшвахъ и, по свидѣтельспву Тиша Ливія, почишали средспвомъ къ умилоспивленію боговъ. *Ludi Scenici inter alia coelestis irae placamina instituti dicuntur.* Первымъ между Римлянъ комическимъ спихопворцемъ почишаешся *Ливій Андроникб*, родомъ Грекъ, начавшій свои комическія предспавленія въ Римѣ около 240 года до Р. Х. — *Наконисб* и *Енній* были его современники. — Расположеніе ихъ Комедій неизвѣсно. Цицеронъ говоритъ однакожь, что шворенія *Ливія* не могли бышь чишаны дважды. *Livianae fabulae non satis dignae iterum legantur.* Еннію послѣдовали *Цецилій* и *Плавш*

(родившійся въ Сарзинѣ, что въ нынѣшнемъ Урбинскомъ Герцогствѣ около 230 лѣтъ предъ Р. X. — первый былъ его современникъ), кои также, какъ и бывшій послѣ нихъ Терренцій (род. въ Карфагенѣ, около 193 года нашего лѣтосчисленія, опущеникъ Римскаго Сенатора Терренція Лукана) брали свои Комедіи изъ Греческаго театра. Первые подражали Аристофану, послѣдній Менандру. Цицеронъ и Квинтиліанъ удивляюща въ Терренціевыхъ сочиненіяхъ какъ чистотѣ Латинскаго языка, такъ расположенію и характеристикамъ лицъ. Въ царствованіе Августа прославился Комедіями стихотворецъ Афраній, но до насъ не дошло ни одного изъ его твореній; онъ только стѣмъ опличался отъ Терренція, что избиралъ для своихъ Комедій Римскія лица.

У Римлянъ имѣла Комедія разныя названія, *смотря по разнымъ обстоятельствамъ, ниже сего показаннымъ :

1.) Комедіи называемыя *togatae* были тѣ, въ которыхъ все происходило въ дѣйствіи, какъ на примѣръ въ Плавповомъ Амфиціонѣ.

2.) Комедіи *togatae* назывались отъ того, что представлявшіе въ нихъ актеры

имѣли на себѣ *тоги*. Сіи раздѣлялись еще на *togatae tabernariae* и *atellanae*. Называемыя *togatae* занимали ередину между *pretextatae* и *tabernariae*, и были прошивоположны Комедіямъ *palliatae*. Сей родъ Комедіи обязанъ происхожденіемъ Спешанію.

Прим. Тога была одежда Сенашоровъ, происходящихъ опъ рода Паприкіевъ. Прешекспою называлась одежда съ широкими рукавами и съ шириною по поламъ и по подолу опушкою багрянаго цвѣша: ее носили градоначальники.

3.) Комедіи *atellanae* получили названіе опъ города Ашеллы. Онѣ опличались вольноспію и даже неблагоприспойноспію; раздѣлялись на акшы и заключали въ себѣ музыку, паншомимы и пляску.—Свелпоній въ сочиненіи о славныхъ Грамманшикахъ говоритъ, что изобрѣшашелемъ сей Комедіи былъ Мелиссъ, Меценашовъ библіошекаръ; другіе полагаюшъ, что Комедіи *atellanae* предспавляемы были не наспоющими актерами, а молодыми людьми изъ гражданъ, что онѣ сосполяли изъ однѣхъ шушокъ, называемыхъ *Екзодіями*, и что Мелиссъ далъ имъ нолько лучшее образованіе.

4.) Комедіи *tabernariae* имѣли предметомъ подражаніе нравамъ простаго народа и назывались такъ потому, что на шеащрѣ предспавляемы были пишейные дома и прочія подобныя мѣща, (*taberna*). Аффрній и Енній опличались въ семь родѣ.

5.) Комедіи *palliatae* имѣли содержаніе, почерпнутое изъ Греческихъ обычаевъ и назывались такъ опъ того, что акшеры въ оныхъ имѣли Греческія мантіи, *pallium*. Сіи сочиненія назывались еще *crepidae* по имени обыкновенной Греческой обуви.

6.) Комедіи *pretextatae* были тѣ, въ коихъ содержаніе и лица заимствованы были изъ сословія, имѣвшаго право носить *toga pretexta*.

7.) Комедіи *trabeatae*, копорыхъ изобрѣшеніе приписываютъ Каію Мелиссу, предспавляли славныхъ рыцарей. Акшеры въ оныхъ были одѣшны *in trabeis*.—Трабея была одежда Консульская во время мира, копорую надѣвали также полководцы, шорже-сшвующіе послѣ войны одержанныя ими на полѣ брани побѣды.

8.) Комедіи *planipediae* получили названіе или опъ того, что акшеры играли въ нихъ съ голыми ногами, или, по мнѣнію другихъ, опъ шеащровъ, въ копорыхъ

были для зрителей ярусъ (*plain-pied*). Сии Комедіи имѣли низкое содержаніе, что видно изъ словъ Тасса, копорый говоря о разныхъ родахъ Комедій, присовокупляетъ *alcune altre per l'umiltà dell'argomento fur dette planipediae*, ш. е. нѣкопорыя опъ низости содержанія были названы *planipediae*, слѣдовательно Тассъ не согласуется съ вышепоказанными мнѣніями о корнѣ сего слова.—*Opere di T. Tasso. Vol. 5.*

9.) Комедіи *statariae* заключали много разговоровъ и мало дѣйствія — какова на примѣръ Терренціева Комедія *Несуре*.

10. Комедіи *mixtae*, сложныя, были шѣ, въ копорыхъ одна часпъ происходила въ повѣствованіи, а другая въ дѣйствіи. Римляне говорили, что сии Комедіи были часпю *statariae*, и часпю *motoriae*, и приводили въ примѣръ Терренціева *Евнуха*.

11.) Комедіи *rhintonicae* названныя по имени изобрѣшателя ихъ Ринтона, заключали въ себѣ несчастныя какія либо приключенія, и назывались еще *Hilaro-tragedia*, *Latina comedia* и *Comedia italica*.

Такова была Комедія у двухъ знаменитѣйшихъ народовъ.

О началѣ новѣйшей Комедіи ничего неизвѣстно. Можно шолько предполагать,

что въ Италіи сохранялось всегда воспоминаніе о Комедіи Римской, и что шамъ она по возрожденіи наукъ начала мало по малу приближаться къ прежнему своему совершенству; впрочемъ, говоритъ Сульцеръ, не споймъ пруда искапъ ее далѣ XVI вѣка; ибо извѣстно, что и въ семь вѣкѣ, даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, были однѣ только грубыя фарсы (шуповскія представленія) безъ малѣйшаго вкуса и правильности.

Испанцы прежде другихъ народовъ имѣли Комедію въ надлежащемъ видѣ. Лопецъ де Вега, родившійся въ 1562 году, написалъ Комедію *Лжецѣ*, которой подражалъ извѣстный Французскій писатель Корнель: сіе подражаніе представлено было въ первой разъ въ Парижѣ въ 1642 году. Мольеръ усовершенствовалъ Французскую комедію. Первая Комедія его *Вертопрахѣ* представлена была въ Ліонѣ въ 1653 году. Ренаръ, Депушъ, Пиронъ, наиболѣе опличились послѣ Мольера въ комическомъ родѣ. — Въ Англіи извѣстнѣйшіе комики суть: Драйденъ, Вичерлей, Ванбрукъ, Конгревъ, Спиль, Цибберъ и пр. — У Нѣмцовъ показались правильныя комическія и вообще драматическія представленія, не прежде

XVII столѣтія; и сіи сочиненія не иное чшо были, какъ слабыя переводы съ Испанскаго и другихъ языковъ. Въ 1619 году за неимѣніемъ иныхъ сочиненій предспавляемъ былъ на театрѣ Гвариніевъ *Вѣрный пастухъ* (il pastor fido). Въ прошедшемъ столѣтіи Германія имѣла уже много весьма хорошихъ Комедій: Геллерповы *Богомолка* и *нѣжныя сестры* заслужили всеобщее уваженіе. Въ 1747 году предспавлена была въ Лейпцигѣ первая Лессингова Комедія *Молодой ученый*. Шлегель, Браве, Вейссе, и другіе какъ по: Рейхардъ, Гапшеръ, Енгель, Баронъ Геблеръ, Бокъ, Везель, также съ успѣхомъ упражнялись въ комическомъ родѣ; но никто сполько не писалъ въ ономъ, какъ Августъ фонъ Коцебу, кончившій жизнь свою прагически въ прошедшемъ 1819 году.—Италія, въ отношеніи къ сочиненіямъ комическимъ, не заслуживаетъ даже бышь упомянуша: ея лучшіе драматическіе писатели упражнялись или въ Трагедіяхъ, или въ Операхъ.

Чшо касается до Комедіи Россійской, то едва ли извѣстно было въ Россіи и названіе *Комедіи* прежде Царя Алексія Михайловича. При немъ Бояринъ Арсѣмонъ Сергіевичъ Машвѣевъ выпросилъ дозволе-

ніе приѣхавшей въ Россію одной иноспран-
 ной шруппѣ актеровъ представили нѣ-
 сколько театральныхъ сочиненій, и въ
 розрядныхъ запискахъ 1676 года написано
 о семъ слѣдующими словами: „была Ко-
 медія въ Преображенскомъ; пѣшили Вели-
 каго Государя иноземцы, какъ Алаферна
 Царица Царю голову опсѣкла (надлежало
 бы сказаць, какъ Царица Юдифь Царю
 Олоферну голову опрубила) и на органахъ
 играли Нѣмцы, да люди дворовые Бояри-
 на Аршемона Сергіевича Матвѣева. То-
 гожь года другая Комедія шамъ же, какъ
 Аршаксерксъ велѣлъ повѣсити Амана, и
 въ органы играли, и на фіоляхъ и въ
 спруменшы и шанцовали. Въ шрепше
 шамъ же пѣшили Великаго Государя на
 заговѣнне Нѣмцы и люди Аршемона Сер-
 гіевича на органахъ и на фіолахъ и на
 спруменшахъ и шанцовали и всякими по-
 шѣхами разными.—Всѣ сіи представленія
 были первыя въ Москвѣ, и по не на Ру-
 скомъ языкѣ. Уже при Царѣ Феодорѣ Алек-
 сіевичѣ появились первыя Славенорускія
 театральныя сочиненія, представленные
 въ новозаведенной при немъ же Академіи
 въ Законоспаскомъ монастырѣ, а пошомъ
 и при дворѣ. Сочинилемъ сихъ Комедій

(похожихъ болѣе на нынѣшнія драмы) былъ Иеромонахъ Симеонъ Полошскій, воспитанникъ Академіи Кіевской и учитель Царя Феодора Алексіевича: онѣ до нынѣ рукописными сохраняюща въ Папріаршей библіотекѣ между сочиненіями Полошскаго, а двѣ первая *о блудномъ сынѣ*, и вторая *о Царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отроцѣхъ въ печи*, напечатаны въ VIII части древней Россійской Вивліофики. (Изд. 2. Москва 1789.) При семъ же Государѣ переведена была на Славянскій языкъ первая не изъ числа духовныхъ Комедія Мольера: *Врагъ противу воли* (*medecin malgré lui*) и была играна приватно при Дворѣ Царевною Софьею Алексѣевною съ благородными дѣвицами и мушкетерами. Въ Царствованіе Государя ПЕТРА I. сочинены были законоспаскими учителями многія духовныя и недуховныя Комедіи и представлены при разныхъ торжественныхъ случаяхъ; нѣкоторыя находяща въ IX части Древ. Рос. Вивліофики, а иныя печатаны особо. Сіе послужило поводомъ, что въ *Духовномъ Регламентѣ* 1722 года предписано уже было Семинаріямъ по нѣскольку разъ въ годъ для увеселенія учениковъ заставлятъ ихъ представлятъ Комедіи.—

До сего времени на придворныхъ шеап-
рахъ играны были по большей части со-
чиненія иноспранныя; около 1748 года Ка-
дешы въ Сухопушномъ Корпусѣ начали
играшь Рускіе Діалоги (разговоры безъ дѣй-
ствія, астіо.), предспавляли иногда въ при-
сушспвіи самой Императрицы и могли ей
понравившся. Тогда Сумароковъ началъ по-
мышляшь о распроспраненіи вкуса къ
опечеспвеннымъ предспавленіямъ, и, мо-
жно сказашь, онъ первый образовалъ нашу
Комедію, равно какъ и Трагедію. За нимъ
послѣдовали фонъ Визинъ и Княжнинъ,
изъ копорыхъ послѣдній пакъ удачно
умѣлъ пользовашь авшорами иноспран-
ными, чшо въ самыхъ подражаніяхъ своихъ
дѣлался оригиналомъ. Нынѣ шеапръ нашъ
обогащился многими весьма хорошими ко-
мическими сочиненіями.

Прим. Въ числѣ сочинителей Духов-
ныхъ предспавленій почипающся: 1) Св.
Димитрій Митрополишь Росшовскій, ро-
дившійся въ Кіевѣ въ 1651 году и скон-
чавшійся въ 1709. Онъ написалъ Драмы
Рождество Христово, Воскресеніе Христово,
Есфирѣ и Агасферѣ, Аллегорическую Драму
Грѣшникѣ кающійся и еще двѣ Драмы подъ
названіемъ *Успенская* и *Димитріевская*. Всѣ

сіи Драмы въ спихахъ съ рифмами сочи-
ненны по силлабическому размѣру. Св. Ди-
мипрій писалъ оныя еще въ Малороссіи,
гдѣ драматическія представленія, въ его
время, были въ часномъ упошребленіи и
въ уваженіи какъ у Духовныхъ, шакъ и у
свѣпскихъ; а послѣ онѣ играны у него
бывали въ Росповѣ. Драма *Есфирѣ и Ага-
сферѣ* однажды въ великій постъ предша-
влена была и на Придворномъ шеатрѣ при
Имперашрицѣ **ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ**.
Для представленія Иисуса Хриспа и Бого-
родицы, вмѣсто дѣйшвующихъ лицъ, всег-
да вышавлялись шолько иконы. Списки
нѣкопорыхъ изъ сихъ Драмъ ешпъ въ Па-
тріаршей библиошекѣ, а иныя въ Роспо-
вѣ. — 2.) Феофанъ Прокоповичъ, Архіеши-
скопъ Новгородскій, род. 1681, въ Кіевѣ,
и сконч. въ С. Пешербургѣ въ 1736 году.
Онъ написалъ *Трагедо-Комедію* на Рускомъ
языкѣ подъ названіемъ *Владимірѣ всѣхѣ
Славно-Россійскихѣ странѣ Князь и Повели-
тель*, представленную въ Кіевѣ Академи-
спами въ 1705 году. Сія Драма писана
силлабическими безъ скансіи спихами въ
бышноспъ еще его учипелемъ поэзіи, по
обыкновенію издавна въ Кіевской Акаде-
міи заведенному, чшобы каждый учипель

поэзіи ежегодно для лѣшнихъ рекреаций
сочинялъ по одной Драмѣ. — Въ С. Пешер-
бургскихъ ученыхъ Вѣдомостяхъ, издавав-
шихся въ 1777 году напечатана слѣдую-
щая похвальная надпись Феофану, показы-
вающая другія его упражненія и достоин-
ства:

Великаго ПЕТРА дѣль славныхъ проповѣдникъ;
Вишійшвомъ Злапоушъ, Музь чисныхъ со-
бесѣдникъ,
Ишорикъ, Богословъ, мудрецъ Россійскихъ
спранъ ;
Таковъ былъ Паспырь спадъ словесныхъ Фео-
фанъ.

И Князь Каншемиръ сказалъ объ немъ въ
3-й своей Сапирѣ:

Дивный Первосвященникъ, копорому сила
Вышей мудросни свои шайны всѣ опкрыла
И всѣ швари, что міръ сей опъ вѣкъ напол-
няюшъ,

Показала, изъяснивъ, опъ чего бываюшъ.
Феофанъ! копорому все шо далось знаши,
Здрава человѣка умъ что можешъ поняши. и пр.

3.) Георгій Конискій, Архіепископъ
Бѣлорускій; род. въ Нѣжинѣ въ 1717, ск.
Часть. II. 7

въ Могилевѣ въ 1795 году. Онъ также въ бытность свою при Академіи Кіевской, по вышеозначенному обыкновенію, написалъ нѣсколько Драмъ или Комедій духовныхъ; но онѣ оспались въ рукописяхъ. — Слѣдующая надгробная надпись, которую сочинилъ онъ себѣ не задолго до смерти своей, чувствуя неминуемое приближеніе оной, можешь показаться довольно любопытною :

Градъ Нѣжинъ колыбель, градъ Кіевъ мой
учишель ;

А въ шридесятъ восемь лѣтъ я сдѣлался Свя-
пишель ;

Семнадцатъ лѣтъ пошомъ боролся я съ вол-
ками ,

И двадцатъ два провелъ въ покоѣ со овцами.

За прешерпѣнные шруды и непогоду

Архіепископомъ и Членомъ спалъ Синоду.

Георгій имя мнѣ; я изъ Конискихъ дому,

И въ жизни былъ коню подобенъ почшовому.

Сея-шо падали зарыль здѣсь грѣшни коспи .

Седмь сошъ ошъ Рождесива годъ пятый де-
вяносный.

и 4.) Упомянутый выше Симеонъ Полошскій, родившійся въ Полошскѣ въ 1628 ,

и скончавшійся въ Москвѣ въ 1680 году.— Тредіаковскій въ *Разсужденіи* своемъ о древнеиѣ, среднеиѣ и новоиѣ Россійскоиѣ стихотвореніи полагаетъ Полопскаго образова- шелемъ средняго Россійскаго спихопворенія, по еспь, удалившагося отъ грубости древнихъ нашихъ Польско - Россійскихъ спихосложеній, но не доспигшаго еще до чистоты Россійскаго слога. Къ чести Полопскаго можно здѣсь примолвить, что Ломоносовъ, образовашель послѣдняго рода нашего спихопворенія, первыя свои поня- нія о красотѣ и величествѣ поэзіи заим- спвовалъ изъ его *Псалтири*.—См. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писа- шеляхъ духовнаго чина, Грекороссійскія церкви. С. П. Б. 1818.

Примѣч. Слово *Комедія*, по мнѣнію нѣ- кошорыхъ линшперашоровъ, сосшавле- но изъ двухъ Греческихъ: *κομη* село и *ωδι* пѣснь; и пошому полагаютъ, что первыя Комическія предшавленія по- явились у Грековъ въ селахъ, а не въ городахъ.

КОМИЧЕСКІЙ. Название сіе придает- ся авшору, сочиняющему Комедіи; шеаш- ральнымъ предшавленіямъ, заключающимъ

въ себѣ смѣшное, спрванное—и всему, что опносится до Комедіи. Говорятъ: Комическій спихопворецъ, или Комикъ, Комическій характеръ, Комическое дѣйствіе и пр.

Комическое бываетъ двухъ родовъ: Комическое въ дѣйстви, (actio) и Комическое въ мысляхъ. Первое происходя изъ самаго содержанія Комедіи, заключается въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Второе состоятъ въ оспрыхъ словахъ, въ шушливомъ или замысловатомъ разговорѣ. *Комическое въ дѣйстви* есть, безъ всякаго прошиворѣчія лучшее, ибо оно можетъ увеселяя и поучать; *Комическое въ мысляхъ* также необходимо для украшенія, но не должно слишкомъ къ нему одному прилѣпляться.

Комическое дѣйствіе бываетъ еще *высокое* и *низкое*. Высокое — когда подражаетъ обращенію, разговорамъ, спрванностямъ пѣхъ людей, кои живутъ въ обществвахъ, называемыхъ лучшими; низкое — когда заключается въ себѣ происшествія, разговоры, спрванности, видимыя въ спомѣ народѣ. Въ первомъ дѣйствуетъ наиболѣе умъ, и то, что извѣстно подъ именемъ шонкосши вкуса; во второмъ поз-

волипельны пословицы, игра словъ, и всякія благоприспойныя шушки. Но дабы лучше успѣшь въ обоихъ родахъ, пошребно ищашельное изученіе нравовъ и свойшесвъ каждаго сосшоянія, особливо *большаго свѣта*, пошому чшо спранности и пороки знашныхъ людей едва бываюшъ примѣшны, скриваясь подъ личиною учшившва или приличія, словомъ сказашь, Комическій спихошворецъ долженъ имѣшь непременно глубокое познаніе природы и сердца чешовѣческаго. — См. примѣры въ сп. *Комедія*.

КРАЕСТИШІЕ, краешпрочіе.—См. Акросшихъ.

КРЕТИКЪ, Creticus, Кришская спона, шо же, чшо Амфиврахій.—См. сіе слово.

КУПЛЕТЪ.—См. Сшрофа.

Л.

ЛАКОНИЗМЪ. Качесшво слога. Изъясненіе чего либо въ крашкихъ, сильныхъ, разишельныхъ выраженіяхъ.

Сіе дарованіе особливо приписываемо было Лакопянамъ, или Лакедемонянамъ — опъ имени коихъ и слогъ Лаконическій получилъ свое названіе.

Россійскій полководецъ *Рославъ* (въ Трагедіи Княжнина сего имени) въ слѣдующихъ опвѣсахъ Хриспіерну даешъ прекрасный примѣръ *Лаконизма* :

Хриспіернъ.

Когда бы ты былъ Царь, несчастьемъ ввер-
женъ въ плѣнь,
Твоею бѣ дерзоспью я не былъ удивленъ,
Царя бы чпилъ въ шебѣ, себя я уважая;
Но ты въ плѣненіи прошивъ меня дерзая,
И гнѣва моего не устращаясь грозъ,
Чшобы не шрепешать, кто ты шаковъ?

Рославъ.

— *Я Россъ.*

Хриспіернъ.

Ты плѣнникъ дерзоспный, ты рабъ мой.

Рославъ.

— Тотъ свободень,

Кшо смерти не спрашась, пиранамъ не угодень.

Христієрнѣ.

Внемли; хочу тебя въ послѣдне пощадишь
 И дерзоспи швоей въ послѣдній разъ проспишь,
 Хочу тебя спасши... зрю, что тебя смущаешь
 И шайны важной мнѣ опкрышь не допуцаешь:
 Спірахъ злону заслужишь опъ Князя швоего,
 Но будь мой подданный, оставь, оставь его,
 Опъ швоего швой рокъ зависишь произвола;
 Чего желаешь шы? скажи —

*Росславѣ.**Ниже престола.**Христієрнѣ.*

Умри злодѣй! мое шерпѣнье изшребя,
 Надежду на кого взолагаешь?

*Росславѣ.**На себя.**Христієрнѣ.*

Во узакъ и въ моей спѣсненъ всевластной
 волю,
 Оспавленный опъ всѣхъ и въ самой жалкой
 долъ,
 Спасеніе во мнѣ одномъ могуцій зрѣшь,
 Чшо можешь шы?

Росславѣ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

Христіернѣ.

Увидь мученія, ужь смерть шебѣ гопова,
Когда велю шерзашь, ошкроешь все.....

Росславѣ.

— *Ни слова.*

Въ Трагедіи Озерова подь именемъ *Фингалѣ*, шакже можно видѣшь *Лаконизмѣ* въ опвѣшѣ Фингала Спарну:

Старнѣ.

Ты въ обласняхъ моихъ.

Фингалѣ.

Я здѣсь не въ первый разѣ.

Какая обширная мысль заключаешя въ сихъ крашкихъ словахъ! онѣ значашь, что Фингалѣ не имѣешь ни малѣйшей причины опасашься Спарна, ибо и прежде бывалъ въ его обласняхъ—всегда побѣдишемъ.

ЛАКОНИЧЕСКІЙ. Лаконическій слогъ ешъ шопъ, когда не многими, но рази-

пельными словами изображается какая либо обширная мысль.—См. *Лаконизмъ*.

Сей шерминъ можно иногда выразишь Русскимъ словомъ *отрывистый*.

ЛЕ, laі, родъ пѣсенки бывшей прежде въ употребленіи у Французовъ.—См. *Виреле*.

ЛЕГКОСТЬ. Качесво слога: па небрежностъ, или непринужденностъ, копорую чувсвуююшъ, когда поэтъ или орапоръ, совершенно предаеся влеченію своихъ чувсвѣй и мыслей, не изыскивая ни обошовъ, ни выражений.—Слѣдующіе опривки изъ разныхъ стихопвореній лучше могушъ объяснишь свойсво *легкости*:

Ошеческіе боги!

Да къ хижинѣ моей

Не сыщешъ вѣкъ дороги

Богашсво съ суемой;

Съ наемною душой

Развранные счасшливцы,

Придворные друзья

И блѣдны горделивцы,

Надушые Князя!

Но шы, о мой убогой

Калека и слѣпой,
 Идя пушемъ-дорогой
 Съ смиренною клюкой,
 Ты смѣло поспучися,
 О воинъ, у меня;
 Войди и обсушися
 У яркаго огня.
 О старецъ, убѣленный
 Годами и шрудомъ,
 Трикрашы уязвленный
 На приспупѣ шпыкомъ!
 Двуспрунной балалайкой,
 Походы прозвени
 Про вишязя съ нагайкой,
 Чшо въ жупель и въ огни
 Лешаль передъ полками
 Какъ вихоръ на поляхъ,
 И вкругъ его рядами
 Враги ложились въ прахъ и пр.

Батюшковъ.—Мои Пенашы,

О гласъ Царя! о чесшь народа! пламень мщеня
 Удариль молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
 Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
 И, грозно въ бой пошла съ насиліемъ свобода!
 Тогда явилось все величіе народа,

Спасающаго пронъ и свяшость олшарей,
 И шихій гробъ опцовъ, и колыбель дѣшей,
 И спарцевъ сѣдины, и младосшь дѣвъ цвѣ-
 шущихъ,
 И славу прежнихъ лѣшъ, и славу лѣшъ гря-
 дущихъ!

Все въ пепель передъ нимъ! разлей пожары,
 месшь!

Сшѣною рашъ! чшо шагъ, то бой! чшо бой,
 по чесшь!

Предъ нимъ развалины и пепельны пусшныни;
 Кругомъ пусшнынь полки, и грозныя швердыни,
 Вездѣ ревуція погибельной грозой—

И спарець-вождь средъ нихъ съ невидимой
 Судьбой и пр.

Жуковский. Импер. АЛЕКСАНДРУ.

Во всѣхъ шы, Душенька, нарядахъ хороша:
 По образуль какой Царицы шы одѣша,
 Пасшущкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
 Во всѣхъ шы чудо свѣша;
 Во всѣхъ являешься прекраснымъ божешвомъ,
 И шолько шы одна прекраснѣе поршреша.
 Пошомшво вѣдаешъ, что сей чудесный домъ,
 Гдѣ жишели шебя усердно обожали,
 Сей храмъ швоихъ красощъ Амуры соружали,

Амуры украшали,
 Амуры образъ швой повсюду шамъ казали,
 Амуры наконецъ
 Примыслили къ лицу, на всякой образецъ
 Различные уборы и пр.

Желалъ бы описатьъ подробно
 Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палашъ,
 Гдѣ все плѣняло взглядъ
 И было неподобно:
 Но всюду шамъ умомъ
 Я Душеньку вспрѣчаю,
 Прельщаюсь, и пошомъ
 Палашы забываю, и пр.

Богдановичъ.

Въ Трагедіи Озерова *Фингалъ*:

Фингалъ.

О небо, доверши блаженство дней моихъ!
 Моина, повтори пріятность словъ швоихъ;
 Скажи, что моему шы не вросивясь счастью,
 Не оскорбляешься моею нѣжной спрасшью,
 Что шы довольна ей, что миль шебѣ *Фингалъ*.
 Когда бы знала шы, какъ много я спрадалъ

Со дня, какъ въ первый разъ свои красы
увидѣлъ!.....

Дошолѣ мыслью дикъ, любовь я не навидѣлъ,
Счипалъ ее мечпой и слабоспью умовъ;
Какъ спужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ
суровъ.

Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый!
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувсп-
ва новы,

И огонь, палящій огонь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувспвовашъ спраданія любви,
Унынїе, шоску, опчаянъе разлуки,
И спрахъ не милымъ бышь, и ревности всѣ
муки..... и пр.

М о и н а .

.....

Любви лишь можешъ бышь одна любовь на-
градой.

Люби меня, Фингаль, и чувспво шо храня,
Въ родишелѣ моемъ спокой, ушѣшь меня.....

.....

Онъ не учаспвуешъ въ веселїи безвинномъ,
И спонешъ, какъ волна при берегѣ пуспын-
номъ. и пр.

Въ списахъ Державина *Рѣшемыслу* :

Веселонравная, младая,
 Нелицемѣрная, просшая,
 Подруга Флаккова и дщерь
 Природой даннаго мнѣ смысла!
 Приди ко мнѣ, приди шеперь
 О муза! славишь Рѣшемысла.

Приди!—иль въ облакѣ спушися,
 Или хопь въ санкахъ прикашися,
 На легкихъ, рѣзвыхъ, шесперней,
 Оленяхъ бѣлыхъ, злапорогихъ :
 Какъ ѣздяпъ барыни зимой
 Въ спранахъ Сибирскихъ, хладомъ спро-
 гихъ и проч.

Сихъ примѣровъ доспашочно для показанія, въ чемъ состоиптъ *легкость* и какую разность имѣешъ она съ *принужденностію*. (См. с. с.) — Впрочемъ всякой можешъ замѣшипъ сію прелестъ поэзіи въ сочиненіяхъ Дмишріева, Жуковского, Башюшкова, Богдановича, Крылова, Карамзина и проч.

ЛИПОГРАММАТИЧЕСКІЙ происходиптъ отъ *λεπτο*, не имѣю, не достаетъ, и

опшъ *урама*, буква, письмо, а послѣднее слово опшъ *урафа*, пищу; значишъ *неимбющій* буквы. Именемъ симъ называюшъ сочиненія, въ коихъ какая нибудь азбучная буква оставлена безъ упоупребленія.

О семъ предметѣ слѣдующее написано въ *Менаганѣ*, часшъ III, спр. 329. изд. Париж: 1729.

„У Грековъ были сочиненія *Липограмматическія*, по ешъ *неимбющія* копорой нибудь азбучной буквы. Такимъ образомъ *Трифидорѣ* написалъ свою *Одиссею*; въ первой книгѣ не было у него буквы *α*, во второй *β*, и ш. д. *Трифидорѣ*, присовокупляешъ издашель, сочинилъ *Одиссею* въ подражаніе *Липограмматической* *Иліадѣ* *Нестора*, *Ларандскаго* поэта, жившаго во время *Императора* *Севера*. *Лазосѣ*, древнѣйшій стихошворецъ, написалъ оду и гимнъ безъ буквы *з*. *Клеаркѣ* въ *Афинѣ* шакже упоминаешъ объ одной одѣ безъ *з*, сочиненной въ подражаніе *Пиндару*. На *Латинскомъ* языкѣ ешъ одно прозаическое сочиненіе *Фабія-Клавдія-Гордіана-Фулгенція*, копорое раздѣлено на 23 главы, по числу буквъ, и въ первой главѣ нѣшъ буквы *A*, во второй буквы *B*, въ шрешей буквы *C* и шакъ до конца.,,

На Русскомъ языкѣ слѣдующія сшихо-
шворенія Державина могутъ назваться
Липограмматическими: въ нихъ нѣтъ бук-
вы Р.

Соловей во снѣ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ швой, соловей,
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Вняшень былъ душѣ моей;
То звучалъ, шо ошдавался,
То спеналъ, шо усмѣхался.
Въ слухѣ издалече онъ,
И въ объяшняхъ Калишны
Пѣсни, вздохи, клики, свисшы
Услаждали сладкой сонъ.

Если по моей кончинѣ
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ
Ахъ! не будушь шакъ какъ нынѣ
Эши пѣсни слышны мнѣ;
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Спанужь жизнью наслаждашься,
Чаще съ милой цѣловашься,
Слушашь пѣсни соловья.

Кузнецикъ.

Сча̀спливъ, золошой кузничикъ,
 Чшо въ лѣсу куешь одинъ!
 На цвѣпочной сѣвъ лужечикъ
 Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
 Всѣмъ любуясь на волѣ,
 Воспѣваешь вѣкъ пы свой;
 Взглянешь лишъ на чшо пы въ полѣ,
 Всемъ доволенъ, все съ побой.
 Земледѣльцовъ по сосѣдству
 Не обидишь пы ничѣмъ;
 Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
 Самъ богатъ собою всѣмъ.
 Пѣснопѣвецъ пепла лѣша!
 Аполлона нѣжный сынъ!
 Честный обидашель свѣша,
 Всѣми Музами любимъ!
 Вдохновенный гласомъ звонкимъ
 На землѣ пы знаменишь,
 Чшущъ живые и пошомки:
 Ты Философъ! пы Пийшь!
 Чисшь въ душѣ своей, не злобенъ,
 Удивленіе пы намъ:
 О! едва ли не подобенъ —
 Мой кузничикъ — пы богамъ!

Въ сочиненіяхъ Голенищева - Кушпузова (часть IV. стр. 50) находящіяся при спрофы, названныя за споромъ дѣло стало, изъ которыхъ въ первой нѣтъ буквы А, во второй Б, а въ третьей Р.

Б е з ъ А.

Конечно не удобно, трудно
 Успроишь цѣлый рядъ стиховъ;
 Но только было бы и чудно
 Почесать по выше всѣхъ трудовъ,
 Иль мнишь, что это не возможно;
 Но я увѣренъ въ томъ не ложно,
 Что если Фебомъ кто любимъ,
 Тотъ всяку трудность одолѣетъ,
 Похититъ огнь боговъ посмѣетъ
 Ведомый Геніемъ своимъ.

Б е з ъ Б.

Не мысльми пышными, не жаромъ
 Пишъ въ трудахъ своихъ великъ:
 Онъ можешь сдѣлашься Икаромъ
 Занявъ несвойственный языкъ.
 За истину принявъ Химеру,
 Онъ заскрипитъ не въ шонъ, не въ мѣру

И слухъ и чувствва опвращишь;
 Но Аполлономъ вдохновенной
 Къ одной гармоніи священной
 Душой и разумомъ паришь.

Б е з ъ Р.

Любовь сама мнѣ повелѣла
 Климену милую воспѣшь;
 Любовь, одна любовь умѣла
 Мою холодность одолѣшь.
 Клоняся къ западу годами,
 Сближаясь даже съ сѣдинами,
 Мнѣ ль нѣжности водишь съ собой?
 Мнѣ ль съ Музами имѣшь бесѣду,
 Коль осень хладная побѣду
 Уже спяжала надъ весной?

ЛИРИЧЕСКІЙ. Поэзія Лирическая есть самая древнѣйшая. — „Эпо, говоришь Державинъ, опливъ разгоряченнаго духа, опголосокъ распроганныхъ чувствъ, упоеніе или изліяніе воспорженнаго сердца. Человѣкъ изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности, долженъ былъ произнести *Лирически* во-

скликновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки напояли живымъ чувствомъ и испоргали его гласы. Вошь истинный и начальный источникъ оды (т. е. поэзіи Лирической); а пошому она не ешь, какъ нѣкошорые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и опличаешся опъ прочей поэзіи. Она не наука; но огонь, жарь, чувство...

Сія поэзія названа *Лирическою* по шому, что у Грековъ употребляема была съ приграваніемъ на *лирѣ*; у другихъ народовъ, какъ на примѣръ, у Евреевъ, происходило пѣніе съ Псалширю, съ гуслими *), а у нѣкошорыхъ съ арфою, съ цитрою, и съ прочими струнными инструменшами.

Всякой другой родъ поэзіи, пишешъ Аббатъ *Батте*, имѣешъ главною цѣлію дѣйствіе; поэзія Лирическая совершенно посвящена чувствамъ — и пошому, когда въ Епопеѣ или Драмѣ дѣйствіе прекращаешся, шогда поэзія изображаешъ однѣ ощущенія душевныя, шогда она бываешъ *Лирическою*; надлежишъ дашь ей шолько

*) Исповѣдайшеса Господеви въ гуслихъ, въ Псалшири десятиструнней пойте ему.—Псал. 32. ст. 2.

надлежащую форму, чтобы сдѣлать способною къ пѣнію.

Къ *Лирической* поэзіи принадлежатъ: *Имны*, *Оды*, *Пеаны*, *Дифирамвы*, *Сколіи*, *Каншашы*, *Орапоріи*, *Романсы*, *Баллады*, *Шпансы* и *проспья пѣсни*.—См. сіи слова. Въ спашьѣ *Поэзія*, гдѣ говорится вообще о происхожденіи сего изящнѣйшаго искусства, увидишь чиншашель происхожденіе и поэзіи *Лирической*.

Отрывокъ изъ Энциклопедіи. „Греки не только пѣли поэму Лирическую, но даже *сочиняли* ее примѣняясь ко звукамъ *лиры*; чрезъ сіе-то Греческая Лирическая поэма опличается отъ всего, что имѣетъ названіе поэзіи Лирической какъ у Римлянъ, такъ и у насъ, и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ. Римляне, такъ же какъ мы нынѣ дѣлаемъ, писали *пою* и не пѣли; говорили о звукахъ *лиры*, и *лиры* никогда у нихъ не было. Но преимущественная выгода Греческихъ Лирическихъ поэмовъ состояла въ важности ихъ званія, и въ дѣйствительной сущности ихъ воспорга: они почитались нѣкоторымъ образомъ за служителей божества, за насшавниковъ въ пѣлишникъ и нравственности.

Греція болѣе всего уважала героевъ.

своихъ—и поэшь умѣвшею лучше другихъ воспѣвашь ихъ подвиги, увѣренъ былъ, что народъ плѣнился его гласомъ. Живые завидовали мершвымъ: Фиміамъ, кошорый при нихъ воскурался въ почеспъ усопшимъ, не изчезалъ въ воздухъ; стихи прославляющіе героевъ переходили изъ устъ въ уста и во всѣхъ сердцахъ напечатлѣвались. Греческіе Монархи искали дружбы поэшовъ, желая чрезъ нихъ спасши имя свое отъ забвенія.

Лира, по словамъ Гомера, была лучшимъ украшеніемъ пировъ Царскихъ: пѣвца принимали шамъ какъ друга Музъ и любимца Аполлона, и по причинѣ такоаго лестнаго одобренія, всѣ опличившіе въ Греціи дарованіями люди посвящали себя сему божеспвенному искусству.

Вообще можно сказашь, что поэма Лирическая или Ода у Римлянъ и у народовъ новѣйшихъ не иное что еспъ, какъ слабое подражаніе Греческой Лирической поэмы. Ни одинъ поэшь, не выключая даже Горація, не спарался дѣлашь своихъ одъ способными къ пѣнію, а Горацій, кажешся и совсѣмъ о шомъ не думалъ, пошому что весьма часпо при окончаніи спрофы, гдѣ пѣнію надлежало бы преры-

вашься, онъ оспавляль мысль неоконченною, какъ по видимъ изъ сихъ сшиховъ, споль исполненныхъ впрочемъ каршинъ и мыслей:

Distructus ensis cui super impiâ
Cervice pendet, non Siculae dapes

Dulcem elaborabunt saporem;

Non avium citharaeque cantus

Somnum reducent. Somnus agrestium

Lenis virorum non humiles domos

Fastidit, umbrosamve ripam,

Non Zephyris agitata Tempe. и пр.

Lib. III. od. I.

(Прим. Клопшпокъ въ одномъ изъ первыхъ изданій Мессиады помѣспилъ разсужденіе свое о подражаніи на Нѣмецкомъ языкѣ Греческимъ размѣрамъ, гдѣ между прочимъ говоришь: онъ (Горацій) переносишь весьма часпо мысль изъ одной спрофы въ другую, пошому что сіе согласно съ Енгузіасмомъ слуха и воображенія; слухъ иногда пребуешъ болѣе, нежели сколько содержишь въ себѣ Поэпическій періодъ, заключающійся въ одной спрофѣ; а воображенію нерѣдко шакже надобно скорѣйшее безоспановочное шеченіе мыслей. Горацій не слыхаль, можешъ бышь, при-

соединяешь Клопшшокъ, ни опы современныхъ пѣвцовъ, ни опы упражняющихся въ музыкѣ, что для пѣнія періодъ со спрофою вмѣстѣ долженъ оканчиваться; или же зналъ это, но захопѣлъ меньшимъ правиломъ пожертвовавъ большому. — Опыты Лирич. Воспокова. Ч. 2.)

Поэзія *Лирическая*, кромѣ Греціи у однихъ развѣ Евреевъ и, можетъ быть, еще въ сѣверныхъ климапахъ при Друидахъ и Бардахъ, могла имѣть настоящій свой величественный видъ. Въ древнемъ Римѣ болѣе уважаемо было краснорѣчіе — и сему народу, долгое время необразованному, занимавшемуся единственно войною, весьма бы смѣшно показалось, когда бы увидѣлъ онъ Марія или Брута съ лирою въ рукахъ: ему нужно было только краснорѣчіе для объясненія своихъ правъ и мечъ для защищенія оныхъ — и если бы какой нибудь Трибунъ или Консулъ, подобно Тиршею или Епимениду, явился съ пѣснями возбуждая къ чему либо или укрощая народъ Римскій, то бы не слишкомъ хорошо былъ принятъ.

Къ сожалѣнію большая часть Греческихъ Лирическихъ швореній не достигла до нашихъ временъ. Намъ извѣстны Си-

монидъ, Спезихоръ, Алкей, Тиршей, почши по одной только похвалѣ, какую воздавалъ имъ Горацій; ибо оспавшіеся послѣ нихъ опривки не заслуживающъ удивленія. Сію же учась испышала и спрашная Сафо, (родившаяся въ Мипиленѣ на островѣ Лесбосѣ около 600 лѣтъ до Р. Х.) хоша и заслужила названіе десяшой Музы. Словомъ, изъ всѣхъ Греческихъ Лириковъ, выключая Анакреона (см. *Анакреонтический*) извѣспнѣйшимъ можешъ почесъся Пиндаръ, родившійся въ Фивахъ около 500 л. до Р. Х.

У Римлянъ доспойно заслужилъ названіе Лирика одинъ полько Горацій Флаккъ, современникъ и другъ Виргилія: онъ соединилъ въ себѣ и Пиндара и Анакреона и Сафу.

Отрывокъ изъ Лагарна. Желаящій доспигнушь до начала Лирическаго стихотворсшва, принужденъ бываешъ заблуждашь въ обласши вымысловъ и во мракѣ древности; всякое описаніе болѣе или менѣе погружено въ баснословіи. Кому спочно извѣспно, когда положены правила гармоній, къ кошорой человекъ имѣешъ ошъ самой природы вліянную въ него наклонность? нѣшъ сомнѣнія, что она была

единственнымъ источникомъ поэзіи, и что отъ пѣнія до размѣрнаго шестивія словъ весьма малое находится разстояніе. Впрочемъ, что въ самыя древнія времена лирическими пѣищами назывались люди, которые первые отличились въ семь родѣ поэзіи, или которые преподавали другимъ первыя наставленія. Повѣспвваемые объ нихъ чудеса суть не иное что, какъ иносказательныя изображенія приобрѣтенныхъ ими успѣховъ и власпи надъ умами людей. *Линъ* почищается изобрѣшашелемъ размѣра и сладкогласія ш. е. что онъ первый умѣлъ соглашашь мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ: онъ былъ первый любимецъ Музъ. *Виргилій* въ шестой *Еклогѣ* сказываетъ, что сей Лирикъ возсѣдидъ на *Парнассѣ* вмѣспв съ Музами, имѣя чело украшенное вѣнкомъ. Онъ былъ наставникомъ *Орфея*, который наконецъ славою превзошелъ своего учителя, ибо силою Музыки и Поэзіи заставилъ учредидъ въ *Греціи* духовныя обряды, заимствованныя имъ отъ *Египтянъ*. Онъ установилъ шаинспва *Вакха* и *Цереры Елевзинской*, по примѣру шаинспвъ *Изиды* и *Озириса*, которые по имени его названы были *Орфическими*. До насъ дошли только нѣкоторыя

опрывки сочиненныхъ имъ духовныхъ пѣсней. Онѣ особенное вниманіе заслуживаютъ пошому, что содержатъ самыя возвышенныя и чиспѣйшія понятія о единствѣ Бога и о всѣхъ Божіихъ свойствахъ, безъ малѣйшей примѣси многобожія. Здѣсь приведемъ въ примѣръ одну изъ его пѣсней сохраненную *Свидою* : „Единый Богъ сущесивуетъ самъ собою, а все прочее имѣетъ бытіе свое отъ него. Онъ вездѣсущъ: онъ никому изъ смертныхъ невидимъ, но самъ видитъ все. По правдѣ и по суду своему наказуетъ онъ людей, ниспосылая напаси, войну и болѣзни. Ему послушны вѣтры, воздвизающіе воздухъ и волны, его велѣніемъ блещетъ молнія. Возсѣдитъ превыше небесъ на злашомъ пресполѣ, и земля естъ его подножіе. Десницу свою простираетъ до предѣловъ Океана, и отъ гласа его горы въ основаніяхъ своихъ шрепещутъ. Онъ управляетъ вселенною: онъ начало, середина и конецъ..”

Свида, приведя въ примѣръ сей опрывокъ, заключаетъ, что Орфей читалъ Моисеевы книги и отшуда извлекъ все ученіе о Богѣ и его свойствахъ. Нѣкоторые покушались опровергнуть сіе мнѣніе, но всякой замѣшитъ, что въ приведенномъ

здѣсь примѣръ видны не только мысли, но даже выраженія Священныхъ книгъ, копорыя за долго до Орфея существовали, и попому можно почестъ за досповѣрное, что послѣдній выписалъ изъ перваго.—

Знаменипѣйшій изъ учениковъ Орфеевыхъ былъ *Музей*, копорый слѣдовалъ по стопамъ своего наставника, и копораго сдѣлали Афиняне начальникомъ Елевзинскихъ шаинспвѣ. *Виргилій* въ шестой книгѣ *Енеиды* говоритъ, что Орфей въ поляхъ *Елисейскихъ* почиается первымъ изъ нравоучительныхъ (разумѣется языческихъ) спихопворцевъ, коихъ пѣсни доспойны были самаго *Аполлона*, и копорые посвящали жизнь свою наукамъ изящнымъ.

Алкей, *Спезижоръ*, *Симонидъ* и многіе другіе оставили намъ только свои имена и нѣсколько опривковъ изъ своихъ сочиненій. Мы имѣемъ не болѣе двѣнадцати спиховъ опъ всѣхъ произведеній знаменитой *Сафы*, о копорой сказалъ *Горацій*:

Огонь ея любви въ спихахъ ея пылаеть.

Впрочемъ и малое число оставшихся послѣ нее спиховъ, по сильному въ нихъ выраженію любовной спраспи, подшверждаетъ истину всего объ ней повѣспвуетъ.

мага, и заспаваешь сожалѣшь о ея сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ.—*См. Лицей. часть 2. Изд. Росс. Акад.*

О пѣснопѣніи Евреевъ. Какъ всѣ роды Лирической поэзіи, выше въ сей спашѣ упомянутыя, объясняюща въ нашемъ Словарѣ каждый порознь подъ своимъ именемъ, а Еврейское пѣснопѣніе, коего принятый всѣми *прозаическій* переводъ, не принадлежишь *по видимому* ни къ кошорому изъ нихъ, шо мы почли за самое приличное сказашь здѣсь что либо объ ономъ, пользуясь разсужденіями и преложеніями въ стихи, ниже сего означенными:

Пѣснь Моисея

По прехожденіи Израильтянѣ чрезъ Черное море.

Въ шестой часши Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ помѣщенъ разборъ сей пѣсни, въ кошоромъ между прочимъ сказано:

„Превосходная пѣснь Моисеева можешъ по справедливосши почешъся краснорѣчивѣйшимъ швореніемъ въ древносши. Содержаніе оной величешвенно, мысли бла-

городны, слогъ высокъ и великолѣпнъ, выраженія сильны, обороты въ рѣчахъ смѣлы: все въ ней изобилуетъ такими предметами и мыслями, которые поражаютъ разумъ и плѣняютъ воображеніе. Сія пѣснь, сочиненная Моисеемъ въ спихахъ Еврейскихъ, превосходитъ все, что свѣтскіе поэты имѣютъ самаго лучшаго въ семь родѣ. Виргилій и Горацій, хотя и совершенные образцы спихошворческаго вишійсхва, не предспавляютъ ничего сему подобнаго. Кажется, что симъ обомъ и другимъ свѣтскимъ поэтамъ благопріятспвуетъ мѣра спиховъ, гармонія и красота слога; но Священное писаніе имѣемъ мы только въ переводѣ, а извѣстно, сколько самые лучшіе переводы Цицерона, Виргилія и Горація, отнимаютъ цѣны у сихъ авторовъ. И такъ надобно, чтобы много заключалось вишійсхва въ Еврейскомъ подлинникѣ Священнаго писанія, когда и въ буквальныхъ переводахъ съ онаго оспалось еще болѣе для насъ, нежели во всемъ Латинскомъ языкѣ древняго Рима, и во всемъ Греческомъ древнихъ Афинъ. Вишійсхво Священнаго писанія крапко, опривиспо и чуждо всѣхъ украшеній постороннихъ, которые служили бы

только къ погашенію его огня и живоспи. Избѣгая долгихъ распроспраненій, оно идетъ къ своей цѣли путемъ крапчайшимъ. Оно любитъ въ немногихъ словахъ заключать обиліе мыслей, дабы онѣ проникали въ сердце подобно спрѣламъ, и предметы опъ чувствъ опдаленнѣйшіе шворитъ ошущительными посредствомъ живописныхъ и натуральныхъ картинъ. Словомъ сказать: вишійство сіе имѣетъ выспренность, силу, выразишельность съ величественною проспоною, и сіи свойства поспавляютъ его превыше всякаго краснорѣчія свѣпскаго.,

„Великое чудо, содѣланное Богомъ при переходѣ Израильшянъ чрезъ море Черное, еспъ причина сей пѣсни. Намѣреніе Пророка состоитъ въ томъ, чшобъ предаться воспоргамъ радости и удивленія при столь чудесномъ событіи, воспѣвать хвалу Богу Избавишелью, свидѣшельствомъ Ему всеобщую шоржеспвенную благодарность и внушитъ народу шакіяжъ высокія чувствія.,

Помѣщаемъ шекспъ Славянскій:

Поимъ Господеви, славно бо прославился: коня и всадника вверже въ море. Помощникъ и покровитель быспъ мнѣ во

спасеніе: сей мой Богъ , и прославлю Его :
 Богъ опца моего , и вознесу Его. Господь
 сокрушай брани , Господь имя Ему. Ко-
 лесницы Фараоновы , и силу его вверже въ
 море: избранныя всадники приспашы по-
 попѣ въ Чермнѣмъ мори. Пучиною покрѣ
 ихъ: погрязоша во глубинѣ яко камень. Де-
 сница швоя , Господи , прославися въ крѣпо-
 спи: десная швоя рука , Господи , сокруши
 враги. И множествомъ славы швоея сперль
 еси сопрошивныхъ: послаль еси гнѣвъ швой,
 пояде я яко сшебліе. И духомъ яросши
 швоея разспулися вода: огустѣша яко спѣ-
 на вѣды , огустѣша и вѣлны посредѣ моря.
 Рече врагъ : гнавъ поспѣгну , раздѣлю ко-
 рыспѣ , исполню душу мою , убѣю мечемъ
 моимъ , господствоваши будешь рука моя.
 Послаль еси духа швоего , покрѣ я море :
 погрязоша яко олово въ водѣ зѣлнѣй. Кшо
 подобенъ шебѣ въ бозѣхъ , Господи , кшо
 подобенъ шебѣ? прославленъ во свяшыхъ ,
 дивенъ во славѣ шворяй чудеса! просперль
 еси десницу свою , пожрѣ я земля. Наспа-
 виль еси правдою швоею люди швоя сія ,
 яже избавиль еси: упѣшилъ еси крѣпо-
 спію швоею во обисель Свяшую Твою.
 Слышаша языцы , и прогнѣвашася , болѣз-
 ни прѣша живуціи въ Филисшимѣ. Тогда

попщашася владыки Едомскіи, и Князи Моавишскіи, пріяшь я препенъ: распаяша вси живущіи въ Ханаанъ. Да нападешь на ня спрахъ и препенъ: величіемъ мѣшцы швоея да окаменяшся, дондеже пройдушь людіе Твои, Господи; дондеже пройдушь людіе Твои сіи яже спяжалъ еси. Введъ насади я въ гóру досшоянія швоего, въ топовое жилище швое, еже содѣлалъ еси, Господи, свяшыню Господи, юже угошоваспѣ руцѣ швои. Господь царшвуяй вѣки, и на вѣкъ, и еще, егда вниде конница Фараонова съ колесницами и всадники въ море, и наведѣ на нихъ Господь воду морскую: сынове же Израилевы пройдоша сушею посреде моря.....

Какая величественная и усладительная проспоша! съ какою красотою и выразительностію описано славнѣйшее чудо, оказанное Творцемъ въ Вепхомъ завѣшѣ!— Г. Мерзляковъ преложилъ сію пѣснь въ Русскіе списхи; мы за нужное почишаемъ оныя здѣсь помѣспишь:

Пою Всесильнаго! онъ славой возсіалъ!

Онъ рекъ — и въ бездну водъ и конь и всадникъ палъ!—

Господь, владыка мой предвѣчный,
Часть. II.

Господь мнѣ былъ покровъ! —

Богъ сердца моего, прими хвалы сердечны!

Прими мои хвалы, хвала моихъ ошцовъ!

Кшо грозный браней сокрушитель?

Кшо сильный сильныхъ усмиришь?

Егова Царь Царей, владыка жизни, свѣшь;—

Егова рекъ—и злобныхъ нѣшь!

Гдѣ воинства швои, шيرانъ ожеспоченный?

Гдѣ колесницы воскрилены? —

Гдѣ сонмы избранныхъ швоихъ?

Какъ камень, бурею опорванъ съ горъ крушыхъ,

Погрязли въ безднѣ волнь сѣдыхъ.

Твоя рука, Твоя шيرانшво наказала!

Десная, Господи, рука Твоя въ сей часъ

Чудесной крѣпосью и правдой возсіяла :

Сразиль враговъ швой гласъ.

Какъ воспаленный вихрь плоды полей цвѣшу-

щихъ,

Твой гнѣвъ пожралъ бѣгущихъ!—

Ты яросью дохнулъ на море съ облаковъ,

И воды разсупились,

И въ спѣны спавъ скрѣпились,—

Уснуло мершвымъ сномъ бореніе валовъ!—

Врагъ рекъ: пойдемъ, посшигнемъ, поженемъ,

Корыщи раздѣлимъ!—се жершва намъ обильна!—

Упейся мечъ въ крови прошивника безсильна!—
 Господспвуй, опягчись рука моя на немъ!...
 Врагъ рекъ,—но возшумѣль швой духъ;—
 Пучина вздулася, и хлынешь съ ревомъ вдругъ;
 Какъ олово, погрязь виновникъ нашихъ мукъ!
 Гдѣ боги варваровъ?—гдѣ боги чужеземны?
 Кумиры гордосши, въ своемъ величьи шемны,
 Да спанушь предъ Тобой, Всесильный Богъ
 боговъ!

Тираны мершвые слѣпыхъ своихъ рабовъ
 Да явнися еще предъ нашими очами!—
 Богъ велій — Богъ единъ! — кто равный, по-
 споишь?

Ты спрашенъ славою, Ты дивенъ чудесами,
 Твое величїе сражаешь и живишь!

Ты руку проспираешь —
 Земля пожрала злыхъ!
 Ты крошко провождаешь
 Въ пуши дѣшей своихъ!
 Ты шеспвуешь предъ ними
 Съ любовью и громами!—

Промчался всюду слухъ о имени Твоемъ,
 Народы сильныя со ужасомъ внимающъ;
 Блѣднѣешь Филиспимъ въ сіяніи своемъ;
 Владыки Моавишь на шронѣ въздыхающъ;

Едомлянъ горду спѣсь вдругъ шрепешъ оковаль
И шучей мрачною на Ханаанъ упаль.

Посли на нихъ швой спрахъ,
Проспри десницу разъяренну
На всю спропшивую вселенну,
И ужась насади въ сердцахъ!—

Какъ скалы, къ сердцу горъ опъ вѣка при-
гвожденны,

Безъ силы, безъ движенья, блѣдны,
Да спанушъ злобные вдали! —
Да ноюшъ опъ досады шщешной,
Когда спокойно, ненавѣшно
Пойдешъ народъ Твой въ ихъ земли.
Народъ, искупленный Тобою
Веди, покрой своей рукою!

Да возрашешъ,
Да процвѣшешъ
Онъ на горѣ Твоей блаженной!

Да царшвуешъ съ Тобой
Въ обители свяшой,
Твоей десницей сошворенной!

Да царшвуешъ Господь
Для славы нашей въ родъ и родъ.

О Псалмажѣ Давида.

Прим.: Псалширь ешъ книга Священ-

наго писанія, сочиненная Царспвующимъ Пророкомъ Давидомъ и другими Богодухновенными людьми; собспвенно значипь орудіе пѣсенное, на которомъ играли въ сонмищѣ Іудейскомъ спихи въ хвалу Бога, а по полкованію иныхъ *Псалтирь* полкуешя *цмб*, *доблесть*, *арфа*. Псал. 80. 3.— Спихи въ Псалпири положенные сочинены по разнымъ случаямъ, и называющся *Псалмы*, по еспь *напѣвы* или *пѣсни*, коихъ числомъ 150; раздѣляющся по церковному усшаву на 20 *Кафисмб*, по еспь *сѣданій*, между которыми бывающъ чпенія, слушаемыя людьми сѣдящими, дабы нѣкое возымѣли опдохновение опъ службы церковной, кою споя слушающъ. — *См. Церковный Словарь*.

Свяшый Іеронимъ говорищъ, что Давидъ соединяешъ въ себѣ и Симонида, и Пиндара, и Алкея, и Горація. (David Simonides noster, Pindarus, Alcaeus, Flaccus quoque). И дѣйствипельно, читая псалмы сего Пророка, находимъ въ нихъ все то, что Лирическая поэзія можетъ имѣть изящнѣйшаго; вездѣ величіе, сила; вездѣ видимъ человека испинно вдохновеннаго Богомъ. — Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ 105

Псаломъ, и воспользуемся разборомъ Абба-ша Башше.

Священный пѣснопѣвецъ выражаетъ въ семь псалмѣ свое удивленіе и благодарность при созерцаніи дѣлъ Божіихъ. И по сему содержаніемъ сего шворенія еспѣ чувствво удивленія, произведенное премудросшію, всемогущесшвомъ и благосшію Создателя.

Благослови душе моя Господа.

Такъ начинается Псаломъ. Благословляешь значишь хвалишь, прославляешь, благодаришь благодѣтеля. Давидъ открываетъ чувствво, его одушевляющее, и кошорымъ преисполнено все пѣснопѣніе. Но какъ сіе чувствво соединено съ предметами, его порождающими, шо онъ предлагаетъ и сіи предметы, что видно изъ слѣдующихъ каршинъ, раздѣленныхъ нарочно для шого, чтобы ихъ удобнѣе и яснѣе видѣшь.

1. *Господи Боже мой возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ веледѣпоту облеклся еси. Одѣйся свѣтомъ яко ризою.*

Воображеніе долженствуетъ основаннись предъ сею каршиною, чтобы ощутишь все великолѣпіе оной. Пророкъ видишь Бога во всей славѣ его—окруженна-

го блискающими огнями и лучами. Это одежда, Его покрывающая!

Давидъ, обративши взоры на самаго Бога, и желавъ прежде осмопрѣшь всѣ его шворенія, долженъ былъ начашь съ неба, гдѣ наиболѣе сіяеть слава Его:—вошь впо-
рая карпина.

*2. Простирай небо яко кожу; покрывай
водами превыспренняя своя; полагай об-
лаки на восхождение свое; ходяй на крилу
вѣтрю. Твориай Ангелы своя Духи, и слу-
ги своя пламень огненный.*

Вселенная для Творца Ея не иное что ешь, какъ шаперъ. Онъ соорудилъ его въ одно мгновеніе, и споль же скоро можешъ разрушишь. Небесныя воды соспавляюшь не измѣримый сводъ — *кристальное покрывало*, его украшающее: это собшвенное значеніе Еврейскаго слова. Подъ симъ-шо великолѣпнымъ сводомъ Богъ лешаетъ съ конца вселенныя на другой, и являетъ славу Свою. Облаки служашъ ему колесницею; вѣтры сушь кони Его. Слуги Его—бури и всесокрушающій пламень. Нужно ли подьяшь волны, изсушишь моря, напоашъ росою сухія мѣспа? вѣтры спремяшся и волю Его исполняюшь. Нужно ли разру-

шишь развращенные грады, испребишь народы мяшежные? огонь нисходишь—и опмщаешь за Бога.

И шакъ видѣли небо, воздухъ, облака, и Бога—на пресполѣ его; шеперь посмошримъ на землю, Его подножіе:

3. *Основай землю на тверди ея, не преклонится въ вѣкѣ вѣка. Бездна яко риза одѣяніе ея; на горахъ станутъ воды. Отъ запрещенія твоего побѣгутъ, отъ гласа грома Твоего цбоятся: восходятъ горы, и нисходятъ поля въ мѣсто, еже основалъ еси илѣ. Предѣлѣ положилъ еси, его же не прейдутъ, ниже обратятся покрыти землю.*

Какое величіе въ сей каршинѣ! земля въ равновѣсіи посреди воздуха, ушвержденная на самой себѣ! неизмѣримая шягоспъ, держащаяся безъ подпоры—и вѣки не поколеблющъ ее! она окружена моремъ яко ризою. Гомеръ упошребилъ по же выраженіе: *πασειδης ἐνωστικυαίος*.

На горахъ станутъ воды.... здѣсь будущее время, вмѣсто прошедшаго; сіе производилъ красошу въ Еврейскомъ языкѣ, эшо Евреизмъ. Во время сошворенія міра, когда все еще смѣшено было въ хаосѣ, воды покрывали горы. Онѣ ошановились;

но едва услышали грозный гласъ Творца—убѣгли съ ревомъ. Тогда горы возвысили свои вершины, долины низпустились, шаръ земный принялъ образъ ему предписанный. Какая живопись! воды удалились въ пригошовленное имъ хранилище; онъ движущаяся, воздымающаяся, но не смѣющая преспушишь предѣла, перспомъ Божиимъ начерпаннаго: *его же не прейдутъ*.

Въ слѣдующемъ изображеніи Пророкъ предспавляетъ себѣ испочники, дожди небесные, плодородіе земли.

4. *Посылай истогники въ дебрезѣ, посре-
дѣ горѣ пройдутъ воды. Напаяютъ вся
звѣри сельныя; ждуть (восприимутъ) она-
гри *) въ жажду свою. На тыхѣ птицы
небесныя привитаютъ, отъ среды каменія
дадутъ гласѣ. Напаяй горы отъ превы-
спреннихѣ своихѣ, отъ плода дѣлѣ твоихѣ
насытится земля.*

Пророкъ воображаетъ шо время, когда послѣдовало сошвореніе міра. Онъ ви-дишь пропекшіе испочники, жаждущее живошное ожидающее ихъ шеченія. Мысль

*) Дивія ослы, по переводу Амвросія, Архіепископа Московскаго.

прекрасная, показывающая довѣріе самихъ живошныхъ къ Пишающему ихъ!

Напаяль горы отъ превыспреннихъ своихъ.—Долины и равнины орошаются рѣками; что же будетъ съ горами? Богъ помѣспилъ на нихъ водохранилища: облака разольются въ дожди, напоаятъ ихъ. И такимъ образомъ вся земля, образованная Премудросшію и Всемогущеспвомъ Создателя, будетъ повсюду плодородна! что же произведетъ она?—Сіе покажетъ слѣдующая картина:

*5. Прозябаяй траву скотѣмѣ, и злакъ на службу теловѣкомѣ, известіи хлѣбѣ отъ земли. И вино веселитѣ сердце теловѣка, цмѣстити лице елеемѣ, и хлѣбѣ сердце теловѣка цкрѣпитѣ. Насытятся дрѣва польская, кедріи Ливанстіи, ихже еси насадилѣ. Тамѣ птицы вознѣздѣются, Еродіево *) жилище прѣдводительствуетѣ или. Гѣры высокія еленемѣ, камень прибѣжище зайцелѣ.*

Можно видѣть, съ какимъ жаромъ и съ какою силою изчисляются главныя

*) Аиспъ—по переводу Амвросія, Архіепископа Московскаго.

произведенія земли—и въ то же время показывается польза ихъ. Все ясно, опредѣлительно. Кедромъ Ливанскимъ, горамъ, даже ушесамъ каменнымъ, показано особенное назначеніе. Они суть жилища, пригошовленные для разныхъ шварей, имѣющихъ нужду въ подобныхъ убѣжищахъ.

И шакъ—человѣкъ водворенъ на земли, посреди всѣхъ благъ. Онъ наслаждается; но что будетъ въ продолженіи времени? человѣкъ, сошворенный по образу Божію, будетъ ли опличенъ ошъ прочихъ живошныхъ? не спашептъ ли скишашься вмѣстѣ съ медвѣдями и львами? — нѣшъ. Создашель распредѣлилъ время и всякому назначилъ разные часы.

6. Сотворилъ есть луну во времена, солнце позна западъ свой. Положилъ еси тлу, и бысть ночь, въ ней же пройдутъ вси звѣріе дубравни: скилни рыкающіи восхитити, и възискати отъ Бога пищу себѣ. Возсія солнце и собрашася, и въ лѣжахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ теловѣкъ на дѣло свое, и на дѣланіе свое до ветра. Яко возвеличшася дѣла твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси: исполнися земля твари твоея.

Пророкъ, очарованный симъ прекра-

снымъ порядкомъ, дѣлаешь восклицаніе.— Солнце *познало* цѣль своего печенія. Оно довольно шѣмъ, что знаешь оную, и въ молчаніи повинуюешься, спремясь беспре- спанно къ доспигженію оной.—Мракъ услы- шаль гласъ Божій: и въ то время, когда онъ покроешь землю, когда звѣзды токмо слабый свѣшь доставляшь будущъ, тогда звѣри дикіе *пройдутъ*—и оспавяшь мѣспа, неданныя имъ Богомъ. Что скажемъ о сихъ скимнахъ, *рыкающихъ* и *призывающихъ* Бога и просящихъ у Него такимъ образомъ про- шпанія? Богъ внемлетъ ихъ и испол- няетъ ихъ моленіе.—Солнце возсіало и всѣ *собрашася*, всѣ вошли въ свои жилища, для того, чтобы оставишь поле свобод- нымъ для челоука, коему поручено его обрабошываешь, и копорый имѣетъ право собираешь съ него плоды.

Доселѣ говорено было о морѣ полько мимоходомъ и попому, что оно принадле- житъ къ изображенію земли, копорая слу- жила маперією прешпей карпины. Въ слѣдующей оно одно описываешь:

7. Сіе море великое и пространное, тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая съ великими. Тамо корабли преплаваютъ,

зміи сей, его же создалъ еси ругатися ему.

Пророкъ предсавляешъ неизмѣримое пространство, наполненное живошными; нѣкошорыя изъ нихъ имѣюшъ чудовищную величину, презираюшъ волны и бурю. Корабли лешаюшъ, и сія спихія, кошорая по видимому сошворена для разлученія народовъ, служишъ облегченіемъ шорговли. — И шакъ, земля, воздухъ, море, все наполнено живошными, имѣющими ежедневно нужду въ пропишаніи. Одинъ Богъ досавляешъ имъ оное. Онъ шолько опшверзаешъ руку и они насыщаюшся. Въ эшомъ сошпоишъ осьмая каршина.

8. Вся кб тебб гаютб, дати пицу илб во благо время, давиц тебб илб, соберуцб, отверзиц тебб руку, всягеская исполнятсѧ благости.

Такимъ-шо образомъ рука, пишающая пшенцовъ дворовой пшци, опшверзаешся, и разсыпаешъ зерна, кои они съ жадношю собираюшъ. Она гошова для нихъ въ минушу нужды.

9. Отвратиц же тебб лице, возмѧтсѧ, отбилеши дѧхб ихб, и изгезнутб, и вб

персть свою возвратятся. Послещи духа твоего, и созиждутся, и обновши лице земли.

Какая живость и смѣлость въ описаній!—Опъ одного отвращенія лица Божія, все превращаешь въ прежнюю персть свою. Не безъ намѣренія упошребилъ здѣсь Пророкъ слово *персть* — *никтожество*, не было бы шакъ сильно. Но опъ дуновенія Божія все снова оживляешь.....

Всѣ сіи картины какъ бы слипы въ чувствѣ. Пѣснопѣвецъ ощущаешь радость, удивленіе, обнаруживающееся особливыми и быспрыми оборотами: иногда говоришь онъ Богу, иногда самому себѣ, а иногда всей природѣ. Его выраженія показываютъ повсюду изумленное воображеніе, душу восхищенную и вознесенную превыше самой себя.

10. Буди слава Господня во вѣки, возвеселится Господь о дѣлѣхъ своихъ. Призираяй на землю, и творяй ю трястися, прикасайся горамъ, и дымлятся.

Призираяй на землю..... Подъ симъ разумѣюся землетрясенія и огнедышущія горы, коихъ слѣды оспались на зем-

номъ шарѣ. Между сими и предыдущими словами находилъ естественная связь. Пѣснопѣвецъ хочеть сказать, чтобы Господь радовался во вѣки надъ своими швореніями, и просить, чтобы Онъ не разрушалъ впредь земли сильными землетрясеніями и всесокрушающими попоками огня. Сколь высоко выражены сіи спрашныя явленія природы! Господь взираеть на землю во гнѣвъ: она трясется; касается горамъ: дымятся.

Воспою Господеви въ животѣ моемъ, пою Богу моему, дондеже есмь. Да усладится ему бесѣда моя, азъ же возвеселюся о Господѣ. Да изгезнутъ грѣшницы отъ земли, и беззаконницы, яко же не быти имъ: благослови душе моя Господа.

Вошъ заключеніе! оно соспоишь совершенно въ чувствѣ. Пѣснопѣвецъ, избразивъ споль высокія каршины, дѣлавшія на сердце почти равныя впечатлѣнія, долженъ былъ открышь чувства свои особеннымъ, разительнымъ образомъ.—И сіе окончаніе такъ же исполнено огня, порывовъ и необыкновенныхъ оборотовъ.

Ни въ одномъ изъ свѣпскихъ сочинителей (говоришь Аб. Баше окончивъ

вышеприведенный разборъ) нѣтъ такихъ высокихъ изображеній и мыслей, какія находятся въ Священныхъ пѣснопѣнїяхъ—отъ того, что свѣтскїе сочинители не имѣли ни подобнаго основанія въ своихъ машерїяхъ, ни подобнаго духа, кошорый бы оживошворялъ оныя машерїи. Они воспѣвали ложную религію, геройшво, худо понимаемое, сраженія, имѣвшія химерическую славу—и не имѣли ни одной искры огня, воспламенявшаго Пророковъ. Словомъ, если Горацій и Пиндаръ были внушаемы природою, то Давидъ и Моисей были внушены самимъ Творцемъ природы.....

*

Дабы сдѣлать спашью сію и полезнѣе и прїяшнѣе, выписываемъ нѣсколько Псалмовъ, преложенныхъ извѣспнѣйшими нашими спихошворцами :

Псаломъ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ негестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста.....

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходишь,
Не хочешь грѣшнымъ въ слѣдъ спущать,

И съ шѣмъ, кѣю въ пагубу приводишь
 Въ единомъ мѣспѣ засѣдаешь.
 Но мысль и волю подвергаешь
 Закону Божию во всемъ
 И сердцемъ оный наблюдаешь
 Во всемъ печеніи своемъ.
 Какъ древо: онъ распространялся,
 Чѣмъ близъ текущихъ водъ растешь,
 Плодомъ своимъ обеташился,
 И листъ его не опадеешь
 Онъ узришь слѣдствія поспѣвныя
 Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
 Но пагубой смянутыя грѣшныя
 Какъ विकремъ восхищенный прахъ.
 И пакъ, злодѣи не возстанушь
 Предъ Вышняго Творца на судъ;
 И праведны не воспомянушь
 Въ своемъ соборѣ ихъ ошнюдь.
 Господь гна праведныхъ возвраещъ,
 И ихъ вышутыя своимъ хранишь;
 Ошъ грѣшныхъ, всерьъ овей опвращаешь;
 И злобный чужь окъ погубишь.
 Часть. II.

Псаломъ XVIII.

*Небеса похваляютъ славу Божию, твореніе же
рукъ Его возвѣщаетъ твердь.....*

О славу Творческой намъ небеса вѣщаютъ,
И дѣло рукъ Его эфирна твердь явишь;
День дни и ночи ночь свой голосъ пресылають:
Премѣна спройна ихъ. Оупца вѣковъ гласишь:

И нѣшь словесъ и нѣшь языка

Гдѣбъ гласы ихъ, нпю еспь Владыка,

Не возвышались во слышаніе всѣмъ.

Въ предѣлы свѣта опдаленны

Звучащъ ихъ спруны напряженны

Несепся ихъ глаголь по всѣмъ земли концемъ.

Онъ солнцу съвъ воздвигъ во обласияхъ эфира

Оно, какъ младъ женихъ, весельемъ полна грудь,

Оспавя свой чертогъ, грядетъ предъ взоры міра,

Ликуешъ, какъ гошовъ подвижникъ славы въ

путь.

Воспока край его изводишь,

И западъ съ крошоспью, исходишь до юга

Ему во срѣшенъе грядущу съ вышоты;

Ему шоржешвенно шекущу;

Вездѣ веселья блескъ ликушу—

Чпо можешъ онъ его сокрышья шеплоны!

Въ законѣ Господа пороку бышь не можно;
 Онъ новую душѣ Собою жизнь даришь,
 Вѣщаніе Творца и вѣрно и неложно:
 Оно и ошроковъ премудрыми шворишь.

Велѣнія Господни сладость,

Онѣ желанна мыслямъ радость,

И заповѣдь Его очамъ душевнымъ свѣщъ.

Господень спрахъ пребудеть вѣчно;

Онѣ числѣ-зерцало онѣ сердечно;

Неправоты и лжи въ судьбахъ Господнихъ нѣщъ.

И, зладѣ, и всего, что въ свѣщѣ драгоцѣнно,

Онѣ любезнѣ изящеснвомъ добротѣ,

И вожделѣннѣ ихъ сладость несравненно,

Чѣмъ сладость, кою намъ лепшъ и медъ и сотъ;

И я, Твой рабъ, въ нихъ поучаюсь;

Благой надеждою пишаюсь,

Что въ исполненіи ихъ мнѣ мзды Твоихъ да-
 ровъ.....

Но кто избѣгнешъ прешкновеній?

Кто числѣ ошъ всѣхъ грѣхопаденій?

Мнѣ, Боже! не вмѣни невѣденья грѣховъ.

И равно волею содѣянная мною

Мнѣ беззаконія проси и пощади;

Да рабъ не буду имъ, но да владѣшь собою,

Ты помощью меня, о Боже! ушверди.

Тогда, невиненъ и свободенъ,
 Во всемъ Тебѣ благоугоденъ,
 Обрящу испинно достоинство души.
 Спасишель мой, Творецъ, Владыка!
 Вѣщанья успъ моихъ, языка,
 И сердца помыслы Ты благосшыю внуши.
Костровъ.

Псаломъ XLV.

*Богъ налѣ прибѣжище и сила, помощникъ въ
 скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зѣло.....*

Богъ намъ прибѣжище и сила,
 Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ!
 Хотя бѣ вселенная грозила,
 И горы, двигшись съ береговъ,
 Въ сердца морскія прелагались;
 Не убоюсь—защитникъ Онъ!

Пусшь громъ гремишь, буркующъ бури
 И до небесъ восходишь поншь,
 Сверкающъ молнии по лазури
 И рдѣешь черный горизонтъ;
 Но рѣкъ кипящихъ успремленье
 Увеселишь лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны спѣвны
 Не двигнуся Его никѣмь—.

Со упромъ придушъ перемѣны :
 Смянуся вражески пшмы темъ ;
 Уклоняся престола, Царства,
 Дасъ Вышній гласъ—вздогнесть земля.

Господь помощникъ мой, Спаситель —
 Придише!, зрите чудеса!
 Заслупникъ, жезль и покровитель,
 Моя и слава и краса.

Онъ хоцешъ — и враждебны сонмы!
 Оцѣпенѣюшъ вокругъ меня.

Съ концевъ земныхъ сохнешъ Онъ брани,
 Лукъ сокрушишь и коніе;
 Блаженныхъ, мирныхъ пожеланій
 Исполнишь наше житіе;
 Щипы желѣзны переплавишь
 Въ плуги, серпы и косы Онъ.

И упразднишя злоба ада,
 И разумѣешъ человекъ,
 Чшо небо пѣмъ покровъ, ограда,
 Кшо въ правдѣ свой проводишь вѣкъ.

Такъ, Богъ, Господь мой мнѣ заслупникъ
 И на Него надѣюсь я.

Державинъ.

Псаломъ XLIX.

Богъ Боговъ Господь глагола, и призва землю отъ востокъ солнца до западъ... ,...

Кто въ блескахъ молніи нисходишь,
 Колеблешь гласомъ горь сердца,
 И взоромъ въ шрепешъ все приводишь?
 Природы ль вижу я Творца?
 Онъ, онъ.—Се мечъ въ десной сверкаешь,
 А въ шуйцѣ вѣчные вѣсы;
 Се къ вамъ, народы, онъ вѣщаешь—
 О грозны, спрашные часы!

„Не мни—гласишь—о родъ спропшивый!
 Загладишь жершвами свой грѣхъ,
 Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
 Приду изрѣчь на смершныхъ всѣхъ.
 Что мнѣ до вашихъ всесозженій,
 До вашихъ жершвъ и пучныхъ спадъ;
 Богъ пьешъ ли кровь своихъ швореній?
 Безсмершный чувспивуешь ли гладъ?„

„Я всю вселенную объемлю —
 И въ длани жизнь ея ношу;
 Я вздоху насѣкомыхъ внемлю,
 Хочу—и солнце погашу.

Пожри же Мнѣ своей душою,
 Очисти совѣсть ошъ грѣховъ,
 И непорочныхъ успъ хвалою
 Да будешь славимъ Богъ Боговъ.,,

„Но да прильпнешъ языкъ къ горпани
 Твоей, о грѣшный человекъ!
 Спрашиси ко мнѣ просперши длани
 И не блажи меня во вѣкъ;
 Тебѣ ли Бога пѣснословишь,
 Коль духомъ не живешь о Немъ,
 Коль адъ спѣшишь себѣ готовишь
 Въ порочномъ жишии швоемъ?.,

„Изъ успъ швоихъ печепъ ядъ лести
 И злоба ухищренныхъ змѣй;
 Ты брапу ковъ шворилъ изъ меспи,
 Корыспи раздѣлялъ шашей.
 О лицемѣры! вѣчноль шану
 Я громъ удерживашъ въ рукахъ?
 Воспрепещише! гряну, гряну —
 И уничшожу яко прахъ!.,

Дмитріевъ.

Псаломъ LXXXI.

Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги
разсудитѣ. Доколѣ судите неправду и лица
грѣшниковѣ приеimate.....

Возспаль Всевышній Богъ, да судишь
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ:
Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будещъ
Щадишь неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ ешь сохраняшь законы,
На лица сильныхъ не взирашь,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиропъ и вдовъ не осшавляшь.

Вашъ долгъ спаси ошь бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подашь покровъ;
Ошь сильныхъ защишишь безсильныхъ,
Испоргнушь нищихъ изъ оковъ.

Не внемлюшь!—видяшь и не знаюшь,
Покрышы мздою очеса:
Злодѣйшва землю попрысаюшь,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари!—я мнилъ—вы Боги власны,
Никшо надъ вами не судья;

Но вы, какъ я, подобно спрашны,
И также смершны, какъ и я.

И вы подобно такъ падеше,
Какъ съ дровъ увядшій листь падешъ,
И вы подобно такъ умреше,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умрешъ.

Воскресни Боже! Боже правыхъ!

И ихъ моленію внемли;

Приди, суди, карай лукавыхъ

И будь: единъ Царемъ земли.

Державинъ.

Окончимъ спашью сію двумя псалмами знаменишаго Геромонаха Симеона Полоцкаго. Сіе покажетъ какъ спешень спихошворспва нашего въ его время, такъ и шо, какія образцы послужили къ развишю Пипическаго Генія Ломоносова. — О Полоцкомъ можно видѣшь въ сп. *Комедія* при описаніи духовныхъ *Драматическихъ* сочинишелей.

Псаломъ СХІІ.

Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне

Опроцы, пѣснями Господа хвалише,

И дѣвы, имя Его вознесише.

Благословенно всегда имя буди
 Господне, вѣчно да славяшъ Е люди.
 Опъ воспокъ солнца, и гдѣ западъ знаешъ,
 Всехвально имя Его да бываешъ.

Высокъ надъ всѣми Господъ нашъ языки,
 И выше небесъ славимъ еспъ во вѣки.
 Кто равень тому, иже обихаетъ
 Въ небѣ, а низу очи низпускаешъ;
 Опъ земли мужа нища воздвизая,
 Въ чеснѣ высокоу дивнѣ возвышая;
 Онъ же еспъ силенъ опъ гноища взяши,
 Со Князи людей въ славѣ насаждаши:
 И неплодную въ домѣ веселиши
 Машерь, о чадѣхъ веселу швориши.

Псаломъ СXXX.

Господи не вознесся сердце мое.....

Господи, сердце мое

Не бяхе высокое;

Ни очи вознесенни

Бяху ми, но смиренни.

Не шцахся великъ быши,

И дивень ся явиши,

Аще же не смиряхся

Духомъ, но возносахся.

Да буду опшоенну

Подобенъ, ослезенну:

Еже плачь изливаєшь,

Къ машери возгладаетъ.

На мнѣ мешь сїа буди.

Божїи въ бозѣ люди,

Выну да уповають:

Дондеже пребывають.

ЛИТТЕРАТУРА, или словесность, есть познаніе правилъ и лучшихъ образцевъ въ поэзіи и краснорѣчіи. Человѣкъ, имѣющій сїи познанія, или при знаніи правилъ и образцевъ, упражняющійся въ сочиненіяхъ, называся *Литтераторъ* п. е. любишель Словесности, любословъ и пр. — Мармонтель дѣлаеть различіе между Лишперашоромъ и человѣкомъ ученымъ. *Упражняющійся въ Словесности*, говоритъ онъ, пользуется прудами человѣка ученаго, и ежели, посредствомъ послѣдняго, прїобрѣлъ онъ познанія лучшихъ образцевъ въ поэзіи, въ краснорѣчіи, въ исторіи, въ Философіи, въ полишикѣ — то бываетъ совершеннымъ *Литтераторомъ*. Онъ можеть не знаеть, что Комменташоры говорили о Гомерѣ, но онъ знаеть, что говорилъ Го-

мерь; онъ не сличалъ произведеній Ювенала съ Аристофановыми, но читалъ и Ювенала и Аристофана.....

ЛОГОГРИФЪ. Слово Логогрифъ составлено изъ двухъ Греческихъ: λόγος, verbum, слово и γρίπος или γρίφος, rete, сѣши—слово-сѣтѣ, сѣтословѣ, сѣшь пославленная для слова. Grīphus, γρίφος, значить также загадка. И такъ—

Логогрифѣ есть загадка, сокрывающая не вещь, а слово. Когда чрезъ отдѣленіе нѣкоторыхъ буквъ отъ слова, или черезъ переславленіе слоговъ и буквъ, выходящъ другія слова, ясный смыслъ заключающія, и каждое изъ сихъ вновь открытыхъ словъ, также какъ и по, изъ коего произошли онѣ, описываются въ видѣ загадки — (смысло слово) — по сие составленіе, сие цѣлое называется *логогрифомъ*. Цѣлому слову Французы дають имя *тѣла согрс*, а часши онаго, по есть слова произведенныя, называютъ *тленами*, *membres*.

Способнѣйшія для *логогрифовъ* слова суть тѣ, въ коихъ болѣе заключаешся малыхъ словъ или *тленовъ*. — Выбравъ такія слова сочинитель имѣетъ полную волю начать объясненіемъ ихъ въ такомъ

порядкѣ, какой приняты вздумаетъ; однакоже лучше сдѣлаешь, когда *однородныя* слова, какъ по имена людей, названія животныхъ, расшѣпый и пр. будетъ помѣщать вмѣстѣ; опъ него же зависить начашь свое сочиненіе *приступомъ* или безъ онаго. Легкость и шушливость придають большую пріятность *логогрифу*.—На Русскомъ языкѣ логогрифъ можетъ бытъ писанъ стихами всякаго размѣра, но Ямбическіе, и припомъ вольные, предпочиташюся.

Дабы лучше объяснишь какъ составляющія логогрифы, возьмемъ какое нибудь слово, на примѣръ *кипарисъ*; раздробляя оное, то естъ опдѣляя и переставляя буквы и слоги, находимъ слѣдующія рѣченія: *Кипарисъ, парисъ, парисъ, парикъ, пика, Парки, Киръ, Кисъ, паръ, кипа*.—Теперь слѣдуетъ приступишь къ описанію сихъ рѣченій или *гленовъ*. Стихошворецъ начинаетъ сіе крашкимъ *приступомъ*:

Послушайше, друзья! вы въ прехъ слогахъ моихъ

Найдете въ мигъ

На поприщѣ любви извѣснаго героя,

Которымъ ввергнуша была въ погибель Троя (1);

Словцо печальное босшонныхъ игроковъ (2);

Прикрасу головы (3), оружие козаковъ (4);

Трехъ сесирь, могущихъ во мгновенье

Разрушишь радость и мученье (5);

Персидскаго Царя (6), Египтянъ божество (7);

То вещество,

Которое изъ водъ всечасно вылеташь (8);

Что съ кучею почти одно же означаешь (9);

Потомъ описывается цѣлое, называемое
тѣломъ:

А цѣлое мое, скажу шеперь я вамъ,

Склоняешь къ горешнымъ мечшамъ

И ароматы лешь по окрешнымъ мѣшамъ.

Сей логотрифъ вообще можешь послужить
надлежащимъ образцемъ въ сочиненіи сего
рода загадокъ. — Онъ написанъ Г. Покров-
скимъ.

Слѣдующій логотрифъ, означающій слово
мужа, составлень чрезъ опредѣленіе ошъ
цѣлаго по одной буквѣ:

Всегда изъ чешырехъ часницъ я составляюсь

И кровію людей, какъ хищный звѣрь, питаюсь.

Вошъ опредѣленіе *цѣлаго*. — Надлежитъ за-
мѣнить, что для удобнѣйшей ошгадки, въ
логотрифахъ при опредѣленіи *цѣлаго* поч-
ти всегда означають число составляю-

щихъ оное слоговъ, называя ихъ *частями*.
— Впрочемъ сіе не почищается необходи-
мымъ правиломъ, полько бы непременно
было *опредѣленіе*. — Часпи или члены сего
логогрифа такъ описаны:

Когда же голову опнинешь отъ меня,

Увидишь, иногда пишаю и себя,

То ешь *уха*, извѣстное кушанье.

Когда же по поламъ меня ты раздѣлешь,

То въ смѣхъ вторую часпъ мою употреблешь.

Сіе значить *ха*.

Когда же полько хвостъ одинъ шь мой возьмешь,

То въ азбукахъ его и даже здѣсь найдешь,

То ешь букву *А*.

Сей логогрифъ напишай въ подража-
ніе Лапинскимъ; каковы слѣдующіе:

i. Nil erimus, totas si vis existere partes;

Omnia (scinde caput) Lector amice, sumus.

S—omnia

Si caput est, currit, nec non cum ventre volavit;

Adde pedes, comedes; et sine ventre bibes.

Mus-ca-tum.

2. Primum tolle pedem, tibi fient omnia fausta;
 Inversum, quid sim dicere nemo potest.
 N—отт.

Сей пѣвмъ еще любопытнѣе, что заклю-
 чаетъ и обратное значеніе слова; но слѣ-
 дующій долженъ обратитиь большее вни-
 маніе:

3. Cortice sub gelido reserant mea viscera flammam.

A capite ad calcem resecat ex ordine membra

Si libeat, varias assumam ex ordine formas;

Spissa viatori jam nunc protenditur umbra;

Nunc defendo bonos et amo terrere nocentes;

Mox intrare veto; sum denus denique et unus.

Unica si deficit mihi cauda, usilere jubebo.

Silex, ilex, lex, ex, x, sile.

Послѣдній логогрифъ написанъ Г. Да Кон-
 даминомъ, пѣвмъ самымъ, который извѣ-
 стенъ своими астрономическими и физи-
 ческими наблюденіями.

Вопшъ еще одинъ Лашинскій логогрифъ,
 составленный чрезъ предложеніе слоговъ,
 и пошому принадлежащій равнобрно и къ
 Анаграммѣ:

4. Quem meae praeteritis habuerunt maenia sacclis

Vitem, si veritas, hoc modo habent.

Maro—Roma

На Русскомъ языкѣ появились логогрифы, также какъ и шарады (см. сіе слово) въ началѣ текущаго столѣтія. Для удовольствія читателей нашихъ выписываемъ нѣсколько логогрифовъ изъ разныхъ Периодическихъ изданій:

I.

Пишите *Логогрифъ*, сказалъ мнѣ журналистъ—

Съ охотою. — И такъ подайте

Чернильницу, перо, бумаги листъ. —

Смотришь жь, отгадываете!

Прошу лишь только не бранить,

Когда пріятнаго здѣсь не найдете слога:

Вѣдь логогрифъ не шутка сочинишь!

Хотя черезъ него къ бессмертью не дорога,

Хотя писателей такихъ стиховъ

Пускаютъ на Парнасъ—не далѣ порога;

Однакожъ *логогрифъ* гоговъ.

Послушайте: въ немъ при лишь слога,

А больше дюжины различныхъ словъ!

Вы въ немъ могильное найдете украшенье (1);

Писанье Гошскихъ мудрецовъ (2);

Вещь славную, копорой лишь рѣченье

Оспалось для пѣвцовъ (3);

И то, чѣмъ молодцовъ

Часть II.

Никпо не называешъ (4);

И шакже даръ, который опличаешъ

Поэша опъ писцовъ (5).

Вамъ скучно? нѣшъ, не шоропишесь,

А на себя получше оглянишесь:

Вы землю роете и по сыскашъ шрудитесь,

Чего премножесшво у васъ въ рукахъ (6);

Что носяшъ многіе изъ насъ на головахъ

И часпо слышимъ мы на каршочныхъ играхъ

(7)....

Вошъ нашихъ воиновъ любимый крикъ раз-

дался (8)!

Врагъ челошечесшва, свободы (9) побѣжденъ!

Какъ вихремъ дерева часпица (10) воздымался

И въ положеніе безродныхъ (11) приведенъ!

Смошрише, вошъ мадамъ здѣсь кшпаша пока-

залась,

Кшшорая своимъ писаньемъ опличалась (12)....

Теперь словъ парочка еще ошшалась,

И вы опъ берега недалеки!

Узнавъ спаринное названіе рѣки,

Кшшорая въ Россіи прошекаешъ (13),

И что зимой бѣлью опшѣнно помогаешъ (14),

Досшигли наконецъ.—Пора и ошгадашъ!

Еще для ясности намѣрень вамъ сказашъ,

Чшо въ *цѣломѣ* можеше узнатьъ
 Живошное—и доброе и злое,
 Съ умомъ и съ глупосшью; не самое большое,
 А многоплодное: живешъ лишъ для дѣшей,
 Кошорыми друзья по добротѣ своей
 Его нерѣдко надѣляюшъ;
 Кошорыхъ по рукамъ другіе разбираюшъ,
 Которые, скажу вамъ наконецъ,
 Почши всегда скорѣе умираюшъ,
 Чѣмъ ихъ отецъ.

2.

Чипашель! обо мнѣ извѣспны всѣ народы;
 Во мнѣ игру найдешъ, чшо вышла ужъ изъ моды,
 Увидишъ сколько шы высокимъ сошворенъ,
 И шо, чѣмъ для рѣчей съ другими одаренъ.
 Часпицу изъ меня шы часто выметаешъ,
 Другую шы казнишъ, а прешъей убѣгаешъ;
 Большая жъ часшъ моя придворнымъ опдана.
 Во мнѣ орудье зришъ, чѣмъ каждая спрана
 Себя ошъ голоду всегда предохраняешъ;
 Во мнѣ и шо найдешъ, чшо слухъ собой плѣ-
 няешъ.—

Ну, знаешъ ли шеперь? поспой, еще скажу:
 Я часшо, признаюсь, людей съ ума свожу,

Учу ихъ иногда и прогоняю скуку,
 А болѣе всего имъ доспавляю муку;
 Скажу, чшобы скорѣй меня шы опгададь,
 Ты вѣрно безъ меня сего бы не чшпаль.

3.

Такова роспу я бываю,
 Какова хочешъ мой опецъ.
 Ему я прибыль доспавляю
 И даже иногда безсмершя вѣнецъ
 Черезъ меня онъ получаетъ,
 А онъ меня за шо въ оковы заключаетъ,
 То къ дереву, шо къ камню прикуешъ
 И воли не даетъ.
 Возможно ли съ дѣшыми шакъ обходишь ся
 строго?
 Скажу вамъ, чшо во миѣ достоинствъ очень
 много,
 И множесшво вещей могу предспавить вамъ:
 Веревку полспую, и съ ней огонь пошѣшный,
 И шо, чшо по гнилымъ находишь ся водамъ;
 И шо, куда никакъ попасшь не можешъ грѣ-
 шный.
 Взглянише на меня, и вашимъ въ мигъ гла-
 замъ

Представившия чудовище морское
 Прешолское и пребольшое,
 И шущъ же маленькая шварь
 Впередъ и взадъ ходячая поволъ;
 Когдажъ разсмотримше поболъ,
 Вамъ явишя Персидской Царь
 Несчастный въ бранномъ полѣ:

И наконецъ

Съ брапоубійцею предспанешъ
 Нѣмецкой шущъ мудрецъ. —

Но кто разсмащривашъ шакъ долго спанешъ!

Скажу еще: во мнѣ увидише вещь шу,

Которая приводишъ въ нищешу;

Другую на войнѣ не рѣдко получаюшъ. . . .

Но вѣрно, ужъ шеперь чашашели скучаюшъ

И просяшъ переспашъ —

Съ охошою! — извольше опгадашъ.

Значашъ сіи Логогрифы: 1) *Журна-*
листѣ — шущъ находяшя слова *урна*, *руна*,
лира, *старѣ*, *жарѣ*, *жила*, *турѣ*, *ура*, *тиранѣ*,
листѣ, *сирѣ*, *Жанлисѣ*, *Ра*, *настѣ*. — 2) *Стихо-*
творство. Въ семъ словѣ: *вистѣ*, *ростѣ*, *ротѣ*,
сорѣ, *ворѣ*, *ровѣ*, *хитрость*, *сохи*, *хорѣ*. — 3)
Картина — здѣсь *канатѣ*, *ракита*, *тина*, *рай*,
китѣ, *ракѣ*, *Кирѣ*, *Каинѣ*, *Кантѣ*, *карта*, *рана*.

М.

МАДРИГАЛЬ. Небольшое сочиненіе въ стихахъ: нѣкопорый родъ Эпиграмы; шѣмъ шолько опличается ошъ нее, что Эпиграма бываетъ колка и язвительна, или лучше сказашъ, употребляется къ осмѣянію какой либо спранности, а *Мадригалъ* обращается наиболѣе къ похвалѣ, и что въ немъ оспрая мысль, обыкновенно при концѣ выражаемая, должна непременно рождашъся ошъ нѣжности и чувствительности. — Разность сію удачно показалъ Г. Дмипріевъ въ стихахъ на одного стихотворца:

Поэшь Оргонъ хваля жену свою не въ мѣру,
 Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ—
 Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ *Мадригалъ*
 И *Эпиграму* на Венеру.

Неизвѣстно ошъ чего произошло названіе *Мадригала*: нѣкопорые производяшъ оное ошъ Испанскаго городка сего имени, шакъ какъ слово *Водевиль* ошъ Вирской долины (*Val-de-vire* или *Vaux-de vire*); но шакое словопроизведеніе не можетъ показашъся удовлетворительнымъ. Древніе не

знали слова *Мадригалъ*, сказалъ одинъ Липшператоръ , но многія мѣлкія сочиненія Анакреона , Сафы , Овидія , Тибулла и Кашулла, по пріятности своей, могли бы почесься прекраснѣйшими *Мадригалами*; новѣйшимъ писателямъ принадлежишь чѣсть изобрѣшенія сего слова: за то какъ мало мы видимъ теперь хорошихъ *Мадригаловъ*!

Мадригалъ на Рускомъ языкѣ пишеться по большей части вольными Ямбическими стихами , однакожь всякая мѣра упопреблена бышь можеть; заключаеться иногда въ двухъ стихахъ , иногда въ четырёхъ , шести и п. д. но не долженъ имѣть болѣе двѣнадцати. Слога пребуеть легкаго и пріятнаго—и можно ли упопребить другой слогъ въ шакомъ сочиненіи, копорое, по словамъ Буало, дышетъ пріятностію, нѣжностію и любовію.

Мы имѣемъ нѣсколько весьма хорошихъ примѣровъ для *Мадригала* :

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась—не весною,
Чшобъ сѣшующій міръ упѣшенъ былъ тобою.

Карамзинъ.

Когдабъ всеильнымъ бышь природа мнѣ судила,

Я бь одариль тебя любезноспью, умомь ,
 Душь нѣжныхъ свойспвами , плѣнипельнымъ
 лицомъ—

Но, мудрая, она меня предупредила.

Милоновъ.

Любуясь на дняхъ собою
 Амурь предъ зеркаломъ спояль
 И съ роду онъ своей красою
 Еще довольнѣй не бываль ;
 Но хваспунишка ошибался,
 Онъ былъ передъ проспымъ спекломъ
 И Софыи красоной плѣнялся,
 Къ стеклу подкравшейся шайкомъ.

Кн. Вяземскій.

По чеспи, ошь шебя не можно глазъ опвеспшь ;
 Но что къ шебѣ влечешъ?—загадка не понятна!
 Ты не красавица, я вижу а пріятна!
 Тыбъ лучше бышь могла, но лучше такъ какъ
 еспь.

Дмитріевъ.

На подаренную цѣпочку.

Какъ прелеспью своей красы,
 Равно искуспвомъ шы плѣняешъ :

Цѣпочку—вяжешь на часы,
А цѣпь—на сердце налагаешь.

Г. Салтыковѣ.

Ты хочешь, другъ мой, знать:
Любовь моя къ тебѣ надолголь продолжипся?

Страшусь тебѣ сказать!

Но должно мнѣ во всемъ ошкрыпся:

Та спрасшь, копорая пылала въ насъ,

Во мнѣ, бышь можешь, прекрапипся

Чрезъ день, или чрезъ два—кпо знаешь смер-
пи часъ!

N. N.

Прелеспа!—я сказалъ, что пы не хороша;
Что одѣвашся пы со вкусомъ не умѣешь;
Сказалъ, что пы ума ни капли не имѣешь,
Что сверхъ того еще дурна пвоя душа;
Сказалъ—а для чего?—я не запрусъ и въ эпомъ:
Хопѣлъ, для рѣдкоспи, поспорипъ съ цѣлымъ
свѣпомъ.

II. Сулароковѣ.

Темира шумный свѣпъ плѣняешь красопой,
Лариза гордая искуспвомъ въ одѣяни,
Блеспящая умомъ Клодина—оспрошой,
И Лиза ловкосью чудесной въ панцованьи—

А шы? имь скрышый пушь—шы пушь къ серд-
цамъ нашла:

Мила въ поступкахъ, въ разговорѣ,
Мила въ проспомъ уборѣ,
Въ небрежности мила!

Я шоржеспвующей Темирой восхищаюсь,
Ларизѣ убранной невольно удивляюсь,
Клодины умъ съ воспоргомъ я хвалю,
Любуюсь Лизою: шебя—шебя люблю.

N. N.

Къ * * *

Которая хотѣла испортить часы.

Ахъ, Лиза! мнѣль за шо сердиться,
Что хочешь шы часы испортишь, изломашь?
Тѣмъ лучше: я не буду знашь,
Когда съ тобою разлучишься.

Дмитріевъ.

Нѣкопорые Русскіе стихошворцы, какъ шо Тредіаковскій, Сумароковъ (А. П.), Николевъ, писали *Мадригалы* на разные шоржеспвенные случаи, на примѣръ, находимъ *Мадригалы* на взятіе Бендеръ, на побѣду при Кагулѣ, а Тредіаковскій написаль даже *Мадригалъ* въ похвалу Аудіенцъ-залѣ, или

Безъ сомнѣнія, Буало, прочишавъ сей
Мадригаль, не сказалъ бы

Il respire la douceur, la tendresse et l'amour.

МАКАРОНИЧЕСКІЙ. Родъ шуточной
поэзіи, состоящій въ смѣшеніи разноязыч-
ныхъ словъ съ проспонародными.

Иные полагаютъ, что сіе названіе про-
изошло отъ Испаліанскаго слова *macarone*.
значущаго грубой, проспой челоувѣкъ; а
другіе производятъ оное отъ макаронъ
(à macaronibus), почишаемыхъ просполюди-
нами за превосходное кушанье, и копорые
приготовляясь съ разными приправами,
образуютъ нѣкопорую *смѣсь*.

Въ примѣръ макароническаго слога
приводятъ слѣдующіе стихи, написанные
отъ лица хваспливаго воина:

Enfilavi omnes scadrones et regimentos.

или сіи:

Archeros pistoliferos furiamque manantum

Et grandem esmeuvtam quae inopinum facta Ruellae
est,

Toxinumque alto troublantem corda clochero.

Слѣдующіе Испаліано-Лапинскіе стихи
также принадлежатъ къ сему роду стихо-
творства. Они сочинены Ганимедомъ Са-

вериномъ. Лапинскіе взяпы изъ *Виргилія*:

Gli honor non canto del rapito Ideo,

Ne laude ad Imeneo di nozze vago ,

Legiferae Cereri, Phaebo, patrique Lyeo,—Екл. 4.

Qui Ninfa non è già di fiume, o lago,

Di selva, campo, prato, o di piagge erte ,

Saturnusque senex, Janique bifrontis imago.—Екл. 7.

Изобрѣшеніе сего стихопворенія приписываютъ Бенедиктинскому монаху *Феофилу Фоленгію*, жившему въ Маншупъ около 1520 года.

На Русскомъ языкѣ нѣтъ стиховъ *Макароническихъ*; развѣ почестъ оными слѣдующіе, написанные для шутки Княземъ *И. М. Долгорукимъ*:

De l'inconstance adieu приманки!

Femme je prends, полно дуришь;

Jolis tendrons, сердца ширанки!

Plus n'est permis мнѣ васъ любишь и пр.

И сии его же :

Dès ce moment j'arrive опъ дяди,

A sa campagne обѣдалъ я;

De me revoir, ахъ! вы не ради;

Votre froideur крушишь меня;

Mais si vous dites останься съ нами ,
 Quel bonheur будешь для того,
 Qui veut à tout moment быть съ вами,
 Pour qui vous êtes милѣй всего.

МЕЖДУДѢЙСТВІЕ или *Антрактъ*.
 Симъ именемъ называющся въ театральномъ предспавленіи промежутки между актами или отдѣленіями, коимъ дано у насъ названіе *дѣйствій*.

У Грековъ театръ никогда почти пущь не былъ; междудѣйствія наполнялись хорами.

Должно замѣтитъ, что въ *антрактахъ* прерывается только вниманіе зрителя, но не самое дѣйствіе (*actio*): предполагается, что лица тогда дѣйствуютъ; и между тѣмъ, какъ актеръ отдыхаетъ за кулисами, надобно почтивать его дѣйствующимъ. Поэтъ долженъ распредѣлить происшествія въ своемъ сочиненіи такимъ образомъ, чтобы онѣ не прерывались между однимъ актомъ и другимъ, и чтобы зрители знали, или по крайней мѣрѣ догадывались о томъ, что происходитъ во время *антракта*.

Театральное дѣйствіе часто имѣетъ неизбѣжную обширность, пущья и скуч-

ныя подробности, а зришель ничего шакъ не опасается, какъ непріятнаго шакого позорища: для сего авторъ предлагаетъ ему однѣ шолько происшествія привлекашельныя, скрываетъ въ *антрактахъ* все шо, что можешъ дославить скуку.—Съ *Антрактами* сопряжена еще сія выгода, что происшествіямъ предполагаемымъ въ оныхъ, даюшъ болѣ времени, нежели шѣмъ, кои глазамъ предспавлены бываюшъ.—См. *Драма*.

МЕЛО - ДРАМА ешъ Драмашическое сочиненіе, въ копоромъ музыка выражаетъ шѣ же самыя душевныя движенія, кои были предъ шѣмъ выражены словами. По сему она имѣетъ свою увершюру, какъ Опера, и въ промежуткахъ разговора дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и послѣ каждаго опдохновенія въ Монологъ, музыка играетъ речешапивъ, соопвѣпспвующій смыслу шого, что было сказано. Не рѣдко речешапивъ замѣняетъ одними шолько аккордами, приличными словамъ Мошолога. Слово Мелодрама ешъ Греческое и сосшавлено изъ *мѣлос*, *голосъ*, *пѣніе*, и *дрѣма*, *дѣйствіе*. Содержаніе сихъ Мелодрамъ по большой частши берешъ или изъ ужасныхъ и

рыцарскихъ романовъ, или изъ испинныхъ, но чудесныхъ и необыкновенныхъ произшесшвій; часпо даже изъ волшебныхъ сказокъ. Лучшими писателями въ семь родѣ почитаются Жильберъ-Пикзерекуръ (Gilbers Pixégécours) и Викшоръ, сочинитель, Мелодрамы: *Каласъ*. Нравспвенная цѣль большей часпи сихъ Мелодрамъ, прекрасныя декораціи, довольно хорошіе балешы, музыка и нерѣдко пѣніе, дѣлають сей родъ драматическихъ представлений пріятнымъ. Мы имѣемъ многіе переводы Мелодрамъ, по большей часпи передѣланныхъ или въ драмы, или въ оперы. Таковы на пр: *Сорока Воровка, Обрѣва Собака, Убійца* и *Сирота* и ш. п. Сюда можно также причислить недавно данное на Пешербургскомъ театрѣ Романшическое представленіе: *Иваной*.

Къ роду Мелодрамъ должно отнести и *Миллодраму*, въ которой дѣйствіе состоить опчаспи въ разговорахъ, опчаспи же въ Мимическихъ движеніяхъ по музыкѣ. Изобрѣшатели сего новаго рода драмы Гг: Франкони, кой ввели въ число дѣйствующихъ лицъ, живыхъ лошадей, дѣлающихъ эволюціи, падающихъ и умирающихъ на сценѣ. Музыка, балешы, военныя эволюціи,

сраженія, пѣніе и декораціи, служащъ равнобѣнно украшеніемъ сихъ піесъ и приманкою для просполодимовъ вошь названія нѣкопорыхъ Мимодрамы: *Солдатъ земледѣлецъ, смерть Клебера, смерть Понятовскаго, Золотые часы и пр.*

МЕТАЛИПСИСЪ. Въ Риторикѣ, пропь рѣченій. Слово сіе взято изъ Греческаго языка и происходитъ опъ предлога *μετα*, черезъ, означающаго въ словосочиненіи *перемѣну*, и опъ *λαμβάνω*, понимаю, разумѣю. Изъ сего выходитъ, что *Металипсисъ* даетъ понимаешь другое, нежели что предсшавляетъ собшвенный смыслъ рѣченія; но какъ эпо есть свойство всякаго пропа, то *Металипсисъ* опредѣляютъ шакимъ образомъ, что онъ есть перенесеніе слова чрезъ одно, два, или при знаменованія опъ своего собшвеннаго, которыя одно изъ другаго слѣдуютъ, и по оному разумѣются. На пр:

Какъ десять жашвъ прошло, взята пространна Гроя.

Здѣсь черезъ жашву разумѣется лѣпо, а черезъ лѣпо цѣлой годъ.—Или: *помнить союзъ, вмѣсто хранишь; знать Бога вм.*

бояшься.—*Я не узнаю тебя, вм. шы пере-
мѣнился.*

МЕТАМОРФОЗИСЪ см. *Преображеніе.*

МЕТАПЛАСМЪ. Слово Греческое : *μεταπλάσμος*, *transformatio*, преобразование; отъ глагола *μεταπλάσσω*, *transformo*, преобразую; сосставлено изъ предлога *μετα*, *trans*, пре, чрезъ, и проспаго глагола *πλάσσω*, *formo*, образую:—Общее названіе всѣхъ перемѣнъ, бывающихъ въ словахъ по какой нибудь причинѣ, какъ по для избѣжанія спеченія многихъ гласныхъ или согласныхъ, для уменьшенія или умноженія слоговъ, сосставляющихъ споны и пр. По сему *Метапласмъ* бываетъ шрехъ родовъ: 1) по прибавленію, 2) по убавленію, и 3) по переспавкѣ. *Метапласмъ* по прибавленію дѣлаешся въ началѣ, въ срединѣ, или на концѣ слова, и сосоставляешъ шри фигуры: *Просфезу*, *Епенфезу* и *Парагоѣ*. См. сіи слова.—*Метапласмъ* по убавленію производипъ шакже шри фигуры: *Аферезисъ*, *Синкопе* и *Апокопе*. См. сіи слова.—*Наконецъ* *Метапласмъ* по переспавкѣ или по перемѣнѣ бываетъ, когда изъ одной двогласной дѣлаюшся два слога, или когда

соединяющся два слога въ одинъ, или когда буквы бывають переспавляемы; изъ сего происходятъ чепыре фигуры: *Діерезисъ*, *Метафезисъ*, *Сокращеніе* (*contractio*) и *перемѣна* (*commutatio*). См. сіи слова. — Всѣ различныя свойства Метампласма объяснены въ слѣдующихъ стихахъ :

Prosthesis arponit capiti, sed *Aphaeresis* aufert;
Syncope de medio tollit, sed *Epenthesis* addit;
 Abstrahit *Aprocope* fini, sed dat *Paragoge*:
 Ut valet in binas difflare *Diaeresis* unam,
 Haud aliter binas *contractio* cogit in unam;
 Littera si legitur transposta, *Metaphesis* exstat;
 Si mutata fuit, tunc *Commutatio* vera est.

Сюда же принадлежишь дѣлаемый иногда въ Латинскихъ стихахъ *выпускъ*, *Elysiu*, *Simaloerpe*, состоящій въ шомъ, когда выпускаешся гласная липера и наиболее е для уменьшенія числа спонъ, или для приведенія словъ въ извѣсннй размѣръ.

МЕТАФЕЗИСЪ, *metathesis*, *transpositio*, родъ Метампласма; слово сіе происходишь ошь *meta*, *trans*, чрезъ, и *τίθημι*, ропо, кладу, полагаю: преложеніе, переспавленіе, переспавка. Состояишь въ шомъ, когда буквы въ словѣ полагающся не въ первопроизвод-

номъ порядкѣ. Такъ Виргилій (Aen. X. 394) сказалъ :

Nam tibi, *Tymbre*, caput Evandrius abstulit ensis.

Вмѣсто *Tymbre*, какъ написано шрема спихами выше, и эпо, по примѣчанію Сервія, сдѣлано для мѣры спиха, *metri causâ*. Также упошребляепся *Teucra* вм. *Teucer*, *crocodilus* вм. *crocodilus* и пр.—См. *Метаплазмъ*.

МЕТАФОРА, въ Рипорикѣ, шропъ реченій.—Метафора ешь перенось реченія опъ собшвеннаго знаменованія къ другому, для изъясненія нѣкошораго между ними подобія; что бываетъ : 1) когда реченіе приличное бездушнот вещи придаепся живопному, на пр. *каменное сердце, твердой человекъ, мысли колеблются*. 2) Когда реченіе, надлежащее къ одушевленной вещи придаепся бездушной, на пр: *црюмое море, лице земли, луга смѣются*. 3) Когда слово опъ бездушной вещи къ бездушной же переносишся, на пр: *въ волнахъ кипяцій песокъ, небо звѣздами разцвѣтаетъ*, и 4) когда реченія переносишся опъ одушевленныхъ къ одушевленнымъ вещамъ, на пр: *парящее воображеніе, алный взоръ, лающій Зоилъ*.—Чрезъ сіе идеи пред-

спавляюща великолѣпнѣе и живѣе, нежели просно. При чемъ наблюдать должно: 1) чшобы Метяфоръ не упошребляшь чрезмѣру часно, но шокмо въ приспойныхъ мѣспахъ, ибо излишне спѣсенныя въ рѣчь переносныя слова больше оную зашмѣваюшь, нежели возвышаюшь. 2) Къ вещамъ высокимъ и важнымъ неприспойно переносишь реченій опъ вещей низкихъ и подлыхъ, на пр. *небо плюетъ* не хорошо сказашь *вм. дождь идетъ*; но ежели вещи, опъ которыхъ слово переносишь, не очень низки, то могушь бышь еще возвышены именами прилагательными: шакъ ежели *гроубъ* назвашь *трубою*, то будеть Метяфора низка, однако съ прилагательнымъ *труба небесная* упошреблена бышь можешь. 3) къ низкимъ и подлымъ вещамъ шакже неприспойно переносишь реченія опъ высокихъ и важныхъ, на пр. *громогласный комаръ*. 4) Чшобы Метяфоры сообразовались съ напурою, а принужденность, неясность, сушь погрѣшности несперпимыя въ ономъ шропѣ, на пр. если бы кто сказаъ *ц него Везувій въ груди* для означенія челоуѣка снѣдаемаго любовію, то бы погрѣшили прошивъ правилъ сего шропа, шакже бы какъ и въ

сихъ реченіяхъ *омою руки мои въ волнахъ власовъ твоихъ* вм. выдеру шебя за волосы.

5) Когда бываешь нѣсколько Мешафоръ вмѣспѣ, то надобно спарашься, чшобъ не было въ нихъ шакихъ идей, кои соединены бышь не могушь, на пр. если бы кто говоря объ орапорѣ сказала: *онѣ подобенѣ гасѣ отѣ гасу болѣе воспламеняющемуся истогнику*, то Мешафора была бы несправедлива, ибо *пламя и вода* не могушь бышь совокупны. Прошивъ сегоже погрѣшилъ авшоръ, кошорый въ одѣ къ герою написалъ:

Въ десницу взявъ перунъ шы шешвуй лъву подобно.

Надлежалобы лучше сказашь *подобно Юпитеру*, ибо поняшіе о *лъвѣ* нимало не согласуется съ поняшіемъ о вооруженіи его перуномъ или громомъ. 6) Надлежишь избѣгашъ Мешафоръ иноспранныхъ, несвойспвенныхъ языку нашему, какъ на пр. на Лапинскомъ языкѣ можно сказашь *ad radicem montis*, но на Россійскомъ *при корнѣ горы* не говорится, а употребляется *при подошвѣ*; или Французскую Мешафору *le coup d'oeil* спранно было бы видѣшь переведенною *ударѣ ока* вм. *взглядѣ*, шакже

faire les doux yeux, дѣлашь сладкіе глаза, вм. умильно взглядывашь, и пр.—

Метафору можно смягчаешь сими словами: *такъ сказать*, ежели можно или позволено *такъ сказать*, *выразить*, *объясниться*, на пр: искусство должно бышь, ежели позволено шакъ сказаешь, *привито къ натурѣ*: напура поддерживаешь искусство и служишь ему основаніемъ, а искусство украшаешь и дѣлаешь напуру совершеннѣе.

Слово *Метафора* ешь Греческое, происходитъ ошь *μετά*, что значить *черезъ* и ошь *φόρα* ношу, и шакъ *μεταφορά*; собственно означаешь *переносъ*.

МЕТОНИМИЯ. Въ Риторикѣ прошь реченій. Соспоишь въ шомъ, когда вещей, имѣющихъ между собою нѣкоторое соотношеніе, имена взаимно переносяшся, или, какъ другіе опредѣляютъ, *Метонимія* ешь прошь, въ кошоромъ слово, вмѣсто понятія, заключающагося въ собственномъ его значеніи, выражаешь другое, имѣющее съ первымъ нѣкоторое соотношеніе. — Что бываешь: 1) когда принимаешь причина за самое дѣйствіе, на пр: *жить своею работою* ш. е. покупаешь что либо на деньги, получаемаыя за работу; 2) *него прекра-*

свая рука вм. онъ прекрасно пишеть (рукою). Язычники думали, что Церера научила людей сѣять хлѣбъ, а Бахусъ научилъ дѣлать вино, по сему хлѣбъ называли они иногда Церерою, а вино Бахусомъ. Виргилій сказалъ: *Implentur veteris baccchi*, спарой Бахусъ, вм. спараго вина, или Терренцій говоритъ *Sine Cerere et Libero friget Venus*, (Еп. IV. 5), безъ Цереры и безъ Бахуса скучаетъ Венера, а сіе значить: о любви тогда не думаютъ, какъ не чѣмъ жить.—По Мешониміи же называется *Іаковомъ*, *Ізраилемъ*, *Іудеою* народъ Іудейскій; сюдаже принадлежатъ и сіи выраженія *Ильете Моисея и Пророковъ*; гитаете Гомера, Виргилія вм. ихъ швореній.—2) Когда принимаешь дѣйствіе за причину, на пр: Овидій говоритъ, что гора *Пеліонъ тѣни не имѣетъ* nec habet Pelion umbras, по сіе значить, что тамъ нѣтъ деревъ, соснавяющихъ причину тѣни, и тѣнь, которая есть дѣйствіе деревъ, взята здѣсь за самую деревъ. — Поэты говорятъ *блѣдная смерть* ошь того, что смерть дѣлаетъ блѣднымъ. 3) Содержащее за содержимое.— Ломоносовъ сказалъ

Воспокъ и льдистый Океанъ
Свои колѣна преклоняють.

ш. е. люди живущіе на восшокъ и при Ледовишомъ Океанѣ.—Говорятъ *гнѣздо птицѣ* вм. самыхъ птицъ въ гнѣздѣ находящихся, и въ проспорѣчїи: *онѣ любитѣ гарогку*, ш. е. любятъ вино, наливаемое въ чарку.

4) Имя мѣспа, гдѣ вещь дѣлается, берется за самую вещь. — Фаянсъ есть городъ въ Испалїи; тамъ нашли особенный родъ глины для дѣланїя различной посуды, кошо-рую называютъ фаянсовою; шенерь гово-рятъ, что прекрасной *фаянсѣ* дѣлается въ Голландїи, въ Руэнѣ, въ Кїевѣ. — Сюда же принадлежатъ названїе винъ, на пр. медокъ, шапо-лафишь и пр.

5) Признакъ вмѣсто самой вещи. На пр. Орель вм. Россійской Имперїи, Луна вм. Турціи, сѣ-дина вм. спаросши.

О Россѣ! швол лишь добродѣшель
 Такихъ великихъ дѣлъ содѣшель,
 Лишь швой *Орелѣ* луну зашмилъ

6) Когда дѣйствїе или свойство принято будешь вмѣсто дѣйствующаго, на пр. *убїйство* доспойно смершной казни вм. убїйца доспойно. . . . ошъ *злобы* погибаю, вм. ошъ злыхъ людей.

7) Когда вмѣсто вещи полагаешься шощь, кшо ею владѣешь: — На пр. у Виргїлїя *Jam proximus ardet Ucalegon* (Аен.

II. 32), горипшь Укалегонъ; вм. домъ Укалегона.

Слово Метпонимія соспавлено изъ *мета*, чрезъ, пере... и опшь *бурса* имя: перемѣна имени.

МЕТРЪ. Въ поэзиі называешся симъ именовемъ всякая спопа или мѣра, входящая въ стихосложеніе. Ариспидъ опредѣляешъ мепрѣ системою стопѣ, соспавленныхъ изъ разныхъ слоговъ извѣснаго числа. Въ семь смыслѣ *метрѣ* значипшь поже, чшо родѣ стиховѣ, *genus carminis*. Наука о мепрахъ называлась у Римлянъ *Ars metrica*. Слово сіе значипшь на Греческомъ языкѣ *мѣра*.

МЕТРИЧЕСКІЙ. Такъ называешся сппихъ, заключающій извѣстное число спопѣ, соспоящихъ изъ долгихъ и крапкихъ слоговъ, или *илѣбущій стопы*, каковы на примѣрь, сппихи Греческіе, Латинскіе и нынѣшніе Русскіе; но прежніе наши сппихи, каковы Каншемировы и его современниковъ, также какъ Польскіе, Французскіе и пр. называющся *Силлабическими*, ибо не спопы, но число слоговъ, въ себѣ заключающъ.—См. *Стихосложеніе*.

МИКТЕРИЗМЪ. Родъ Ироніи. — *См. сіе слово.*—Упопребляется тогда, когда о комъ либо говорится съ большимъ пренебреженіемъ: имѣеть большое сходство съ *Сарказмомъ*.—С. с. сл.—*Μικτηρισμός*, пилпеть *Воссій* (partit. orat. IV. X. 6.) *fit quum naso suspenso quempiam subsannamus: quod et nomen indicat; nam μικτός, nasus.*—Сіи слова *naso suspenso* очень хорошо описываютъ положеніе гордеца, поднимающаго носъ, дабы сморѣть съ пренебреженіемъ на пѣхъ людей, копорыхъ хочеть онъ унизить передъ собою.

МИМИЗИСЪ, родъ Ироніи, копорою повторають совершенно все то, что другой сказалъ, съ подражаніемъ пѣлодвиженію и голосу, дабы сказанное обратишь чрезъ то въ посмѣяніе.

Мимизисъ есть имя Греческое: *Μιμίσις* значишь *подражаніе*, но подражаніе Ироническое, насмѣшливое.—Сія фигура часто упопребляется нынѣ въ *Комедіяхъ*, какъ прежде составляла главнѣйшее свойство *мимъ*, что показываетъ и самое ея названіе.

МИМИЯМЪ. Родъ стиховъ *Ямбическихъ*, упопребляемыхъ въ *Мимахъ*.

МИМИЧЕСКІЙ. Принадлежащій къ Мимамъ.

МИМОДРАМА.—См. *Мелодрама*.

МИМЫ. У древнихъ Мимами назывались шуточные театральныя представленія, въ которыхъ съ дерзоснію подражали дѣланіямъ, рѣчамъ, голосу и даже шлѣодвиженіямъ какой либо извѣстной особы. Онѣ употреблялись обыкновенно между актами.—Греческое слово *μῖμος*, значущее *подражатель*, подало поводъ къ сему названію.

Плутархъ (Simp. Lib. VII. probl. 8.) раздѣляетъ представленія Мимическія на два рода. Однѣ именовались *ὑποφασεία*, были благоприспойны и приближались къ Комедіи; другія назывались *κωμῖαι* и заключали въ себѣ шалости и дерзкія шушки.

Изобрѣшашелемъ благоприспойныхъ и нравственноснію исполненныхъ *Мимѣ* почитающъ Сиракузца Софронія, жившаго во времена Ксеркса. Увѣряющъ, что Платонъ съ удовольствіемъ читалъ *Мимы* сего писателя.

Мимы нравились также и Римлянамъ: онѣ употреблялись даже при похоронахъ. Взввшій на себя такое представленіе

шель передъ гробомъ, изображая пѣлодвиженіями дѣянiя и нравъ покойника.

МНОГОСОЮЗІЕ, polysyndeton. Въ Римширикѣ фигура реченій. Соспоишь въ шомъ, когда многія реченія или часпи періода союзомъ и соединяюшся. На прим: и малые, и великіе, и спарые, и младые, и богашые, и убогіе, хваляшь добродѣшель, но не всѣ послѣдуюшь ей.

У Жуковскаго въ сочиненіи *пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ*:

Внимайше! въ полѣ шумъ глухой!

Смошрише, шанъ воспрянуль,

И кони ржущъ, гызя бразды,

И спрой сомкнулся съ спроемъ,

И вождь лешишь передъ ряды,

И пышешъ рашникъ боемъ.

Или въ Трагедіи Озерова *Фингалъ*:

Со мною говоряшь и вѣшровъ спрашныи ревъ,

И моря грозныи шумъ, и шомныи скрышь

деревь.

Сей фигурѣ прошивополагаешся *Безсоюзіе*.

—См. сіе слово.

МОЛЕНІЕ, прошеніе, или умоленіе.

Deprecatio, obsecratio.—Въ Ришорикѣ фигура предложеній: естъ представленіе сильнаго хопѣнія съ уклонноспію предъ шѣмъ лицемъ, къ копорому оное ошносится, на пр. въ переведенной Воспоковымъ Каншапѣ, *Цирцея* говоритъ :

Виновникъ моего мученья!
 Ахъ, возвратись въ шрану сію!
 Не о любви шебя молю;
 Приди хошя изъ сожалѣнья
 Кончину ускоришь мою.

И у Державина въ одѣ на *Сгастіе* :

Слеши ко мнѣ, мое драгое,
 Серебряное, золошое,
 Сокровище и божество!
 Слеши, причши къ швоимъ любимцамъ.....

Искусство сей фигуры соспоишъ въ шомъ, чшобы представляшъ предметы самыя удобнѣйшіе къ умилосшивленію или къ приведенію въ жалоспъ.

МОЛОССЪ или *Тримакрб*. Симъ именемъ называется въ Греческой и Лапинской поэзіи спопа, соспоющая изъ шрехъ долгихъ слоговъ; на примѣръ: cantabant, vir-

tutem, σῶτεςθαι; шель, спаль, паль. Знакъ ея: — — —.

Слово сіе произошло или опъ *Молоесовѣ*, Епирскаго народа, или опъ того, что въ храмѣ Юпитера *Молосскаго* пѣшны были *илны*, въ коихъ сія спона наиболѣе упошреблялась, или опъ спиховъ дѣланныхъ въ честь *Молоссу*, сыну Пирра и Андромахи. Иные производящъ сіе названіе опъ того, что *Молоесы* отпраляясь на сраженіе пѣли воинскую пѣснь, въ которой всѣ почти стихи соспавлены были изъ слоговъ долгихъ. Древніе называли еще спону сію *volumnius*, *extempes*, *hippius* и *chanius*. (Denis. III. 475). — Спона, противоположная *Молоссу*, соспоящая изъ трехъ крапкихъ слоговъ (o o o) называется *Тривражіей*. См. сіе слово.

МОНОЛОГЪ. Когда дѣйствующее лице бываетъ на театрѣ одно и говоритъ, по сія рѣчь называется *Монологомъ*. — См. *Драма*. — Опъ *μόνος* одинъ, и *λόγος* слово.

МОНОМЕТРЪ. Спихъ, заключающій одинъ метръ, ш. е. одну какую либо мѣру или спону. Спихъ *однолѣрный*. Опъ *μόνος* одинъ и *μετρον* мѣра.

МОНОРИФМЪ. Монорифмомъ, или по произношенію Французовъ *Моноримолб* (monogime) называется сочиненіе, написанное на одну рифму.—*Монорифлб* сочиняется по большей части для шулки и правила особеннаго не имѣетъ. Слово сіе происходитъ отъ слова *рифма* и отъ *мѣнос* одинъ.—Примѣромъ можете служить слѣдующій, написанный на заданныя рифмы:

Р а з с ц ж д е н і е

О жизни, смерти и любви.

Чѣмъ я начну шеперь? я вижу, что *баранб*
 Нейдешь шупъ ни къ чему, гдѣ рифма *барабанб*;
 Вы лучше дайте мнѣ зальць-вассеру *стаканб*
 Для подкрѣпленья силъ; вранье не *алкоранб*!
 Извѣстно вамъ, друзья, что галка не *фазанб*
 И что въ позсахъ я козамъ, а не *Гетманб*;
 Но васъ душой люблю и это не *обманб*.

Разсмѣйшесь, я счастливъ. Послушайте! —

Арманб.

Былъ доброй человѣкъ. Что наша жизнь? *ро-*
манб!

Онъ часно говорилъ. Что наша смерть! *тц-*
манб.

А лучше что всего? бифшексъ и *лабарданб.*

А еслижъ я умру, пусть шрупъ мой хищный
сранбъ,

Какъ хочешь, шакъ и ѣшь; смерть, грозный
великанбъ,

Уносишь все съ собой. И дубъ и маяранбъ,
И червь и человекъ въ рукахъ ея—воланбъ,
Поймаетъ въ мигъ она и спрячетъ въ свой
карманбъ;

Ошшуда неуйдешь ни въ Лондонъ, ни въ Ми-
ланбъ.

Арманъ мой справедливъ; смерть люшый
звѣрь, кабанбъ,

Гиенна, Леопардъ; могила не диванбъ;

Когда подумаю, чпо лѣзшь мнѣ въ гелоданбъ,

Чно шамъ исчезнешъ все, и голова и спанбъ,

Поморщусь и вздрогну. Я въ Музулипатанбъ

Согласенъ хопъ сей часъ; пройду Меридианбъ,

Но пусть я буду живъ! пусть жизни караванбъ

Въ дорогѣ будешь вѣкъ. Французъ и Мол-
даванбъ

Твердяшь, чпо смерти пушь и шрудень и
пещанбъ;

А въ жизни мило все, крапива и тюльпанбъ.

Живу, люблю, горю. Амуровъ мнѣ капканбъ

Не спрашенъ никогда; уродливый Вулканбъ

И Марсь и Аполлонь, Добрыня и Полкань
 Амура чпили всѣ; спамедь и тарлатань,
 Прекрасно все на шой, кошпорой онь колгань
 И спрѣды даль свои. Амурь—Лесіафань!
 Въ романахъ говоришь извѣстный де Грессань;
 Амурь, богъ радостей, гласишь намъ Унцель-
 мань. *)

Прекрасной вѣрю я. И Грекъ и Музульмань
 Готовы въ рошѣ бышь, Эропъ гдѣ Капитань;
 Захочешъ сильный богъ, красавецъ и губань!
 Пойду съ Темирой я въ огонь и въ Океань.

В. Пушкинъ.

Бывающъ еще *Монорифмы сложные*:
 въ нихъ сочешавающся двѣ рифмы. — Въ
 сочиненіяхъ Голенищева - Кушужева нахо-
 димъ цѣлую Еписполу, написанную ша-
 кимъ образомъ, что каждая спрофа, состоя
 изъ 16 спиховъ, имѣетъ 8 одинакихъ
 рифмъ:

С т р о ф а 1.

Ты мнѣ велишь, любезный другъ!
 Чшобъ я къ тебѣ писалъ спихами;
 Чишай же вздоръ, когда досугъ,

*) Акшриса въ Германіи.

Когда не заняшь пы дѣлами.
 Хоть спалъ я смысломъ очень пугъ,
 Чшобъ знашься съ чиспыми сесшрами ;
 Онѣ въ число пріемлюшь слугъ
 Головки съ бѣглыми умами ;
 Какъ камень спалъ мой мозгъ упругъ
 Томясь надъ рифмами, спонами ;
 Ни неба сводъ, ни лѣсъ, ни лугъ,
 Не грѣюшь лиры со струнами ;
 Но развѣ дружество огнями
 Разширишь мой спѣсенный кругъ ;
 Обильна дружба чудесами !
 Она шворишь Пиша вдругъ.

С т р о ф а 3.

Прошло то время дорогое,
 Какъ я въ цвѣшущей былъ веснѣ,
 Какъ, сидя въ сладоспномъ покоѣ
 Съ природою наединѣ,
 Смошря на поле золотое
 Терялся мыслей въ глубинѣ,
 Трава, иль деревцо какое,
 Казалось, все внушало мнѣ
 Спихосложеніе просное
 Въ чесшь дружбѣ, славѣ, пишинѣ,

Хореи, ямбы въ сладкомъ спроѣ
 Являлись мнѣ и въ самомъ снѣ;
 Но нынѣ ужъ совсѣмъ другое!
 Къ осенней ближусь я спранѣ,
 Прогнавъ мечпаніе слѣное,
 Чшо льспило, вижу шчо во снѣ.

С т р о ф а 4.

Приближась вѣка къ серединѣ,
 Какой-шо гласъ швердишь всегда:
 Мой другъ! о будущей судьбинѣ
 Размыслишь должно иногда;
 На чшо, и по какой причинѣ
 Пришелъ ты спранспивовашъ сюда?
 На шоль, чшобъ бышь въ великомъ чинѣ
 Безъ дарованій, безъ пруда?
 Или бродишь въ лѣсу, въ долинѣ,
 Не зная чшо скука и бѣда?
 Или при знашномъ господинѣ
 Терешься, ползаешь завсегда?
 Сласшей валяешься въ гнусной шинѣ
 Себѣ и ближнимъ для вреда,
 И даже о своей кончинѣ
 Въ чаду не мыслишь никогда? и пр.

Монорифмы, или однорифменные стихи, съ успѣхомъ употреблены бытъ могутъ между другими и въ большихъ поэмахъ, сочиняемыхъ *вольными* стихами, и заключающихъ матерію веселую, либо шуточную. — Въ поэмѣ Богдановича *Душенька* нерѣдко вспрѣчаются такіе стихи. На пр:

Но всѣ, при каждомъ шагѣ

Вспрѣчали новый спрѣхъ :

Ужасныя пещеры

И къ верху крупизны,

И въ безднѣ глубины,

Безъ вида и безъ лиры ;

Инымъ являлись тамъ Мегеры,

Инымъ лешучи *Дромадеры*,

Инымъ Драконы и *Церберы*,

Копоры ревами, на разные манеры,

Глушили слухъ,

Мушили духъ

Пѣснь 1.

Амуры, кои шуть Царевну окружали,

И шуть улыбками и радосными *огесѣ*,

Ошвсюду шѣ слова согласно подшверждали.

Не въ долгомъ времени, Зефиръ ее *вознесѣ*

Къ незнаемому ей селенію *небесѣ*,
 Поспавиль средь двора, и вдругъ опшоль
изгезѣ.

Какая Душенькѣ явилась пѣма *тудесѣ*!
 Сквозь рощу миршовыхъ и пальмовыхъ *древесѣ*
 Великолѣпные представились чершогѣ.

II. 2.

Венера здѣсь *тайколѣ*!
 Бѣжипѣ опѣ всякой *чеспи*!
 Венера за *столболѣ*!
 Венера подѣ *платколѣ*!
 Венера въ сарафанѣ!
 Пришла сюда *пѣшколѣ*!
 Во храмъ вошла *тишколѣ*!
 Конечно съ *пастушколѣ*

II. 3.

См. *Баллада и Буриме.*

МУЖЕСКІЙ. Мужеская рифма. — См.
Рифма.

МѢЛКІЯ или *мѣлогныя* стихопворенія.
 —Симъ именемъ называющіяся разныя не-
 большія сочиненія въ стихахъ, какъ по:
 Пѣсенки, Эпиграмы, Мадригалы, Сонеты
 и пр.

МЪРА. То же самое что *Метрѣ*. — См. сіе слово.

МЫСЛЬ. Мысль есть представленіе чего либо въ умѣ; выраженіе есть представленіе мысли словами.

Мысли бываютъ различныхъ видовъ:

1. *Общія, обыкновенныя*—которыя свойственны всякому здравомыслящему человеку, которыя рождаются ошъ самаго предмета безъ всякаго усилія, и служатъ, такъ сказать, основною нишью всякаго прозаическаго или стихотворнаго сочиненія. Ихъ можно уподобить пѣмъ обыкновеннымъ и однообразнымъ мѣсамъ, кои не представляютъ путешественнику ничего досшойнаго вниманія, и не производятъ въ немъ ни опвращенія, ни удовольствія.

2. *Рѣзкія или быстрыя*—изображающія предметъ въ немногихъ словахъ. Онѣ поражаютъ умъ слушающаго поспѣшно, съ быспроною, или такимъ же образомъ уничтожаютъ представляемая прошивъ нихъ возраженія. Такова мысль въ оперѣиъ Фингала на слова Спарна: пы въ обласпахъ моихъ—*Я здѣсь не въ первый разѣ*. Сія мысли называются иногда *сильными*.

3. *Высокія*.—Сіи мысли имѣюпть одинаковое свойство съ вышепоказанными, то есть, рѣзкими или быспрыми: онѣ шакже не шерпяпть распроспраненія, а опличаюпся единспвенно важностію своего предмета, ибо по большей часпи изображаюпть всемогущество Божіе, доблести героевъ, поржештво добродѣтели и пр.—См. *Высокое*.

4. *Богатыя*—изображаюпть не только самый предметъ, но шакже образъ его существованія, и другіе предметы, имѣющіе съ нимъ какую либо связь. Опъ рѣзкихъ или быспрыхъ мыслей то имѣюпть опличіе, что не перебуоупть въ выраженіи большой краткости. Примѣромъ можепть служипть стихъ Озерова въ Трагедіи *Едилъ въ Афинахъ*.

Есть громы....но въ сей часъ на небѣ шипшина.

Здѣсь Аншигона описываепть не одну еспешвенную шипшину, но и медленность, оказываемую въ то время богами въ наказаніи несправедливыхъ враговъ опца ея.

5. *Смѣлыя*—кошорыя, выходя изъ границъ обыкновеннаго порядка вещей, поражаюпть своею чрезвычайностію. Такъ у

К. Долгорукаго сказано, что подь спаросшь нашу Природа

Перешепшавшись съ небесами
Въ аптеку выучишь ходишь.

Впрочемъ сіи мысли пребуюшь опть сочи-нишеля величайшей оспорожноспи: невѣр-ное уподобленіе, преувеличенная Ипербо-ла, и другія подобныя погрѣшноспи, весь-ма легко могушь сдѣлать ихъ *слабыми*, или, лучше сказать, доспойными осмѣянія.

6. *Острыя*.—Такъ называюща шѣ мы-сли, копорыхъ изъ предшеспвовавшихъ предложеній никакъ не можно было ожи-дашь: сія нечаянноспь соспавляетъ глав-нѣйшее ихъ свойспво. Оспрымъ мыслямъ весьма много способспвуетъ *умѣдленіе*, ко-порое, возражда въ чипашелѣ неперпѣ-ніе, дѣлаетъ чрезъ шо самую мысль рази-шельнѣ.—Мысли сіи могушь бышь и *нѣж-ными*, и *пріятными*, и *язвительными*. При-мѣры можно видѣшь въ Мадригалахъ, Епи-граммахъ и другихъ мѣлкихъ спихошво-реніяхъ.

7, *Новыя* — копорыя предспавляюшь или совершенно неизвѣспныя поняшія, или уже извѣспныя, но въ новомъ видѣ, въ новыхъ оборошахъ. Примѣры шакихъ

мыслей предоспавляемъ находишь самимъ чипашелямъ, убѣждая ихъ при помъ не забывашь, что и мысли и оборошы *новые*, по еспешпвенному порядку вещей, также дѣлающся *старыми*.

8. *Простыя*, или опть просподушія происходящія.—Сіи пребуюшь опть сочишеля величайшаго искусствва, наиболѣе пошому, что онъ обязанъ сокрышь въ нихъ искусство. Съ какимъ просподушіемъ признаешся у Крылова *любопытный*, что онъ, разсмапривая въ Куинскамерѣ и букашекъ и козявокъ, *не замѣтилъ слона!*—Басни Хемницера также изобилуюшь сими мыслями.

9. *Шуточные*—иногда предспавляють самые величеспвенные предметы въ выраженіяхъ обыкновенныхъ и даже проспонародныхъ:

Юнона шолько лишь узнала,
 Что сѣлъ на корабли Еней,
 Какъ бѣшеная заплясала.....

Иногда упошребляешся въ нихъ сравненіе, или уподобленіе вещей, не имѣющихъ, по видимому, никакого между собою соошношенія:

Раздувшись мѣсяць, какъ волынка,
Свѣшилъ намъ выпуча глаза.....

Осиповъ.

Иногда дѣлаешь ихъ шаковыми несообразностью съ правдоподобіемъ:

Уснуль—и мнѣ земля представилась споломъ,
Всѣ горы сдѣлались кувшинами съ виномъ,
И небо въ окорокъ Вестфальской превращилось.....

И даже слишкомъ замѣтная почность или испина :

Моя опчизна въ шой спранѣ ,
Въ копорой я на свѣтъ родился ;
Когдабъ отецъ мой не женился ,
Не бышь бы, говоряшь, и мнѣ.....

Лишь шолько я опспалъ опъ мамы,
Въ любви успѣхи я нашель :
За мной всегда ходили дамы,
Когда я передъ ними шель..... и пр.

Не смотря на сіи различные виды, каждая мысль пребуешь еспешвенности и правдоподобія. Сочинишель наиболѣе обязанъ удерживаешь сіи качествва при упо-

пробленіи Метяфоръ, Иперболъ, сравненій — и никогда не уклоняешь ошь правила, предписывающаго соразмѣряешь свойсшва Физическія съ нравспвенными: однѣ шолько *шцтогнѣя* мысли могутъ бышь изключены изъ сего правила, однакожь и сіи чѣмъ болѣе заключають въ себѣ еспешвенности и правдоподобія, шѣмъ болѣе нравяшся.

Н.

НАДГРОБИЕ, надгробная надпись.—См. *Епитафія*.

НАДПИСЬ. Надпись ешь крапкое чего либо замѣчательнаго описаніе, какъ по вещи, дѣянія, особы; иногда же заключаешся въ ней одно шолько выраженіе чувспвій сочинштеля.

Надлежитъ наблюдать, чшобы въ *надписи* помѣщены были пакія описуемаго предмета принадлежности, коими онъ наиболѣе привлекаеш къ себѣ вниманіе, и коими опшичается ошь всѣхъ прочихъ предметовъ.

Надписью сіе сочиненіе называется пошому, что оно дѣйствишельно бываетъ *надписано* на своемъ предметѣ, или на изображеніи онаго, или покрайней мѣрѣ пишешся въ шакомъ видѣ, какой бы имѣло оно, если бы *надписано* было на предметѣ.

Источниками для изображенія *надписи* бываютъ свойства и дѣйствія вещи или особы.—Ясность, краткость и многозначительность суть главнѣйшія достоинства *надписи*.

Какъ *надпись* дѣлаешся съ шѣмъ предположеніемъ, что всякой будетъ читать ее *мимоходомъ*, то по сему и должно быть ей краткою и ясною. Бываютъ *надписи* въ двухъ или трехъ словахъ состоящія, но заключающія въ себѣ смыслъ обширный — какова на примѣръ слѣдующая на монументѣ:

ПЕТРУ I. ЕКАТЕРИНА II.

Что касается до правдоподобія, то сочинитель до невѣроятности возвысившій или унижившій свой предметъ, лишаешся у читателя довѣрія, и слѣдствен-но не производитъ въ немъ желаемого своею *надписью* дѣйствія.

Надпись требуетъ также естественности слога, ибо она должна казаться не-

произведеніемъ размышленія и шруда, но
внезапнымъ изліаніемъ рожденныхъ въ со-
чинишель чувствованій. Впрочемъ, въ ша-
комъ крапкомъ сочиненіи никакая вообще
погрѣшность не проспишельна.

Слѣдующія надписи могутъ служишь
образцами :

Къ портрету ПЕТРА Великаго.

Россія пьмой была покрыва много лѣшь ;
Богъ рекъ : да будешь ПЕТРЪ ! и бысь въ
Россіи свѣшь.

Херасковъ.

— *Суворова.*

Се Россъ, Авгарянь бичъ, Сармашовъ покори-
шель ,

Защипникъ Авспрім, Ипаліи спасишель.

Дмитріевъ.

— *ЕКАТЕРИНЫ Второй.*

Вселенну слава пролешая

Велишь рѣшишь вопросъ вѣкамъ :

По имени она *Вторая*

Но кто же *первый* по дѣламъ ?

Державинъ.

— *Кн. Я. С. Долгорукаго.*

Коварство, хищра лещь его спрашились взора;
Люби опечесиво, онъ правду богомъ чпиль;
Безспрашно какъ герой въ совѣшахъ говорилъ;
Царю былъ вѣрный другъ, народу былъ подпора.

N. N.

— *Феофана Прокоповича* *).

Россійской церкви столпъ, совѣша мудрый
мужъ,

Философъ, Богословъ, Историкъ, Паспырь
душъ;

Вишійшвомъ словъ его до днесъ Россія блещеть:

ПЕТРОВЫМЪ похваламъ вселенна совоспещеть.

Державинъ.

— *М. М. Хераскова.*

Пускай опъ зависни сердца въ Зоилахъ ноюшь;
Хераскову они вреда не принесушь :

Владимірь, Иоаннъ, щипомъ его покроюшь,

И въ храмъ безсмершня проведушь.

Дмитріевъ.

*) См. ему же надпись въ сш. *Комедія*, въ примѣчаніи.

— Г. Р. Державина.

Державинъ въ сихъ черпахъ блискаешь!
 Пошребно ли здѣсь больше словъ
 Для шѣхъ, копорыхъ восхищаешь
 Чесшь, правда и языкъ боговъ?

Дмитріевъ.

— Къ монументу ПЕТРА I.

Колосъ Родосскій, днесь смири свой гордый
 видъ!

И Нильски зданія высокихъ пирамидъ
 Прешаньше болѣ счишашься чудесами!
 Вы смершныхъ бранными содѣланы руками.
 Нерукошворная здѣсь Росская гора,
 Вявъ гласу Божію изъ устъ ЕКАТЕРИНЫ,
 Прешла во градъ Пешровъ чрезъ Невскія пу-
 чины

И пала подъ снопы Великаго ПЕТРА.

Рубанъ.

Однакожь не одно удивленіе или ува-
 женіе къ знаменишымъ подвигамъ и ли-
 цамъ должно бышь испочникомъ надписи:
 дружба и любовь шакже бываюшъ причи-
 ною сихъ произведеній. — У Дмитріева
 находяшся сему примѣры:

1.

Что мнѣ объ ней сказаешь?

Къ другимъ и я бывало

Легко могъ надписи писать;

Но милую хвалишь, какъ ни хвали, все мало.

2.

Вошь милый всѣмъ шворецъ! иль сердцемъ,
иль умомъ

Грозишь себѣ онъ плѣномъ:

Въ Аркадіи онъ былъ счастливымъ паспущ-
комъ,

Въ Афинахъ Демосфеномъ.

Надписи Карамзина къ спашуѣ Купи-
дона опличаются пріятностію и остро-
пою. Вошь нѣкопорыя изъ нихъ:

На голову.

Гдѣ прудишься голова,
Тамъ шруда для сердца мало,
Тамъ любви и не бывало,
Тамъ любовь однѣ слова.

На глазницу повязку.

Любовь слѣпа для свѣта
И кромѣ своего

Безцѣннаго предмеша
Не видишь ничего.

На сердце.

Любовь Анапомисшь: гдѣ сердце у шебя,
Узнаешь полюбя.

На палецѣ, который грозитѣ Купидонѣ.

Награда скромности гошова:
Будь счастливь—но ни слова!

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
дерзка.

На крыло.

Амурь лешаетъ для шого,
Чшобъ милую найши для сердца своего:
Нашедши, крылья оспавляешъ—
Уже ему въ нихъ нужды нѣшъ—
Лешашъ позабываетъ
И съ милою живешъ.

На стрѣлу, которю Амурѣ беретѣ въ руку.

Спрашишесь: проспрѣлю!
Но вы опъ раны не умреше;

Лишь только взглянете, вздохнете,
И скажете: люблю.

На ногу.

Когда любовь безъ ногъ? какъ надобно идти
Опъ друга милаго, сказавъ ему: просни!

На спицу.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ спарикамъ сѣдымъ.

Сюда же принадлежишь и сія, написанная
Дмишріевымъ къ Амуру:

Кшобъ ни былъ шы, пади предъ нимъ!
Былъ, ешь, иль долженъ бышь владыкой онъ
пвоимъ.

Иногда *надписи* пишущся для шушки
или въ насмѣшку и въ шакомъ случаѣ при-
нимають видъ насмѣвающей Эпиграмы. Та-
ковы слѣдующія Дмишріева:

Г.

Глядише: вопъ Ефремъ! домовый нашъ маляръ.
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисъ его всегда надъ смершными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

2.

И эшо челоуѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

3.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажешся, лишь скажешъ слово:
Законы, шронъ, все пасшъ гошово—
Не бойшесь! онъ на дождь сердитшъ.

И сія:

*Кѣ изображенію добродѣтельной Римлянки,
питающей въ телницѣ старца собствен-
нымъ своимъ молокомъ.*

Какъ глупы въ старину бывали передъ нами!
У насъ и мащери дѣшей не кормяшъ сами.

А. Измайловъ.

Кѣ портрету добраго поэта.

Онъ учасшъ горькую несчастныхъ облегчалъ:
Прочшя его стихи, спсрадалецъ засыпалъ.

Ивановъ.

Древніе художники сочиняли надписи
къ своимъ произведеніямъ, иногда не очень
скромныя. Вошь двѣ, находящіяся въ Афи-

неѣ (кн. XII. стр. 548), написанныя на Греческомъ языкѣ стихами :

1., Паразій писалъ сію каршину. Онъ любилъ веселость и добродѣшель. Отечествомъ его былъ Ефесъ, опцемъ Евеноръ. Истинный сынъ Греціи, всѣхъ превосходилъ онъ въ своемъ искусствѣ.,

2., Не всѣ повѣряшъ мнѣ, однакожъ я не боюсь говорить. Хвала кисти моей! искусство доведено до послѣдней степени совершенства. Никто не преидеть чрезъ попь рубежъ, на копоромъ я оспановился. Ахъ! когда произведеніе рукъ человѣческихъ бывало превыше всякой кришки!.,

Надобно при семъ замѣшить, что Греки и Римляне во многихъ случаяхъ совсѣмъ не заботились о ясности *надписей*—особенно послѣдніе. Упопреляемые ими сокращенія прѣбуютъ великихъ усилій для уразумѣнія смысла *надписи*. Сія сокращенія состояли или въ вензеляхъ, чрезъ превращеніе многихъ буквъ въ одну фигуру, или въ пропаяженіи гласной на концѣ, дабы одною черпою означить двѣ разныя гласныя, или наконецъ въ опущеніи нѣсколькихъ буквъ въ срединѣ слова. Такъ какъ Римскія надписи встрѣчаются чаще, нежели Греческія, то не бесполезно ка-

жешся привеспи здѣсь нѣсколько шаковыхъ для примѣра съ показаніемъ значенія.—А. AN. Aulus, Annus. Aedilis.—В. D. D. bonis Deabus.—С. V. P. V. D. D. communi voluntate Publice votum dedicarunt.—Н. S. E. Hic situs est.—О. H. S. S. Ossa hic sita sunt. и проч. См. Ручн. кн. Кошанскаго.

Прим. у древнихъ всѣ роды надписей, кромѣ надгробныхъ, называемыхъ Епишафіями, заключались подѣ однимъ наименованіемъ *Епигралѣ*.—См. *Епиграла*, *Епитафія*.

НАКЛОНЕНІЕ, Poluptoton, Traductio. Въ Ришорикѣ фигура реченій; соспоишь въ шомъ, когда одно слово въ разныхъ временахъ или падежахъ нѣсколько разъ повшоряешся. На пр. *люблю* правду всемъ сердцемъ, какъ всегда *любилѣ* и *любить* буду до смерпи; или: не навижу *его*, гнушаюся *имѣ*, *онѣ* взору моему несносенъ, *емѣ* предѣ лицомъ моимъ бышь недоспойно.

НАПРЯЖЕНІЕ. Incrementum. Въ Ришорикѣ фигура предложеній; соспоишь въ шомъ, когда нѣсколько важныхъ мыслей принадлежащихъ къ маперіи, въ одномъ періодѣ помѣщающся. На пр: республику,

Римляне, и жизнь вашу, движимое и недвижимое имѣніе, женъ и дѣшей вашихъ, и сію преславную Имперію столицу, преблагополучный градъ и прекрасный, безсмертныхъ боговъ высочайшею къ вамъ любовію, трудами, совѣтами и бѣдами моими изъ пламени и оружія и почти изъ самыхъ челюстей конечныя пагубы нынѣ изхищенный и вамъ сохраненный и возвращенный видите.—Изъ 3. Циц. сл. прошевъ Капилины.—Или:

Въ сей день блаженная Россія,
 Любезна небесамъ страна,
 Въ сей день оныя высоты святыя
 ЕЛИСАВЕТЪ тебѣ дана,
 Воздвигнуши ПЕТРА по смерти,
 Гордыню сопосташовъ смерти
 И въ ужасъ оныхъ привеспи,
 Оныя грозныхъ бѣдъ тебѣ избавишь,
 Судьей надъ царствами поставишь
 И выше облакъ вознеспи.

Ломоносовъ.

НАТУРА, или Природа *изящная*.—Изящная натура есть натура украшенная, усовершенствованная искусствомъ.

Люди, наскучивъ единообразностію предметовъ, видимыхъ ими въ натурѣ простой, прибѣгли къ изобрѣтенію, къ творчеству, дабы чрезъ то доспавивъ себѣ новыя понятія и новыя ощущенія, могущія способствовать къ возвышенію ума или къ услажденію вкуса. Для сего спали они выбиратьъ лучшія часши натуры и сопоставлять цѣлое по собственному своему желанію—цѣлое, совершеннѣйшее нежели сама натура, но при томъ не преспающее бытъ натуральнымъ. Вопъ основаніе искусствъ, называемыхъ изящными! вопъ цѣль, копорую знаменишые во всѣхъ вѣкахъ художники себѣ предполагали! избравъ какой либо предметъ, они предспавляли его во всемъ возможномъ совершенствѣ; они подражали натурѣ не въ дѣйствительномъ ея видѣ, но въ шакомъ, въ какомъ бытъ она можетъ, по еспъ какою можно ее предспавивъ себѣ въ воображеніи.—См. спашью *Поэзія*.

Въ отношеніи къ искусствамъ можно раздѣлить *натуру* на двѣ часши: одною наслаждающаюся посредствомъ глазъ, другою посредствомъ слуха; прочія чувства наши не могутъ пѣваться изящными искусствами. Къ первой часши относяща живо-

лись, ваяніе, и шѣлодвиженіе, сосставляющее опрасль двухъ преждеозначенныхъ искусствъ, и опшичающееся опъ нихъ одною *живостію*, ибо какъ полошно живописца, шакъ и мраморъ ваяшеля, изобразивъ одно избранное мгновеніе, остающся навсегда неизмѣнными, но шѣлодвиженія, видимыя нами въ характерныхъ пляскахъ, въ балешахъ, бывающъ шакъ сказащъ одущевлены и могушъ принимашъ разные виды.

Ко вшорой часши принадлежашъ *музыка*, соединенное съ нею *пѣніе*, и наконецъ *поэзія*, упошребляющая слова, расположенныя по извѣспному размѣру.—

Можно упвердительно сказащъ, что подражаніе *изящной* природѣ воспріяло начало свое въ Греціи. Всѣ прежнія произведенія искусствъ у прочихъ народовъ заслуживающъ вниманіе единспвенно или по чрезмѣрной величинѣ, или по шрудности, какой пребовали онѣ для совершенія: разборчивой вкусъ не находилъ въ нихъ ни малѣйшей пріятности. Это были произведенія Тишановъ. Греки первые почувспвовали, что гораздо лучше плѣняшъ нежели удивляшъ: опъ шого во всѣхъ родахъ изящныхъ искусствъ они оставили намъ образцы превосходнѣйшіе.

Римъ сдѣлался ученикомъ Греціи. Удивленный чудесными ея произведеніями, захопѣвъ подражать ей — и сіе подражаніе неменѣе прославило его, какъ и успѣхи оружія.

Послѣдующія происшествія извѣстны. Варвары опуспошили Европу, искусства исчезли, и не были видны въ ней до того времени, какъ по изгнаніи изъ Конспаншинополя возвратились опять въ Италію. Тогда одушевились кости Горація, Виргилія, Цицерона; тогда увидѣли древность со всѣми прелестями юности. Новые художники спали подражать древнимъ, общее одобреніе произвело соревнованіе, а сіе умножило таланты: изящныя искусства снова показались во всемъ своемъ блескѣ и повсюду распространились.

НАТУРАЛЬНЫЙ. Естественный, сходный съ натурою (съ природою, естественномъ).—*Натуральнымъ* въ словесности называется все то, гдѣ не видно нисколько принужденности ни въ расположеніи сочиненія, ни въ описаніи характеровъ, ни въ выборѣ словъ,—гдѣ не выказывается искусство, или излишнее желанье нравиться. — *Magna ars est non apparere artem.*

Великое искусство состоишь въ сокрытіи искусства.

НЕНІА. См. *Епикедіонъ*.

ПРАВСТВЕННОСТЬ, или нравоученіе. — Всякое сочиненіе и въ прозѣ и въ стихахъ, должно имѣть цѣлю или удовольствіе, или пользу для ума, или наконецъ нравоученіе, то есть, пользу для сердца; особливо въ твореніяхъ важныхъ последнее должно быть соблюдаемо непременно. Иногда нравоученіе предспавляется прямо, иногда же сочинитель заспавляетъ самихъ читателей извлекашь оное, какъ на примѣръ въ басняхъ и въ другихъ сочиненіяхъ Аллегорическихъ, но дѣйствіе нравоученія и въ семъ случаѣ бываешь не менѣе.

Державинъ въ своемъ *Разсужденіи о Лирической поэзіи* такъ говоритъ о нравоученіи :

„По шой ли причинѣ, что поэзія языкъ боговъ, голосъ истины, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ то, Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зороаспръ, Брамго, Солонъ, Оденъ,

наконецъ Магомешъ и многіе другіе были поэмы, и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и по нынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣпуютъ они въ Словесности всякаго рода проповѣдовать благочестіе, или науку нравовъ. Особенно находятъ болѣе къ шому способною Лирическую поэзію, вразсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она зашверживается въ памяти, и забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства. Кишайцы и нѣкоторыя другіе народы начинаютъ шѣмъ воспитаніе дѣшей, что заставляють ихъ зашверживать наизусть стихотворныя опрывки, или краткія наставительныя пѣсни. Индейцы, Браминской секты, до шого довели сіе употребленіе, что знашнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣвають набожныя или нравоучительныя стихи, увѣряя, что яко бы души младенцевъ, въ употребъ еще сущихъ, напояются благочестіемъ посредствомъ душъ маперинскихъ. Подлинно ли это такъ, не утверждаю; но вижу и въ *Сколіяхъ* древнихъ Грековъ, что и при

самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ пиршестввахъ насшавленія изъ виду выпускаемы не были. Первобытные славные Лирики, до насъ дошедшіе, по свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бѣдноспь и угнѣшеніе шерпѣвшіе Скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладашелямъ разишельныя, но полезныя испины. Ихъ иногда гнали, попому ли, что правды мѣръ не шерпишь, или что неприашенъ пророкъ въ опечеспвѣ. Едуардъ I. Король Англійскій даже испреблялъ ихъ! но напрошивъ того, добрые Государи, Опцы опечеспва, любившіе доблеспь и благочеспіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. Они ободряли ихъ самихъ и воинспво къ мужеспвеннымъ подвигамъ, и къ презрѣнію смерши. Словомъ: древній вдохновенный сѣверный Скальдъ былъ испуцленникъ вѣры, законовъ, вольноспи, славы, чеспи, любви къ опечеспву и вѣрноспи своему Государю. Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни мешался онъ между ужасами и опасносшями, проповѣдуя добродѣшель. Полуденный Бардъ былъ тоже; Псалширь наполнена благочеспіемъ.

Самый первый Псаломъ не иное что, какъ нравоученіе. Пророкъ вдохновенный (vates) или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ Герольдъ неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходящъ, но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки! по сему-то думаю я болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація; что въ первомъ блещущъ искры богопочтенія и наставленія Царямъ; а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Вразсужденіи чего, нравоученіе крашко, ксшапи и хорошо сказанное, не только не поршишь высокихъ Лирическихъ пѣсней, но даже ихъ украшаетъ. Вотъ примѣры:

Изъ Пиндара.

Такъ милостью боговъ единыхъ
 И въ добродѣтеляхъ своихъ
 Всѣ процвѣшаютъ человѣки!
 Блаженство лишь они дождатъ:
 Чрезъ нихъ премудрые-премудрось,
 Краснорѣчивы—сладосшь успь,
 Могущіе—ихъ силу спяжунть!
 И всѣ дары шекушь ошь нихъ.

Межь шѣмъ раждашь пріятнѣй зависть,
 Чѣмъ сожалѣнье намъ.—И пы
 Не преспавай иди въ слѣдъ славы,
 Рулемъ довѣрья правь народъ ;
 Судъ искушай въ горнилѣ правды,
 Малѣйшу искру опъ Царя
 Свѣшь за большой пожаръ считаешь :
 Тьмы вокругъ свидѣтелей себя.
 Ревнуешь ли попомсхва къ чеспи ?
 Будь швердымъ въ подвигахъ благихъ,
 И щедрымъ бышь не опрекайся ;
 Но паче вѣпромъ парусъ швой
 Вдувай подобно мореходцамъ :
 Лишь никогда, любезный мой,
 Не обольщайся царедворцевъ
 Лукавой сладостью словесъ—.,,

Изъ Ломоносова.

Услышьше, судіи земные
 И всѣ державныя главы :
 Законы нарушашъ свяшые
 Опъ буйности блюдишесь вы ;
 И подданныхъ не презирайше,
 Но ихъ пороки испребляйше
 Ученьемъ, милоспью, шрудомъ.

Вмѣспише съ правдою щедрошу,
 Народну наблюдайше льгошу,
 То Богъ благословишь вашъ домъ.

или

О коль Монархъ благополучень,
 Кшо знаешь Россами владѣшь!
 Онъ будешь въ свѣтѣ славой звучень
 И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣшь.

Изъ Хераскова.

О смершныя! не испребляйше
 Своей надежды на Творца;
 И гордостью не оправляйше
 Во благоденствіи сердца.
 Хопя земные сущь владыки
 Предъ смершными у насъ велики;
 Но Богъ и надъ Царями Царь!
 Какъ хочешь, всѣми управляешь,
 Пресполы руѣишь, восшавляешь,
 Однимъ всю движешь першомъ шварь.

Изъ Петрова.

Ты общешву своимъ примѣромъ показаль,
 Чшо испиный герой безъ зависши родишся
 И качешвомъ своимъ во другѣ веселишся.—,

Разсмапривая сіе разсужденіе знаменшаго Державина, ничего, кажешся, не оспаеися прибавишь къ оному, кромѣ собственннхъ его нравоучительннхъ мыслей, разсвяннхъ повсюду въ безсмершнхъ его швореніяхъ—и по сему предлагающся здѣсь нѣкошорыя:

Пуспь только умъ ЕКАТЕРИНЫ,
 Какъ Архимедъ, создаспъ машины,
 А Россъ вселенной попрясешъ. —
 Чего не можешъ родъ сей славный,
 Любя Царей своихъ, свершишь?
 Умѣйше лишъ, главы вѣчанны,
 Его безцѣнну кровь щадить.
 Умѣйше дашь ему вы льгону,
 Къ дѣламъ великимъ духъ, охопу,
 И правошой сердца плѣнишь.
 Вы можете его рукою
 Всегда войной и не войною
 Весь мѣръ себя засшавишь чшншь.

.....

Премудроспъ царства управлешъ;
 Крѣпншь ихъ: вѣра, правый судъ;
 Ихъ шрудъ и мѣръ обогашешъ,
 Любовію они цвѣшущъ.

На взят. Измакла.

. Почто писашь уставы
 Коль ихъ въ Диванахъ не храняшь?
 Развращенные вельможей нравы
 Народа цѣлаго развращь.
 Вашъ долгъ Монарху, Богу, царству
 Служишь и кляшвой не играшь;
 Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
 Пуши повсюду пресѣкашь;
 Приспращенный судъ разбоя злѣя—
 Судьи враги, гдѣ спишь законъ—
 Предъ ними гражданина шея
 Протянуша безъ оборонъ.

Изобр. Фелицы.

О ты, копорый власшью, саномъ
 Себя желаешь оплчищъ,
 И изъ Пигмея великаномъ
 Безсмертно въ лѣтописяхъ живишь!
 Хотя дѣла швои днесь громки:
 Но если поздныя попомки
 Пушей въ нихъ правыхъ не найдушь,
 Не будешь помѣщенъ ты въ боги;—
 Несправедливыя дороги
 Въ храмъ вѣчной славы не ведушь.

На коварство.

На тронѣ Филарешъ, въ шемницѣ,
 Какъ праведникъ, всегда почтень;
 Въ пыли Опрепьевъ, въ багряницѣ,
 Какъ извергъ завсегда презрѣнь.
 Не тронъ, не подвиги чьи громки
 Чшуть безприсраспные попомки —
 Лишь добродѣшель: ей священный
 Повѣренъ ключъ весъ чести въ храмъ.

На паних. Людовика.

Злодѣй, кошорый самолюбью
 И шайной гордоспи своей
 Всѣмъ жершвуешъ; его оружьею
 Преграды нѣшъ, алчбѣ цѣней;
 Внушрь совѣспью своей размучень,
 Внѣ съ радосшью губишъ другихъ;
 Пусшъ дерзосшью, удачей звучень,
 Но не великъ въ глазахъ моихъ.
 Хопя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
 Бышъ не хочу ему подобнымъ.

Мой истуканъ.

О.

ОАРИСТЪ. Терминъ Греческой поэзи, означающій разговоръ мужа съ женою, каковъ на примѣръ въ шестой книгѣ Иліады, Гектора съ Андромахою.

Скалигеръ замѣчаетъ, что *Оаристъ* (*oaristus*) не есть особенная поэма, или особенное сочиненіе, но часть поэмы—и присовокупляетъ, что означенное въ Иліадѣ мѣсто есть единственнѣйшій *оаристъ* въ древнихъ Греческихъ поэмахъ.

ОБРАЩЕНІЕ, апострофъ, *conversio*, *ἀποστροφή*. Въ Риторикѣ, фигура предложений; состоишь въ томъ, когда сочинитель вдругъ прерываетъ свою рѣчь, и обращаетъ ее къ какому либо подлинному или вымышленному, къ присутствующему или отсутствующему, къ живому или мертвому лицу, или къ вещи неодушевленной.

Сею фигурою, говоритъ Ломоносовъ, можно совѣщываться, засвидѣтельствоваться, обѣщываться, грозиться, хвалиться, насмѣхаться, утѣшаться, желать, прощаться, сожалѣться, повѣщываться, запрещать, прощенія просить, оплакиваться, жаловаться, просить,

сказывашь, шолковашь, поздравляшь и пр.
на пр:

Вельможу должны сосоставлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно ;
Собой примѣръ онъ долженъ дать ,
Что званіе его священно ;
Что онъ орудье власпи естъ ,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій ,
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній ,
Должны бытъ—польза, слава, чеснь.
А ты, вшорый Сарданапаль!

Къ чему спремишь всѣхъ мыслей бѣги? и пр.

Державинъ.

. Какъ въ полѣ бился съ сопоспашомъ,
Какъ во спѣнахъ его караль ,
Какъ кончилъ жизнь—шупъ бѣлымъ плапомъ
Текущи слезы опираль.
Слеза безцѣнная, священна!
Изъ сердца чиста извлеченна!
О Витій! что швоя хвала?
Не сею ль жершвою одною
Воздашь, *Россія*, днесь герою
Которымъ славима была?

Дмитріевъ. Смерть Пошемкина.

Фигуру сію не должно упопреляшь весьма часпо, пошому чпо слушашелю или чшашелю не могло бы понравшсья, когда бы очень часпо перяли его изъ виду, и какъ будшо бы забывали его обращаьсь къ другимъ предметамъ.

Обращеніемъ или *призываніемъ* называется еще ша часпъ поэмы, гдѣ авторъ приываетъ Божество или какое ншбудъ другое лице, и проситъ вспомошествованія или наспавленія. — См. *Епшгескій*.

Обращеніе или *посылка* бываетъ шакже въ *Балладѣ*. — См. *Баллада*.

ОДА. Слово Греческое: *ωδύ* значшшь *пѣснь* или *пѣніе*.

Сама природа вселила въ челошкѣ склонность къ пѣнію — вопшь происхождение оды, или пѣсни *Лирической*. — См. *Лирический*.

Человѣкъ поешъ или въ восшоргѣ, происходящемъ опшь удивленія, или опшь чрезмѣрной радосши, или въ сладосшномъ упоеніи любви; иногда и при шшхшхъ какшхъ либо чувствованіяхъ; наконецъ онъ поешъ въ скукѣ, въ гореспяхъ, и хопя кажешся, чпо въ шакомъ положеніи болѣе должно имѣшь опшращенія опшь пѣнія, нежели

къ оному наклонности; но это сославляешь для него облегчение, даруемое природою. — Мудрость и самая добродѣтель (см. нравственность) также не презирали пособія лиры: онѣ подвергали поученія свои правиламъ спопѣ и размѣровъ, и пользовались искусствомъ пѣнія или для лучшаго впечатлѣнія своихъ наставленій въ душахъ нашихъ, или для укрощенія спрогоспии оныхъ чрезъ сладкогласіе звуковъ. Таково качество и шаковы границы *оды*.

Изъ всего сказаннаго видно, что *ода* пребуешь способности чувствовашь; и ежели пѣшь не чувствуешь того, что выражаешь желаеть, то пѣснь его, или *ода*, будеть холодна, безъ души.

Ода есть, безъ всякаго противорѣчія, одно изъ лучшихъ, изящнѣйшихъ произведеній поэзіи, хотя не заключаешь въ себѣ большой обширности. Весьма немногія стихотворенія пребують шакого высокаго дарованія; ибо *ода* тогда только можеть бышь хороша, когда въ ней соединены бывають избранныя выраженія съ величественностію мыслей, пламенное воображеніе съ основательнымъ разсудкомъ, красота и разнообразность предметовъ

съ искусствомъ въ изображеніи, и даже наконецъ правильность стиховъ съ плавностію и пріятностію звуковъ.

Въ одной только *одѣ* совершенно исполняешь *поэтѣ* свое званіе, а въ другихъ поэмахъ онъ обязанъ скрывать лице свое, чего самое искусство опъ него пребуешь. Въ Апологѣ, на примѣръ, говоряшь живошныя, шакъ какъ бы говорили они, если бы одарены были пониміемъ и словомъ. Въ Паспоральной поэзіи паспухи разсуждають между собою о любовныхъ приключеніяхъ или о какихъ либо дѣлахъ сельскихъ. Въ Сапирахъ и Посланіяхъ нравоучительныхъ виденъ важный или шупливый философъ, восплающій прошивъ пороковъ и странностей. Въ Елегіи описываешь скорбь свою и жалуешься на жестокость судьбы челоувкъ огорченный. Въ поэмѣ драматической дѣйствуютъ и говоряшь Граждане, Герои, Монархи—и поэтъ нигдѣ не показывается. Въ одной только *одѣ* мы видимъ его самага, видимъ челоувка, вдохновеннаго музами, и говорящаго языкомъ величественнымъ, божественнымъ. Хотя въ Епосѣ шакже предполагають поэша вдохновеннымъ, но шамъ его вдохновеніе, шакъ сказашь, ограждено спо-

койшвіемъ : Муза разсказываетъ , а онъ пишетъ , вмѣсто того , что въ *одѣ* онъ исполняется воспоргомъ и даже духомъ пророческимъ ; кажутся , сами Музы , или Богъ , внушающій ему пѣснопѣніе , говорятъ его устами.—По сему-шо для успѣха въ описываемомъ здѣсь родѣ поэзіи ему необходимо нужно имѣть всѣ пѣрѣдкія и драгоценныя качества , копорые , по словамъ Горация (sat. IV.—L. 1.) составляютъ истиннаго поэта : умъ творческой , дарованія почти Божественныя , выраженія всегда благородныя и высокія .

Въ спашѣ , объясняющей слово *Лирический* , также можно видѣть свойство *оды* ; здѣсь скажемъ только о раздѣленіи и формѣ сей поэзіи , объ украшеніяхъ , какихъ она требуетъ , и объяснимъ принятыя правила лучшими примѣрами .

Оды , по мнѣнію большей части писателей , раздѣляются 1) на *Пиндарическія* или торжественныя , 2) на *философическія* или нравоучительныя , и 3) на *Анакреонтическія* или страстныя , къ копорымъ принадлежатъ и пѣсни.—(Что касается до *одѣ* , называемыхъ иногда *духовными* , то оныя можно отнести къ *инамѣ* , свойство ко-

шорыхъ объяснено въ спашьѣ подь симь именовъ).

Первыя получили названіе онъ Пиндара, Греческаго спихопворца, копорый, безъ сомнѣнїя, вѣчно будешь служишь образцемъ для сего рода сочиненїй. Въ шакихъ одахъ воспѣвающся знаменишыя происшесшїя и славныя подвиги: возвышенность предметовъ и мыслей, воспоргъ пиша и всѣ красоты Лирической поэзіи сосшавляющъ главнѣйшее свойство сихъ одъ.

Пиндаръ, упражнявшїйся наиболѣе въ сочиненїи шаковыхъ одъ, былъ родомъ Фивянинъ (см. Лирической) и современникъ Есхила, Анакреона и Еврипида. Когда Александръ раззорялъ Фивы, шо приказалъ пощадишь домъ, въ копоромъ жилъ сей пѣснопѣвецъ. Изъ всѣхъ произведенїй сего поэта дошла до насъ одна шолько книга одъ, коими воспѣвалъ онъ побѣдишелей на всенародныхъ Греческихъ играхъ.—Гравина шакъ описываетъ Пиндара вразсужденїи его шворенїй: Пиндаръ смѣло предаешъ корабль свой разъяренному морю; онъ распускаешъ всѣ паруса, презираешъ бурю и ушесы. Волны поднимающся и уже гошovy поглошишь его; уже онъ изчезъ ошь

взоровъ зришеля, но вдругъ испоргаешя изъ бездны и счасливо доспигаешъ приспани.

Философическія оды имѣють предметомъ нравспвенность, изкорененіе народныхъ предразсудковъ, или описаніе величеспвенной природы, слѣдовательнo въ нихъ болѣе дѣйспвуетъ умъ, нежели воображеніе. Однако все то, что можешъ дѣлангъ доказательспва разпшельнѣе и описанія пріятнѣе, съ успѣхомъ въ нихъ упоспребляешя.

Анакреонтическая ода получила названіе опъ Анакреона (см. Анакреонпическій.). Нѣжность и легкость сущя ея свойспва; любовь и веселость служащя ей предметами. Въ сихъ одахъ примѣшенъ малѣйшій недоспапокъ: общая мысль, надупость, неприличное выраженіе, грубой спихъ, могущя испоршищя цѣлое сочиненіе, которое обыкновенно бываешъ крапко.

Нѣмецкій Ешешикъ Бушшервекъ раздѣляешъ оды на *Пиндарическія*, о коихъ мы говорили, на *Гораціанскія*, названныя здѣсь философическими, пошому что Горацій наиболѣе писалъ оды нравспвенныя, и на *Клопштокскія*, соединяющія въ себѣ свойспва двухъ первыхъ родовъ. — Мы смѣло

можемъ раздѣлить наши оды на Ломоносовскія и Державинскія, причисляя къ первымъ оды торжественныя, а къ вторымъ, въ которыхъ прославленіе знаменитыхъ происшествій или разсужденіе о какихъ либо другихъ предметахъ исполнено бываетъ мыслей нравоучительныхъ, философическихъ—иногда оспурныхъ и даже Сатирическихъ. Таковы, на примѣръ, оды его: Фелица, изображеніе Фелицы, видѣніе Мурзы, на счастье и проч.

Во всякой одѣ, говоритъ Башпе, должно находиться единство чувства, равно какъ въ Епопее и въ Драмѣ единство дѣйствій. Можно и даже должно перемѣнять изображенія, мысли, обороты; но такимъ образомъ, чтобы они были всегда сходны съ господствующею сценою. Сія сцена можетъ умалываться, возрастать; но не должна перемѣнять своего свойства и уступать своего мѣста другой сценѣ. Если на примѣръ, радость заставила стихотворца приняться за лиру, то она можетъ только переходить въ разныя постепенности, но не должна никогда превращаться въ печаль; если же начинается чувствомъ ненависти, то неприлично оканчивать любовію, или лю-

бовь должна иногда обращаться къ такой вещи, которая противоположна главному его ощущенію, и въ такомъ случаѣ оно все еще остается, но только скрытое.

Наружный видъ или форма оды. Ода имѣетъ различныя формы. Греки наблюдали въ ней три частнн: *Спрофу*, *Антиспрофу* и *Еподъ* (Еподось). Спрофа и Антиспрофа содержали по равному числу стиховъ и могли быть пѣны на одинъ голосъ; Еподъ имѣлъ стихи другой мѣры, заключалъ болѣе или менѣе стиховъ и по сему пребывалъ другаго голоса. — Спрофа дѣлала начало, Антиспрофа слѣдовала за нею, потомъ находился Еподъ, а послѣ шѣмъ же порядкомъ начиналось. Пѣніе стиховъ сопровождалось пляскою; танцовщики оборачивались на одну сторону во время спрофы: (*στροφειν*, значить *оборачивать-ся*). Во время Антиспрофы они оборачивались въ противоположную сторону, возвращаясь потомъ въ прежнее свое положеніе. Во время пѣнія *Епода*, который былъ всегда короче, танцовщики дѣлали движенія не оборачиваясь ни на ту, ни на другую сторону. Такимъ-же образомъ сочинены оды Пиндаровы и большая часть Драмматическихъ хоровъ.

Алкей, Сафо и другіе Лирическіе пѣсно-пѣвцы изобрѣли прежде Пиндара другіе образы или формы, въ коихъ они вмѣшивали различнаго рода спихи, съ соразмѣрностію гораздо чаще возвращающеюся. Горацій избралъ сіи формы: ихъ можно видѣть въ его Лирическихъ спихопвореніяхъ.

Новѣйшія оды состоятъ изъ спрофъ или спансовъ, въ копорыхъ число спиховъ и расположеніе ихъ зависятъ совершенно отъ воли автора; но какъ скоро сдѣлано расположеніе первой спрофы, то сіе служить уже неизмѣннымъ образцемъ для всѣхъ спрофъ послѣдующихъ — что видно изъ примѣровъ, въ сей спашѣ приведенныхъ.

На Русскомъ языкѣ въ одахъ наиболѣе упошребляющіяся Хореическіе, либо Ямбическіе чешыреспонные спихи: послѣдніе несравненно чаще первыхъ.

Свойства оды. Въ торжественныхъ и даже философическихъ одахъ примѣчаютъ надлежитъ: приспущъ, безпорядокъ, крашкоспъ, опспупленія и конецъ.

1. *Приступъ* бываетъ двоякій: спремипельный и шихій. Въ первомъ случаѣ поэтъ принимается за лиру, будучи уже

въ восторгѣ, а въ послѣднемъ онъ начи-
наешь играть или пѣшь хладнокровно и
мало по малу воспаменяешься.

Прилѣры тихаго приступа.

Сіянье радужныхъ небесъ,
Души чистѣйшее спокойство,
Блескъ шихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
О крошость! ангельское свойство!
Опливь опъ Бога самаго!
Тебѣ, шобою восхищенный,
Наспроиваю вдохновенный
Я струны сердца моего.

Державинъ.

Заря багряною рукою
Опъ упренныхъ спокойныхъ водъ
Выводишь съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло —
И нашихъ искренность сердець
Предъ прономъ вышняго пылаешь,
Да счаспиемъ швоимъ вѣчаешь
Его средину и конецъ.

Ломоносовъ.

Примише, древнія дубравы,
 Подъ пѣнь свою пипомца Музь!
 Не шумны пѣшь хочю забавы,
 Не сладости Цишерскихъ узъ,
 Но да возрю съ полей широкихъ
 На красну, гордую Москву,
 Сѣдящу на холмахъ высокихъ
 И спящи вѣки воззову.

Дмитріевъ.

Пр. стрелительнаго пристапа.

Прочь буйна чернь, непросвѣщенна
 И презираемая мной!
 Проспрись вокругъ тишина свящеѣна!
 Пѣнилъ меня восшоргъ свяшой!
 Высоку пѣснь и дерзновенну,
 Неслыханну и невнушенну
 Я слабымъ смершнымъ днесъ пою —
 Всякъ преклони главу свою.

Державинъ.

Ударь во серебряный, священный,
 Далеко-звонкій, Валка, щипъ!
 Да громъ пвой, эхомъ повшоренный,
 Въ жилищѣ Бардовъ восшумишь.....

Его же.

Гдѣ буйны, гордые Тишаны,
 Смутившіе Аспреи дни?
 Спремглавъ низверженны, поправны
 Въ прахъ, въ прахъ! рекла.... и гдѣ они?

и пр.

Дмитріевъ.

2. *Безпорядокъ* Лирической соспоишь въ шомъ, когда пишь показываешь, что не успѣваешь располагашь мыслей своихъ по порядку, или когда не соблюдаетъ поспешенности въ своихъ изображеніяхъ и шакъ сказаешь опъ однѣхъ къ другимъ перелепаетъ. Однакожъ шакое спремшельность его непременно должна быть, ежели неуправляема, по крайней мѣрѣ сопровождаета разсудкомъ, а безъ шого *безпорядокъ* не будетъ дѣйствиемъ искусства и никому не понравится. Сему-шо правилу послѣдуя сказаешь Буало объ одѣ: *Chez elle un beau desordre est un effet de l'art*, въ ней прелестный *безпорядокъ* естъ дѣйствіе искусства.

Собранныя въ слѣдующей спрофѣ мысли не имѣють, кажешся, никакой между собою связи, но всѣ клоняшся къ одной цѣли и заключають много прекрасныхъ изображеній:

Воспоргъ внезапный умъ плѣнилъ,
 Ведешь на верхъ горы высокой,
 Гдѣ вѣспрь въ лѣсахъ шумѣшь забыль,
 Въ долинѣ пишина глубокой.
 Внимая нѣчто ключъ молчишь,
 Кошорый завсегда журчишь
 И съ шумомъ внизъ съ холмовъ спремись,
 Лавровы вьюща шамъ вѣнцы,
 Тамъ слухъ спѣшишь во всѣ концы,
 Далече дымъ въ поляхъ куришься.

Ломоносовъ.

Безпорядокъ *постепенностей*, или какъ
 нѣкошорые писатели называютъ, *перескокъ*,
 шакже много дѣлаешь красоты въ
 Лирическомъ стихотвореніи; но въ шакомъ
 безпорядкѣ должна бытъ сокрыта самая
 строга я правильность, подобно какъ въ
Баснѣ подъ видомъ простоты скрывающ-
 ся высочайшія Философскія истины.

Горацій разсказываясь съ Виргиліемъ
 (Lib. I. od. 3.) *молитъ боговъ, покровителей*
мореходцевъ, сохранить его друга. Пошомъ
 воображаетъ уже его на морѣ, окруженнаго
опасностями, и наконецъ къ чему переход-
 ишь? *удивляется дерзости того, кто пер-*
вый ввѣрилъ себя сей бурной и непостоянной

стихи и пр. какой безпорядокъ и какое искусство!

Примѣръ сему равномерно находимъ и у Державина въ одѣ на побѣды въ Италии, 1799.—Воупъ начало, выше сего показанное:

Ударь во серебряный, священный,
 Далеко-звонкій, Валка, щипъ!
 Да громъ пвой, эхомъ повшоренный,
 Въ жилищѣ Бардовъ восшумишь.

И вдругъ Пиипъ видишь уже самихъ Бардовъ и шакъ продолжаешъ:

Вспаюшь.—Спо арфъ звучашъ спрунами,
 Предъ ними спо дубовъ горяшъ,
 Опъ чаши круговой зарями,
 Сѣдыя чела въ шъмѣ блестяшъ.

Попомъ предспавляешся его воображенію Рюрикъ, попрясшій нѣкогда спѣны Парижскія:

Но кшо шамъ бѣлыхъ волнь шуманомъ
 Покрышъ по персямъ, по плечамъ,
 Въ спальномъ доспѣхѣ свѣшишь рдяномъ,
 Подобно синя моря льдамъ и пр.

Желательнo, чшобы авторы наши чаще подражали шакому безпорядку.

3. *Краткость* составляет не малое достоинство Лирических творений. — Поелику ода не иное что есть, какъ изліяніе живѣйшихъ ощущеній, то и неестественно, чтобы она была очень длинна, ибо сильныя ощущенія не могутъ быть слишкомъ продолжительны. Въ большихъ одахъ предполагается, что Пѣишь не одинъ разъ приходишь въ восторгъ; но оканчивая свое сочиненіе, при какой нибудь нечаянно встрѣпившейся мысли, паки воспаляется и оное продолжаетъ; чаще однакожь случается, что тогда онъ начинаешь говорить о другомъ предметѣ, и уже въ послѣдствіи соединяешь его съ шѣмъ, который былъ причиною начальнаго пѣснопѣнія. Примѣромъ можешь служишь ода Ломоносова на прибытіе Императрицы **ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ** изъ Москвы въ С. Петербургъ въ 1742 году. Кажется, стихотворецъ хотѣлъ кончить свое сочиненіе осьмою строфою, но вдругъ вспоминаеть о побѣдахъ своей Государыни, и обращается къ спранамъ Гошфскимъ:

Но что спраны вечерни шмяпся

И дождь кровавыхъ каплей льюшь?

Что Финскихъ рѣкъ струи дымящя
И долы съ влагой пламень пьющъ? и пр.

Попомъ описавъ бѣдспвія, Шведамъ угрожающія и силу войскъ нашихъ, обращаетъ на прежній свой предметъ :

Но холмы и древа скачише,
Ликуйше множество озеръ!
Руками рѣки восплецише,
Пепрополь буди вамъ примѣръ;
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходишь... и пр.

Наконецъ, какъ бы упомляясь, преспаешъ восхвалять ЕЛИСАВЕТУ, но вдругъ получаете новыя силы, и паки приходишь въ изступленіе :

Еще горитъ во мнѣ охоша
Торжественный возвысишь шонь.....

Послѣ сего видимъ впоричное обращеніе къ Пепрополю, восхищенному прибытіемъ Императрицы :

Цѣлуй, Пепрополь, шу десницу,
Кошорой долго пы желалъ.....

Сіи примѣры доказываютъ, что ода не иначе можетъ и должна быть продол-

жипельна, какъ опъ повтореннаго восторга; при однократномъ же восторгѣ надобно имѣть большое дарованіе, чпобы обширнаго *Лирическаго* сочиненія не сдѣлать холоднымъ. Сіе, кажется, даже не возможно.

Еще надлежитъ замѣнить, чпо тѣ оды копорья имѣютъ *тихой* приспущъ, бывающъ гораздо продолжипельнѣе имѣющихъ приспущъ *стремительный*; причина пому очевидна: въ первомъ случаѣ поэтъ долженъ чпо нибудь написатъ (или по существу оды, пропѣть) до пришествія въ восторгъ, а въ послѣднемъ случаѣ онъ уже начинаешъ съ сего мѣста.

Впрочемъ *краткость* и въ помя еще соспоитъ, чпобы въ сочиненіи *Лирическомъ* немногими словами сказано было много и не было бы ничего излишняго.

4) *Отступленіе* или *уклоненіе* соспоитъ въ помя, когда Пійтъ прерываешъ начашую имъ маперію и говоритъ о другой, служащей для первой объясненіемъ или подшверженіемъ, и попомъ уже возвращаешся къ прежней. *Отступленія* также дѣлающъ *Лирическое* сочиненіе продолжипельнѣе, но опъ повтореннаго восторга по имѣютъ опличіе, чпо въ нихъ спихопворецъ болѣе занимаешся разсужденіемъ или

повѣствованіемъ , и пошому не могушь онѣ имѣшь равной силы съ *началомъ* оды. Такъ Державинъ въ одѣ своей *Вельможа* послѣ словъ

Злодѣй! увы! и грянуль громъ!.....

показывающихъ его негодованіе на безсовѣснаго и безбожнаго Сибаритша, вдругъ начинаешь говорить :

Блаженъ народъ, который полнъ

Благочеспивой вѣры къ Богу.....

или у него же въ одѣ на *взятіе Измаила* находилъ прекрасное опспупленіе, начинающееся стихами:

Я вижу спрашную годину ;

Его при вѣка держишь сонъ.....

Въ первомъ опспупленіи мы видимъ *разсужденіе*, а во второмъ *повѣствованіе*.

5) *Конецъ* или *окончаніе* оды пребуееть разипельныхъ, неожиданныхъ мыслей. Всякая ода много перяешь своего достоинства, когда оканчивается какимъ нибудь холоднымъ разсужденіемъ. Лирической поэшь при концѣ оды, какъ лѣбедь при концѣ жизни , напрягаешь остающіяся силы и спараешься наиболѣе плѣнить своимъ пѣніемъ.

Слѣдующіе примѣры послужають объясненіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ правиль и раздѣленій. Мы начнемъ съ древнихъ образцовъ и воспользуемся лучшими переводами и подражаніями.

*Первая Пиндарова Олимпійская ода Гіерону
Сиракузскому,*

Одержавшему побѣду на ристалищѣ.

(Переводъ Мерзлякова).

Пиндаръ воспѣлъ сію оду въ честь Гіерона, Царя Сиракузскаго, брата Геленова, который первый успановилъ образъ правленія самодержавнаго въ Сиракузахъ. — Гіеронъ, желая привлечь къ себѣ Грековъ, нелюбившихъ его какъ пиранна, спарался покровительствовать наукамъ и художествамъ. — При дворѣ его жили славнѣйшіе того времени стихопворцы, какъ шо: Пиндаръ, Симонидъ, Вакхилидъ, Эпихармъ, которые много способствовали къ умягченію и образованію его характера, опъ природы жестокаго и недовѣрливаго. Крипики не соглашающся во времени, къ которому должно относить сію оду, пошому болѣе, что самое начало царствованія Гіеронова недовольно точно опредѣле-

но.—Покрайней мѣрѣ вѣроятно, что она сочинена вскорѣ послѣ восшествія его на престоль.

Еліанъ повѣспвуетъ, что Геронъ въ началѣ своего царствованія, въ продолженіи 73 Олимпіады, явился въ Пизѣ съ великолѣпною свиньею. Фемисхоэль, предсѣдательствующій на играхъ, какъ Амфипріонъ Афинскій, воспренилъ ему участвовать въ оныхъ за то, что онъ не помогаль Грекамъ въ войнѣ Персидской, окончанной славнымъ сраженіемъ при Саламинахъ. Съ того времени Царь Сиракузскій и другіе Государи никогда не опваживались лично оспоривать первенство на играхъ Олимпійскихъ, Пирійскихъ, Немейскихъ и Испмійскихъ. Они посылали шуда обыкновенно своихъ вассаловъ и коней. Такимъ образомъ Пиндаръ, прославляя Героново правосудіе, его привязанность къ наукамъ и искусствамъ, прославлялъ вмѣстѣ и его коня, называемаго въ одѣ *побѣдоносцемъ*.

И такъ ода сія содержишь: 1) похвалу Герона, 2) похвалу коня, доставившаго ему побѣду на играхъ Олимпійскихъ, 3) исторію Таншала и Целопса, которыхъ Геронъ былъ попомокъ. — Ода кончится

обѣтами пѣснопѣвца, посвятившаго звучную лиру славы своего героя.

У Пиндара нѣтъ почти ни одной оды, въ которой бы не встрѣчались ошсшупленія, подобныя приведенной здѣсь испоріи о Пелопсѣ. Сіи *Епизоды* часно бывають споль проспранны, что зашемняютъ главный предметъ оды, и дѣлають ее для насъ непонятною. Но мы не имѣемъ права осуждать Пиндара въ этомъ случаѣ, не зная основательно ни языка его, ни обстоятельствъ, ни обычаевъ того времени, въ которое онъ писалъ. Намъ оспалось полько вѣрись нѣжному и просвѣщенному вкусу Грековъ, которые всегда дилиали къ нему величайшее уваженіе. Всякой побѣдитель почипалъ за особенную честь имѣть его своимъ пѣвцомъ, и шопъ пріумфъ казался несовершеннымъ, который не былъ украшенъ его спіхами. Нѣкоторые изъ крипиковъ полагають, что ода сія имѣетъ двойкой предметъ.— Пиндаръ, прославляя Герона, хотѣлъ между шѣмъ дать ему почувспвованъ, что величіе, слава и неограниченная власпъ, ослѣпляя сердце Государя, бывають часно причиною величайшихъ несчастій. Но онъ не могъ сказаъ прямо сего наспавленія,

не оскорбивъ Царскаго самолюбія. Для того по онъ приводитъ испорцію Тантала и Пелопса, его предковъ, копорыхъ боги осыпали всѣми возможными благами и копорые были даже удоспоены участвованія въ небесныхъ радостяхъ: — все тщетно! гордосшь ихъ погубила и несчастные были наказаны! — вопть зеркало, въ копоромъ Геронъ долженъ былъ чинать свои правила и свое осужденіе, когда бы онъ опважился пренебречь ихъ. — Если такое изъясненіе удовлетворительно: по мы должны признаться, что планы Пиндаровы пошому только намъ не понятны, что мы не Греки, что мы не знаемъ всѣхъ общоательствъ, копорыя могли дѣйствовать на автора и на его творенія.

I. С т р о ф а.

Вода въ спихіяхъ перва власшь 1).

Въ сіяніи сокровищъ гордыхъ,

Какъ звѣзды въ ночь самогорящи 2)

1) Древніе почиали воду началомъ всѣхъ вещей. — Пиндаръ начинаешъ свою пѣснь прославленіемъ игръ Олимпійскихъ. Онъ говоритъ: вода превосходнѣ спихій; злато блисшательнѣ всѣхъ сокровищъ; солнце великолѣпнѣ другихъ свѣтилъ небесныхъ; игры Олимпійскія превосходнѣ другихъ игръ, въ Греціи совершаемыхъ.

2) То естъ: звѣзды, сами собою блисшающія.

Пылаешь злата блескъ.—

Что краше, юный день ведущаго свѣшила,

Когда потокомъ яркихъ спирѣль

Пронзаешь, гонишь шѣни блѣдны

Пуспынь Эфирныхъ за предѣль? —

Что велелъпнѣе, Еллада, пы являешь

Блеспящихъ Олимпійскихъ игръ?—

Здѣсь родясь, далеко-слышный,

Сынъ вѣнчаннаго пѣвца,

Гимнь Эольскій всходишь пышный 3)

Въ Лоно Кронія опца.—

Здѣсь родясь, грядешь, нельсшивый,

Герона онъ въ чершогъ.....

Геронъ—мой полубогъ,

Храбрый, доблесный, правдивый!.....

Г-я. Антистрофа.

Онъ мощнымъ скишпромъ осѣнилъ

Поля Тринакрии 4) злапыя,

Спадообильныя, благія; —

3) Пиндаръ представляешь Гимнь свой, такъ какъ Гомеръ представлялъ Молишвы—въ человѣческомъ видѣ. Онъ печешь въ объшя Зевеса; онъ прославляешь сего бога, которому Геркулесъ, учредитель игръ Олимпійскихъ, посвящилъ алтарь на мѣспѣ подвиговъ; — Поемъ Зевеса, Гимнь обращаешь къ Герону побѣдителю.

4) Сицилія.

Великій духъ его, полнь силъ,
 Пьешь сладость, нектаръ пьешь всѣхъ деб-
 лесней вѣчнанныхъ.

Ему цвѣшны молодыхъ харишъ,
 Ему цвѣшны опъ Музъ избранныхъ,
 Когда его священный храмъ
 Госпепримные пиры свои опкроешъ
 Воспорга полнымъ мудрецамъ!.....

Гдѣ моя злая лира?—
 Духъ мой, Муза, окрыли!
 Ты, пѣвица славы, мира!.....
 Вознесемъ опъ земли!.....
 Вихремъ въ слѣдъ коню побѣды!—
 Се, онъ пламенный лепишъ!
 Берегъ радосшный дрожишъ,
 И незримы ловишъ слѣды!.....

1-й Еподѣ.

Лепишъ — и пышный храмъ побѣды отвер-
 заешъ
 Владыкѣ Сиракузъ, великому въ Царяхъ;
 Его, его хвала высокая блиспаешъ
 На славныхъ именемъ Пелопса берегахъ 5).

5) То есть въ Элидѣ. — Пелопсъ, вступивъ на престоль
 послѣ опца своего Танпала, и взявъ за себя дочь Ино-
 мей, осшавиль опечешвенную землю и основаль ко-

Сынъ Таншала! опсель чесней швоихъ на-
чало!

Преданія гласящъ: здѣсь чудо возсіяло,
Когда—позорная трапеза для боговъ б)—
Ты ожилъ, воспріавъ слоновой рамо коспи....
Се гласъ молвы пусшой, се вымысль черной
злоспи!

Воображенъе.... льщецъ умовъ!

Зракъ испины оно во облакъ скрываешъ;
Оно прошивъ боговъ въ неисповсхвѣ дерзаешъ!

II. С т р о ф а.

Такъ!—сильны прелести словесъ,
Ума зашѣйливы спремленья,

ловню въ Элидѣ; со временемъ овладѣлъ онъ всѣмъ полуостровомъ, кошорый онъ его имени спалъ называшся Пелопонесомъ.

- б) Баснословіе говоришь, что Таншаль, будучи приглашенъ богами на великолѣпное пиршество, рѣшился возблагодаришь ихъ подобнымъ образомъ.—Желая посвятить имъ въ пищу самое драгоценное, онъ посшавилъ на споль изгошовленное шѣло своего сына. Боги опчергнули сію пищу съ ужасомъ и негодованіемъ. Одна Церера по неосшорожности съѣла плечо молодого Пелопса. Безсмершныя соединяющъ разсѣченныя члены и оживляющъ ихъ.—Шлечо. неосшорожно скусшавное Церерою, замѣняелся плечомъ изъ слоновой коспи, кошорое привнесла Клошо, одна изъ Паркъ. Послѣ того, Пелопсъ пользовался особенною благосклонностию Непшуна. Шиндаръ хочешъ сказашъ, сколь сильно дѣйствувешъ на насъ чудесное. Самыя нелѣпныя басни, пріашво разсказанныя, получающъ право испины. Пѣсношвецъ учишь насъ говоришь о бобахъ, прілично ихъ величію, и разсказываешъ другую испорію Таншала и Пелопса.

И невозможному возможность
Даруюшь, какъ глаголь небесъ! —

Но время суровое рвешъ мрежи паушины....

Нѣшь мѣста смертнаго мечшамъ

Къ великимъ шаинсшвамъ судьбины :

Она непоспшжима намъ !

Непосвященный, прочъ! — пророкъ , во срамъ
невѣждамъ,

Я, Пѣлопсъ, о тебѣ реку :

Олимпійскіе зашворы

На злшныхъ гремяшъ пшпахъ ;

Силь небесныхъ свѣшлы хоры

Ниспускаюшся въ заряхъ ;

Таншаль пиръ имъ усшроешъ,

Ты былъ пиршесшва красой!.....

Богъ плѣняешся побой ,

Богъ любовь къ тебѣ пишашъ.

II. Антистрофа.

И се! пословъ крылашыхъ сонмъ,

Сплешся легкой вереницей ,

Тебя въ цвѣшпахъ и багряншцѣ

Возносишъ быспро въ Зевсовъ домъ! —

Наслѣдникъ и любви, и славы Ганимеда ,

Ты воспршяль его чреду!.....

Ахъ! щещино взоръ швой боязливой
 Искаль рoдишельскихъ полей,
 Гдѣ нѣжился, шаясь, вѣкъ дѣтисшва шоропливой!
 Ахъ! щещино матерней шоски
 Рабы услужливы, — спремились
 Тебя опдашь ея слезамъ!.....

И несешся вѣспь ужасна
 Въ спыдѣ Таншалу, въ спыдѣ богамъ,
 Чшо рукой опца несчастина
 Ты разперзанъ по часшямъ;
 Чшо шебя въ водѣ кипучей
 Столь прапезный воспріялъ;.....
 Сонмъ боговъ облекся шучей,
 И Олимпъ гремя шональ! —

II. Е п о д ъ.

Не пошерци, Зевесь, шполь спрашнаго хуленья!
 Я чисшъ опъ клеветы, послушенъ я богамъ.
 Пелопса прадѣды небесь благошворенья
 Вкушали изкони! — и Таншаль, Таншаль самъ,
 Причасшникъ радостей Олимпа ненавѣшныхъ!
 Но смершный малъ и слабъ для радостей без-
 смершныхъ 7)!

7) Таншаль у древнихъ вообще значиль скупаго, кошо-
 рый собираешъ сокровища и не наслаждаешся ими.
 Боги, желая оказашь ему свое благоволеніе, посѣшили

Скала великая, Зевесовой рукою
 Надъ вѣроломною нависла вдругъ главою,
 И шрепеща надъ ней—грозишь.
 Корысть услады ждешь; пишаешься лишь пра-
 хомъ.
 Опъ черныя души покой бѣжишь со спрахомъ!—

III. С т р о ф а.

Дряхлѣюшь въ мукахъ злаго дни!
 Чешверша жершва горней кары 8),
 Онъ въ шрепещь шаршаръ вводишь ярый....
 И шѣни смошряпъ издали,
 Не смѣвъ приближись, какъ синій дымъ
 шумана
 Что спелешся среди полей,
 Окреспъ горящаго Вулкана! — —
 О, алчнось!—онъ похишишь смѣль
 Небесь сокровище высоко,
 Сей Некшаръ, сей безсмершя залогъ!....

его чершогги; но не могли пишашься земною пищею, принесли съ собою Амбросію и Некшаръ. Таншаль похишилъ часпъ сихъ свѣдей небесныхъ, какъ послѣ будешъ сказано. Юпшерьъ, въ наказаніе, повѣсилъ надъ нимъ огромную скалу, гошовую ежеминушно упаспъ на его голову.

8) Иксіонъ, Сизифъ, Тицій подверглись мщенію неба. Таншаль былъ чешвершый пресшупникъ, раздражившій Юпшера.

Богъ сильный, богъ ревнивъ, богъ злобнымъ
мспивъ далеко, —

И спраждешъ Пелопсъ за опца!

Но ниспадшему съ Эфирныхъ,
Рдянопламенныхъ высотъ,
Въ шихихъ тѣняхъ рощей мирныхъ
Добрый Геній предстаешъ:
„Ты красою лѣпшъ блиспаешъ,
„Духомъ крѣпокъ, и рукой!
„Ты возлюбишь ли покой? ,
Въ полѣ бивъ меня познаешъ.

III. Антистрофа.

Рекъ Пелопсъ, — въ поле бивъ печешъ
Пожашъ любви цвѣшъ злашья! — —
Прекрасная Гипподамiя,
Оспавъ свой дѣвспвенный черпогъ!
Желанный часъ наспаль 9); женихъ передъ
врапами!

9) Иномей, Царь Пизы или Олимпiи, опецъ Гипподамiя, обѣщаль ее въ замужество шому, кошорый побѣдишъ его въ управленiи колесницами. Оракуль ошкрыль ему, что получившiй руку Гипподамiя, будешъ причиною его смерти. Для избѣжанiя сего, Иномей поражаль копьемъ своимъ всѣхъ шѣхъ, кошорые, приближаясь къ мешѣ Гиподрома, упреждали его. Тринадцать героевъ были жершвою шакой ужасной ошчорожноши.

Единъ въ полунощи герой
 На берегъ шествуешь росистой ;
 Единъ, въ пиши лѣсовъ, полей ,
 Къ шяжко-шрясущему презубцемъ
 Воззвалъ смирипелю морей!
 Какъ облако возспаль богъ грозный надъ во-
 дами,

И слухъ молящему опверзъ.

„Если для шебя любезно
 „Вспоминаніе любви,
 „Кою, опрокъ безмяпешной,
 „Я пипаль къ шебѣ въ крови:
 „Днесъ, въ награду мнѣ желанну,
 „Дай крылашыхъ шы коней!
 „Дай мнѣ мечъ швой, въ казнь шيرانну;
 „Да погибнемъ Иномей!

III. Е п о д ъ.

„Туда, шуда спремлюсь, любовью воспаленный!
 „Тамъ неприспупный лавръ шринадцапи вож-
 дей,
 „Опвсюду шрупами несчастпныхъ огражденный,
 Процвѣль,—гошовый даръ опважноспи моей!
 Кто смерши избѣжишь?—ничшожный въ шпра-
 хѣ шаешъ,

Напасши предъ лицомъ, когда война пылаешъ.
Онъ въ дряхлой спаросши, лѣнливой смерти
ждешь,

Неоглашаемый любезною хвалою! —

Гряди и не спрашусь любовь грядешъ со
мною! —

Изрекъ Посейдонъ знакъ даешъ ;

Гремишь далеко звукъ опъ колесницъ бле-
спящихъ,

Дымишся пыль сполбомъ во слѣдъ коней ле-
пящихъ! —

IV. С т р о ф а.

И возсіялъ побѣды зракъ!

Паль хипрый Иномей, — и Дѣва го) —

Невѣста юности Царева; —

И шессть героевъ, шессть сыновъ,

Плодъ нѣжныя любви, шекли опца слѣдами!

Не зришель гордый оный холмъ,

Повелѣвающій высокими берегами!

20) Гипподамія влюбившись въ Пелопса, подкупила Меллипа, возницу опца своего, кошорый худымъ управленіемъ колесницы доставилъ побѣду ея любовнику. Иномей хотѣлъ поразить своего соперника; но въ шу мину; опъ бѣшенства коней, колесница его сокрушилась, и онъ погибъ самою мучительною смершію. Такимъ образомъ исполнилось предвѣщаніе Оракула.

Здѣсь, здѣсь алшарь его и домъ 11)! —
 Здѣсь свѣшлый присно духъ героя,
 Оспавя тѣней мракъ, по временамъ
 Вишаешъ, окружень, великими друзьями,
 И ослабляешся играмъ :

Здѣсь, гдѣ легкосшь спопъ крылашыхъ,
 Гдѣ искусствво, крѣпосшь силъ,
 Вводянтъ въ храмъ побѣдъ богашыхъ,
 Кои Кроній освяшилъ! —
 Здѣсь ушѣхъ обисель ясныхъ ;
 Здѣсь для доблесши вѣнецъ ;
 Здѣсь надеждъ, желаній красныхъ,
 И начало, и конецъ! —

IV. Антистрофа.

И мнѣ ввѣряешъ право чесшь
 Вѣнчашъ ошнынѣ Герона
 Цвѣшами пѣсней Еолійскихъ ;—
 Цвѣшами, кои неба дщеръ,

11) Памяшь Пелопса ежегодно празднована была въ Пелопонесѣ. На семь-шо шоржествѣ молодые Спаршанцы, чшобы доказашъ свою швердосшь, позволяли себя сѣчь до крови, и не обнаруживали ни малѣйшаго знака боли. Памяшникъ Пелопсу находился въ Пизѣ, или Олимпіи, гдѣ производились Олимпійскія игры. Онь воздвигнушъ былъ по срединѣ самаго ристалища. Изъ дѣшей Пелопсовыхъ извѣсшны особливо Ашрей и Гіесшь.

Весна, разсыпала на холмы Геликона,
 Въ забаву нѣжную для Музъ,
 Въ отраду Грацій благодарныхъ,
 Изъ розъ свивающихъ вѣнцы
 Заслугъ, красотъ, доброшамъ лучезарнымъ!...
 О, Геронъ! они швои! —

Да предходитъ добрый Геній

На спезъ шебя побѣдъ,

На пусяхъ благошвореній!—

Другъ швой—доблесшь; слава—свѣпшь!

Съ ними шеспвуй и.... позднѣе

Возвращайся въ небеса!

Возблистай еще свѣплѣе,

Дай узрѣшь намъ чудеса! —

IV. Е п о д ъ.

Такъ! — скоро Кронія цвѣшущій холмъ, свя-
 щенной,
 Подвигнушь спрунъ моихъ волшебшвомъ
 оживешъ:
 Какъ слѣдомъ колесницъ, вокругъ мѣпы воз-
 выщенной,
 Спукъ ярый прогремишь и слава процвѣшешъ!
 На сей великій день гошовлю новы спрѣлы 12);

12) Обыкновенная Мешафора Пиндара, когда говоришь
 онъ о паренім своихъ гимновъ. Онъ намѣренъ еще во-

Сей день и для меня пребудешь незабвень!—
 Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы :
 Сань царшвенный вождя — предъ всѣми воз-
 несень !

Будь вѣренъ самъ себѣ, Фемиды другъ избранный!
 Мужайся.... соверши благимъ богамъ обѣщъ!...
 И счастливый пѣвецъ, тобою осіянный,
 Чрезъ пучи зависти лучи свои прольешь !

При заключеніи сей оды напомнимъ еще о цѣли, копорую предположилъ себѣ авпоръ, и копорую мы означали въ при-спунѣ. Ходъ піесы будешь слѣдующій: игры Олимпійскія всѣхъ другихъ превосходнѣе; онѣ особенно доспойны, чшобъ такой великій Государь, опличившійся споль многими царшвенными добродѣшелями, показлъ на нихъ свое величіе. Онѣ побѣждаешъ на играхъ въ риспалищѣ (опъ і спрофы до Епода 3). — Чешъ, приобрѣшвенная героемъ, разливаешся на его предковъ, на его попомковъ. — Слава Геронова блиспаешъ въ Елидѣ, гдѣ Пелопсъ, предокъ его, основалъ первую колонію храбрыхъ Лидіанъ. Здѣсь, кажешся, должна бы

спѣшъ Герона, когда онѣ одержишъ побѣду на колесницахъ.

кончипсья ода. Чшо сказапшь болѣе о конѣ, пріобрѣшшемъ побѣду?—но при семъ случаѣ пѣвецъ имѣешь другую скрышную цѣль, копорю всегда гордилась поэзія. Онѣ, прославляя героя, даешъ ему уроки: онѣ смѣшиваешъ пріяшное съ полезнымъ. Ему хощѣлось научишь Государя, упоеннаго своею славою: умѣряпшь спраспи, бояпшься боговъ, умѣпшь наслаждапшься ихъ дарами и не желашъ шого, что насъ выше. Не было ничего приличнѣе для оживленія сей нравственности, какъ исторія Таншала и Пелопса. — Съ одной стороны, она льспила самолюбію Государя, гордящагося своими предками; съ другой, научала его правошѣ, не позволяя чувспвовашъ горечи уроковъ. Самый присшупъ къ сей исторіи показываешъ поэша, живущаго при Дворѣ. — Пиндаръ намѣренъ рассказапшь исторію Пелопса, какъ будшо для шого шолько, чшобъ ошдѣлишь ее ошѣ нелѣпныхъ басень, извѣспныхъ между народомъ:—новое угожденіе Герону! — послѣ шого слѣдуешъ самый Епизодъ (ошѣ 3 Епода до 4 Аншистрофы). Вмѣшпо нравоученія въ немъ заключеннаго, пѣвецъ дѣлаешъ обѣпшы за Государя; онѣ поручаешъ его богамъ покровишелямъ; онѣ почши говоришъ: чего шебѣ

желать?—мы поставлены на высочайшей степени могущества и славы. Чтобы поддержать свое величие, надобно быть довольным тем, что даровали боги. Они вѣдаютъ, что намъ нужно и что не нужно (Анτισп. и Еп. 4).—Что можетъ быть величественнѣе и оспроумнѣе сего плана? При всей нашей холодности къ симъ безпрестаннымъ баснямъ, которыми исполнены Греческія поэмы, мы должны согласиться, по крайней мѣрѣ, что онѣ были занимательны для Грековъ; что онѣ составляли, по большей части, ихъ собственную историю; что въ нихъ заключалась религія народа; что игры Олимпійскія, Исхмійскія и Немейскія принадлежали къ священнымъ обрядамъ богослуженія;—мы должны согласиться, что поэтъ не могъ ничѣмъ сколько угодить народу, какъ темъ, что онъ соединялъ имена боговъ, учредивъ игры, съ именами ашлеповъ, которые на нихъ прославились. Похвала побѣдителю, сливаясь съ похвалами безсмертныхъ, превращалась въ обильное и цвѣтущее поле для поэзіи и ничто такъ сильно не возбуждало сего священнаго Энтузіасма, который составляетъ душу Аполлоновой лиры! отсюда она божеств-

венная роскошь въ украшеніяхъ, кошорою удивляетъ Пиндаръ: ошсюда быспроша слога, сполько смѣлаго и дерзновеннаго!— Пиндаръ, въ пареніи своемъ, презираетъ всѣ идеи посредспвующія; фразы его соспавляютъ беспрерывный рядъ карпинъ, между кошорыми, съ перваго взгляда, не видно никакого ошношенія.—Но Греки понимали его.

Оды Горація.

Изъ всѣхъ Латинскихъ Лириковъ одинъ шолько Горацій сохранился до временъ нашихъ; мнѣніе Квинтилиана, ушверждающаго, что всѣ прочіе Лирики не заслуживаютъ чтенія, много ушѣшаетъ насъ въ сей пошерѣ. Напрошивъ же шого приписываетъ онъ величайшую похвалу Горацію, и похвала сія подшверждена во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Горацій, кажешя, соединяетъ въ себѣ Анакреона и Пиндара, но къ ихъ дарованіямъ присовокупляетъ еще собспвенный свой даръ. Въ сочиненіяхъ его ешъ изшупленіе и возвышенность Фивскаго спихошворца, но уклоненія его ошъ главнаго предмета не споль скоропосшижны и не споль далеки, шеспшіе гораздо плавнѣе и надежнѣе, вы-

раженіе имѣеть въ себѣ болѣе разнообразія и пріятности. Пиндаръ, воспѣвающій всегда одинакіе предметы, имѣеть всегда одинакій слогъ; въ Гораціи находятся всякаго рода слогі: кажешся, что всѣ они ему врожденны, во всѣхъ слогахъ достигъ онъ совершенства. Возметъ ли онъ лиру — будучи восхищенъ Пимпическимъ духомъ, мгновенно преселяешся въ совѣтъ боговъ, или на развалины Трои, на вершину Альпійскихъ горъ, или садяшся близъ Гликеріи, и гласъ его всегда приличенъ предмету, его одушевляющему. Онъ величественъ на Олимпѣ, и любезенъ сидя подлѣ своей любимицы. Съ такою же удобностию описываетъ возвышеннымъ слогомъ великую душу Капона или Регула, съ какою изображаетъ самыми очаровательными красками нѣжную ласку Лицимніи и любезность Пирры. Предаваясь сластолюбію* споль же явно, какъ Анакреонъ, бывъ ревностный исполнитель и наславникъ въ веселостяхъ, онъ наполнилъ шворенія свои шую же пріятностию, какую находимъ въ Анакреонѣ, но шокмо съ большимъ благоразуміемъ и философіею; бышрымъ воображеніемъ не шолько равнешся съ Пиндаромъ, но превосходишь его

основательностию мыслей и числовою нравоученія.

Здѣсь для примѣра предлагаются двѣ оды Горация съ прозаическимъ переводомъ для удобнѣйшаго сохраненія мыслей подлинника. Начнемъ съ той, кою проповѣдуетъ онъ Пиндара. Кн. 4. Ода I.

Къ Юлію Антонію.

Pindarum quisquis studet aemulari,

Jule, ceratis ope Daedaleâ

Nititur pennis, vitreo daturus

Nomina ponto.

Monte decurrens velut amnis, imbres

Quem super notas aluere ripas,

Fervet immensusque ruit profundo

Pindarus ore ;

Laureâ donandus Apollinari,

Seu per audaces nova dithyrambos

Verba devolvit, numerisque fertur

Lege solutis ;

Seu deos, regesve canit, deorum

Sanguinem, per quos cecidere justâ

Morte Centauri, cecidit tremendae

Flamma Chimerae ;

Sive, quos Elea domum reducit

Palma coelestes, pugilemve equumve

Dicit, et centum potiore signis

Munere donat ;

Flebili sponsae juvenemque raptum

Florat, et vires animumque moresque

Aureos educit in astra, nigroque

Invidet Orco.

Multa Dircaeum levat aura cysnum,

Tendit, Antoni, quoties in altos

Nubium tractus: ego, apis matinae

More modoque ,

Grata carpentis thyma per laborem

Plurimum, circa nemus uvidique

Tiburis ripas operosa parvus

Carmina fingo.

„Всякъ, кто дерзаетъ подражать Пиндару, лепишь на восковыхъ Дедаломъ успроенныхъ крыляхъ, и подобно Икару погрузишься въ море. Какъ выплывшій онь дождей изъ береговъ и съ высоты горъ ниспадающій пошокъ шумишь, пакъ спиши, изъ успъ Пиндара исшедшіе, гремятъ плвняющимъ краснорвчіемъ и согласіемъ. Воспвваетъ ли онь ошважные Дифирамвы, наполняя ихъ новыми словами, и въ испуцленіи своемъ забывая предписанную спи-

хамъ мѣру, или слависьъ боговъ, Царей, и богами рожденныхъ чадъ, опъ коихъ воспріали доспойную смершь Кеншавры и ужасный пламень изрыгавшая Химера: или когда прославляешь героевъ, возвращающихся въ опечесство свое съ Элейскою пальмою, или Аплешовъ, побѣдишелей въ риспаніи, коимъ подносишь дары, гораздо драгоцѣннѣйшіе многочисленныхъ испукановъ; или когда оплакиваешь супруга похищеннаго у супруги, и содѣлываешь безсмертными его мужество, доблесь, нравы, злапому вѣку приличные, и шѣмъ испоргаешь ихъ изъ вѣчнаго забвенія—всегда, легкой въ пареніи, подобно Лебедю Дирцейскому, неушомимо держишься въ высотахъ: а я, какъ пчела собирающая по ушру съ великимъ шщаніемъ изъ разныхъ соковъ медъ, провождаю время надъ сочиненіемъ мѣлочныхъ стиховъ.,,

Г. Капнисьъ весьма удачно подражалъ сему произведенію Горація въ слѣдующей одѣ, подъ названіемъ *Ломоносовъ*:

Кшо Росску Пиндару желаешь
 Въ воспоргахъ пылкихъ подражашъ,
 Во слѣдъ Икара шопшь дерзаешь
 На крыльяхъ восковыхъ лешашъ:

Взнесешся къ облакамъ; но вскорѣ,
Лишь солнца силу ощушишь,
Низринешся спремглавъ, и море
Безумца имя возвѣспишь.

Какъ быспрый шокъ спруи скопленны
Спредишь съ крушой вершины горъ,
Криспалы льешь на брегъ зеленый,
Дремучій будишь шумомъ боръ:
Такъ звучной лирой Ломоносовъ
Сопровождая громкій спихъ,
Плѣвяешь слухъ и души Россовъ,
И усладишь пошомсшво ихъ.

Творца глаголы пошворяя,
На судъ ли смершнаго съ нимъ звалъ:
„Онъ гласомъ грома прерывая,
„Словами небо колебалъ;
„Съ покрышыя пучины мглою
„Хаосный, лѣноспный шуманъ
„Разгналъ всесильною рукою,
„И съ суши сдвигнулъ Океанъ!,,

Поешь ли, какъ восходъ денницы,
Минервы шеспше на шронъ;
Коль важно подвигъ сей Царицы,

Коль громко возглашаетъ онъ :

„Самъ Богъ ведешь, и кто прошиву?

„Кто ходъ его остановишь?

„И Океанскихъ водъ разливу

„На вспрѣчу кто посшавишь щипъ?,,

Любви ль предѣль изображаетъ :

Какъ кисть его оживлена!

Какою прелестью плѣняешь

Волшебна райская спрана!

„Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,

„Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;

„Межъ бисерными облаками

„Сіаешь злапо и лазурь!

„Древа лиспами помаваютьъ ,

„И нѣжну ощущая власъ ,

„Другъ друга вѣшвыми обнимаютьъ ;

„Въ бездушныхъ шамъ любовна спрасъ!

„Ручьи во слѣдъ ручьямъ крупящя ,

„То гонящъ, то себя манящъ ;

„То прямо другъ къ другу спремящя ,

„И слившись, межъ собой журчашъ.,,

За Марсомъ ли во слѣдъ дерзая,

Сраженій предспавляетъ видъ :

„Съ шрофея на шрофей спупая,
 „Россійско воинство спѣшишь.
 „Орламъ симъ воды, лѣсь, спремнины,
 „Глухія спени—равень пушь;
 „Нося перунъ, полки орлины
 „Паряшь, гдѣ вѣшрь лишъ можешъ душъ.,,

Съ шакою дерзостью чудесной
 Извѣдавъ неусталость крыль,
 Верхъ облакъ въ синевѣ небесной
 Россійскій сей орель париль.
 Но я, какъ пчелка, надъ землею
 Съ шрудомъ съ цвѣшовъ сосуца медъ,
 Я шиху пѣснь жужжашь лишъ смѣю;
 Высокій спрашенъ мнѣ полешъ!

Державинъ! ты на лирѣ звонкой
 Воспой великія дѣла
 Царицы, чшо побѣдой громкой
 Моря и сушу пошрясла!
 Воспой боговъ сей даръ безцѣнной,
 Дороже коего они
 Не могутъ ниспослать вселенной,
 Хошь возвращаешь злапые дни.

Воспой шощъ день шприкрашъ шасшливой,
 Когда на жершвенникъ побѣдъ
 Часть. II.

Зеленый лавръ, обвивъ оливой,
 Она въ знакъ мира вознесеть;
 Тогда и я, въ полкъ народа,
 Учасникъ общаго добра,
 Во время пышна къ храму хода,
 Съ воспоргомъ возглашу: ура!

Съ побой мы вмѣстѣ радость нашу
 Явимъ усерднымъ поржеспвомъ;
 Безцѣнныхъ пы маспиковъ чашу
 Возжешь предъ мирнымъ божеспвомъ;
 Черпогъ швой, яркими звѣздами
 Украшенъ, ночью возблеспиль,
 И радоспными голосами
 Въ немъ Гимнъ Аспреѣ возгремилъ!

А я, помоспъ усыпавъ храма
 Взроценными цвѣтами мной,
 Возггу въ немъ горспку фиміама,
 Съ бѣлѣйшею лилей свѣчой
 Изъ воска, чшо съ полянки смѣжной
 Трудолубивая пчела,
 За мой о ней надзоръ прилѣжной,
 Съ избыткомъ въ даръ мнѣ принесла.

КЪ Делію.

Aequam memento rebus in arduis
 Servare mentem, non secus in bonis

Ab insolenti temperatam
 Laetitia, moriture Delli,

Seu moestus omni tempore vixeris,

Seu te in remoto gramine per dies

Festos reclinatum beâris

Interiore nota *) Falerni,

Quâ pinus ingens albaque populus

Umbram hospitem consociare amant

Ramis, quâ et obliquo laborat

Lympha fugax trepidare rivo.

Huc vina et unguenta, et nimium brevis

Flores amoenos ferre jube rosae,

Dum res, et aetas, et sororum

Fila trium patiuntur atra.

Cedes coemptis saltibus, et domo,

Villâque flavus quam Tiberis lavit:

*) Nota interior: каждая бушылка имѣла свою надпись, на
 коей означались годы и качество вина; interior: внут-
 ренняя часть погреба, содержащая шарое и ошлущ-
 ное вино.

Cedes; et exstructis in altum
Divitiis potietur haeres.

Divesne, prisco natus ab Inacho,
Nil interest, an pauper, et infimâ
De gente, sub divo moreris,
Victima nil miserantis Orci.

Omnes eodem cogimur; omnium
Versatur urnâ; seriùs ociùs
Sors exitura, et nos in aeternum
Exilium impositura cymbae.

„Умѣй, о Делій, хранишь равнодушіе въ бѣдспвіяхъ, и въ счастіи не предавайся чрезмѣрной радости: провождаешь ли ты всю жизнь въ печали, или возлегая уединенно на правѣ, испиваешь въ праздничные дни полныя чаши спараго Фалернскаго вина, — умрешь равномѣрно. — Туда, гдѣ высокая сосна и бѣлые шополы любяшь соединяшь свои вѣтви, составляющія пріятную тѣнь, и гдѣ струи ручья извивающся—шуда повели принеси вина, благовоній и розъ, споль краткое время цвѣшущихъ, пока счастіе и лѣта и спрашныя ниши прехъ сеспръ шо дозволяють. Оставишь нѣкогда купленные роци свои, домъ, села, злащощвѣпнымъ Тибромъ оро-

шаемыя и наслѣдникъ овладѣеть пышными своими сокровищами. Богатъ ли ты, рожденъ ли отъ древняго Инаха *), или отъ низкихъ предковъ, не имѣя хижины, скишаясь подъ открытымъ небомъ, — равно ты будешь жертвою безжалостнаго Орка. Мы всѣ спремимся къ единому концу. Въ одной урнѣ вращается жребій всѣхъ человѣковъ, и единая ладья перевезетъ насъ въ вѣчное започеніе.,,

Вошь подражаніе сей одѣ Г. Жуковскаго:

Умѣрень, Делій, будь въ печали
И въ счастіи неослѣпленъ :
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали ;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ !
Хотя бь заботы насъ помилли,
Хбшя бь Токайское вино.
Мы нѣжася на дернѣ, пили —
Умремь! шакъ Діемъ суждено!
Несижь сюда, гдѣ шополь съ ивой
Изъ вѣшвій соплепающь кровь,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучиспыхъ береговъ,
Вино, и масши аромашны,

*) Древнѣйшій Царь Аргосскій.

И розы, дышущія мигъ!
 О Делій! годы не возвращны!
 Играй—пока нипи дней швоихъ
 У черной Парки подъ персшами!
 Ударить часъ—всему конецъ!
 Тогда, проспи и лугъ съ спадами
 И швой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
 И соловья пріашны шрели
 Въ лѣсу вечернею порой,
 И звукъ пасшущеской свирѣли,
 И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
 Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
 Вокругъ дерноваго спола,
 Сшущимъ спаканами въ спаканы,
 И пьемъ изъ чистаго шпекла
 Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье!
 Играй! шаковъ еспь мой совѣшь!
 Не годы жизнь, а наслажденье!
 Кипо счастье зналъ, шопъ жилъ спо лѣшь!
 Пущь быспрымъ, лишь бы свѣшлымъ,
шпокомъ
 Промчашся дни чрезъ жизни лугъ;
 Пущь смершь зайдешъ къ намъ не нарокомъ
 Какъ добрый, но *нежданый* другъ!

Не нужнымъ почишаемъ болѣе помѣ-
щаясь здѣсь опечеспвленныхъ примѣровъ
оды. Чипашели сами найдуть ихъ въ со-
чиненіяхъ Ломоносова, Пепрова, Держави-
на, Дмипріева, Капниста, Жуковскаго,
Мерзлякова, Воспокова и пр. и пр.

ОКОНЧАНІЕ. См. *Совершенство*.

ОКРУЖЕНІЕ, Epanalepsis. Въ Рипорикъ,
фигура рѣченій: состоипть въ томъ,
когда періодъ начинаешся и оканчиваеш-
ся однимъ словомъ. — См. *Повтореніе*. —
На пр:

Слезой я каждый день встрѣчаю
И кончу каждый день *слезой*

или

Узнала вишязя она
И браша съ ужасомъ *узнала*

ОМОНИМЪ. Недавно изобрѣшенъ въ
Германіи новый родъ загадки, названной
по Гречески *омонимъ*, а по Нѣмецки Gleich-
name, что значипть *Тождесловъ* или *Соим-
енникъ*. Загадка сія дѣлаешся шакимъ об-
разомъ: должно найти слово, кошорое имѣ-
ло бы различныя значенія, и каждому изъ
сихъ значеній дѣлашь особенное опредѣле-

ніе по правиламъ проспыхъ загадокъ, шо ешь, спарашся, чшобы оныя опредѣленія не были ни слишкомъ ясны, ни слишкомъ темны и запруднишельны для опгадыванія. Вотъ Нѣмецкой *Омонимъ*.

Jch, die ich Witz und Scherz,
Musik und Tanz dir schende
Zugleich für Aug und Herz
Gar lustige Bilder sinde;
Jch bin es auch, die, oft
Tod und Verderben bringt;
Dem Helden unverhofft
Ein todten Liedchen singt.

Для лучшаго уразумѣнія приведемъ переводъ буквальный сего Омонима:

„Я доспавляю тебѣ оспроуміе, шушкы, музыку, пляску и пріятнѣйшія каршины для глазъ и сердца; я шакже и шѣмъ бываю, чшо часпо смерть и разрушеніе приносишь, и герою нечаянно надгробную пѣсенку воспѣваешь.“

Омонимъ сей заключаешся въ словѣ *редутъ*, *Redute*, имѣющемъ два значенія: въ первомъ случаѣ оно приняшо здѣсь за собраніе или общество, куда съѣзжающся для шанцовъ и для другихъ удовольствій; а

попомъ за воинскій терминъ, означающій нѣкошорый родъ крѣпостнаго укрѣпленія.

На Русскомъ языкѣ первые Омонимы появились въ прошедшемъ 1819 году—въ Журналѣ Г. Измайлова подъ названіемъ *Благонамбранный*. Слѣдующіе, помѣщенные въ означенномъ Журналѣ, написаны были нарочно для сего Словаря:

1.) Есшь вещь пресшранныя, и вопшь ей при-
мѣла:

Въ шемницѣ находясь, она не видишь свѣша;
Хопише ли шогда ее освободишь?

За шрудъ пріапносшью васъ можешъ наградишь.
Но бойшесь вы ее, когда она лешаетшь:

До смерти убиваетшь.

Сей Омонимъ значипшь *ядро*; въ первомъ случаѣ — *орѣховое*, во второмъ — *пушечное*.

2.) Меня въ нашурѣ нѣпшь; одинъ лишь поль-
ко знакъ.

Но солнышко его не обойдешъ никакъ.

Меня вспрѣчаеше съ предлинными усами,

Хожу я по землѣ и плаваю въ водѣ

Меня жь—чипашели! вы согласишесь сами—

Дай Богъ вамъ не имѣшь и не видашь нигдѣ.

Ракб. — Слово сіе принято здѣсь въ прехъ знаменованіяхъ, означающихъ знакб Зодіака, животное и болбзнь.

Слѣдующій *Омонимб* имѣеть чешыре значенія :

3.) Вещь чудную во мнѣ, чипашель, ты найдешь ,

Когда подробнѣе разсмошришь, разберешь ,

Мои различныя дѣянія и свойсва :

Я часпо въ война вселяю духъ геройсва ;

Небесныя шѣла извѣсны спали мной ;

Огня ты не спрашисъ шогда, какъ я съ шобой ;

При шомъ же иногда шакъ высоко бываю ,

Чшо храмы и дворцы ногами попираю ;

Имѣю сходшвенность съ людьми—и вопшь она :

Наружность бѣлая, а внутренность черна.

Т. е: *труба* — она бываееть *воинская*, *зрительная*, *пожарная*, *печная*.

ОНОМАСТИХЪ, *onomasticum*. Слово Греческое--спихъ, прославляющій чьелибо имя.

ОПЕРА. Опера ееть сочиненіе Драмашическое, въ кошоромъ соединяюпся всѣ изящныя искушва, какъ шо, поэзія, живопись и музыка. Поэзіею плѣняееться умъ,

музыкою слухъ, а живописью глаза; всѣ же вмѣстѣ шрогають сердце и производящъ чрезъ различные органы одинакое дѣйствіе. Сіе прекрасно объяснено въ слѣдующихъ стихахъ Вольпера :

Où les beaux vers, la danse, la musique ,
L'art de tromper les yeux par les couleurs ,
L'art plus heureux de séduire les coeurs ,
De cent plaisirs divers font un plaisir unique.

Опера можешь имѣть предметомъ важныя, шуточные, чудесныя или сверхъестественныя происшествія. Пишешся иногда прозою вмѣстѣ со стихами, полагаемыми на голосъ, иногда же вся стихами. Стихи полагаемые на голосъ называются *аріями*.

Арія одноголосная называется *соло*; изъ двухъ голосовъ—*дуо* или *дуэтъ*; изъ трехъ *тріо* или *терцетъ*; изъ чепырехъ—*квартетъ*; изъ пяти—*квинтетъ*. Всѣ сіи слова взяшы изъ Италіанскаго языка.

Въ Операхъ, наиболѣе Италіанскихъ, упошребляюща еще *регитативы*, копорые соспоашъ изъ стиховъ, произносимыхъ безъ пѣнія, но вмѣстѣ съ музыкою.

Опера, шакже какъ и прочія Драмащическія произведенія, раздѣляется на

дѣйствія (акты) и на явленія (сцены), и дѣйствій можешь имѣшь отъ одного до пяти. Правиль требуетъ такихъ же, какъ и всѣ театральныя сочиненія, т. е. имѣшь *узель*, *развязку* и пр. выключая однакожь правилъ единства, кои въ другихъ Драма-тическихъ твореніяхъ соблюдаются съ болѣшею строгостію. — См. *Драма* и *Драматическій*.

Вольперъ, въ предисловіи къ Трагедіи своей *Едипъ*, такъ пишетъ объ Оперѣ:

„Опера есть предствленіе споль же странное, сколь великолѣпное — предствленіе, копорое болѣе нравишься глазамъ и слуху, нежели уму, въ копоромъ подчиненность музыкѣ дѣлаешь необходимыми самыя смѣшныя погрѣшности, въ копоромъ должно пѣшь пѣсенки при разрушеніи города и плясать вокругъ могилы, въ копоромъ видны бѣвають въ одно время дворцы Плутона и Феба, боги, черщи, колдунны; чудовища, замки, сооружаемые и разрушаемые во мгновение ока. Терпятъ, даже любяшь сии странности попому, что смотря на нихъ переносятъ себя мысленно въ страну волшебствъ; и ежели зрители находятъ пріятными украшенія театра, пляску, музыку, шо все прочее за-

бываютъ, а особливо когда встрѣпшя сцена, способная пронуть сердце. Сполько же смѣшно претоватъ въ Алцеспѣ (извѣспная опера) единспва дѣйсшвія, астіо, сколько въ Циннѣ или Родогюнѣ, чершей и плясокъ.—Однакожь, продолжаешъ Вольперъ, хопя оперы изъемлюшя изъ правилъ единспва, но можно почеспъ лучшими изъ нихъ шѣ, въ копорыхъ правила сіи менѣе бываютъ нарушены.,,

Опера, по содержанію своему, бываетъ либо *Комическая*, либо *Трагическая*. Комическая, показывая спранности и пороки, смѣшишъ зришелей; Трагическая возбуждаешъ въ нихъ ужась и соспрананіе. Трагическая опера называешся иначе *Лирическая трагедія*.

Мы съ удовольспвіемъ слушаемъ въ обыкновенной Трагедіи или Комедіи, Царей, героевъ, даже самыхъ просполудиновъ, говорящихъ *стихами*. Для чего же не допусшишъ, чшобы сіи лица пѣли въ Оперѣ прагической, или комической? ежели мы предспавляемъ, чшо можешъ бышъ народъ *стихословный*, шо почему не бышъ народу *пѣсенному*? рѣчь, соспавленная по извѣспному размѣру, нисколко не напуральнѣе пѣнія! къ шому же гораздо вѣрояш-

нѣе, что послѣднее предшествовало первому. Слѣдовательно, по самой убѣдительно-причинѣ можемъ представить себѣ такую націю, копорая, вмѣсто обыкновенной рѣчи, употребляетъ пѣніе;—а потому не должны удивляться, когда изъ сей націи увидимъ и такого человѣка, копорый поетъ даже при послѣднемъ издыханіи.

Дѣйствіе, или содержаніе (*actio*) оперы прагической должно быть Героическое, любовное и несчастное, иногда чудесное—и симъ-то послѣднимъ качествомъ оплачивается она ошъ настоящей Трагедіи. Чудесное Оперы состоитъ въ введеніи какого нибудь божества, или существа сверхъестественнаго, копорое дѣйствовало бы вмѣстѣ съ обыкновенными лицами, къ чему весьма много можетъ способствовать Мифологія.—Еще повторяемъ, что въ сихъ сочиненіяхъ правило *единства* можетъ быть нарушаемо безъ оскорбленія вкуса. Въ настоящей Трагедіи каждый актъ содержитъ часъ цѣлаго дѣйствія; здѣсь каждый актъ часто содержитъ особенное дѣйствіе; здѣсь сцена можетъ перемѣняться при каждомъ актѣ, ибо въ оперѣ между прочимъ необходимо должно нравиться

глазамъ зрипелей разнообразностію картинъ. По сему послѣ блестящаго очарованнаго замка легко можешъ представишь ся сщепъ самая ужасная или—послѣ изверженій огнедыщущей горы — поля разноцвѣшныя съ пріяшными сельскими домиками и шому подобное. Словомъ сказапъ, здѣсь всякое чудесное кажешся дѣломъ сбшшочнымъ, ибо воображаемъ, что шущъ дѣйствувешъ какое нибудь божештво, или по крайней мѣрѣ чародѣйштво.

Вообще опера шребуешъ слога легкаго, особливо въ Аріяхъ, гдѣ всякая прошивъ онаго погрѣшносшь, или самая малая негладкосшь, сверхъ непріяшности для чпенія и для слуха, бываешъ неспособна для преложенія на музыку.—Впрочемъ необходимо, кажешся, самому сочинителю оперы знапъ музыку; покрайней мѣрѣ желашельно, чшобы могъ онъ чувшвовашъ всѣ дѣйшшвія, какія производипъ музыка въ разнообразныхъ своихъ измѣненіяхъ. Соображаясь съ оными онъ будешъ знапъ какой размѣръ и даже какое сочешпаніе стиховъ должно употребипъ въ печальной или въ шущочной аріи, въ дуэшъ или въ квиншешъ и пр. Сіе познаніе не мало

также способствовать можетъ и къ чистотѣ слога.

О танцахъ. — Балеты и танцы приличны бывають въ оперѣ тогда только, когда представляются какія либо праздники. Изъ Италіанской оперы, важной отъ начала до конца, они исключены совершенно; когда же и вводятся между актами, то ни сколько не принадлежатъ къ общему дѣйствію оперы, а иногда и со всемъ оному противны — что и составляетъ украшеніе весьма странное.

У Французовъ, у Нѣмцовъ, и у насъ, танцы и балеты употребительны, и могутъ быть какъ въ началѣ, такъ въ срединѣ и концѣ акта, только бы кспаша. Они приличны равно и въ простомъ происшествіи, и въ чудесномъ. Одни бывають только для забавы и могутъ назваться *простыми*, а другіе — *характерными*, когда изображаютъ какое либо происшествіе.

При семъ слѣдуетъ еще и по замѣтить, что ежели зритель находится въ безпокойствѣ и страхѣ, произведенномъ въ немъ происшествіемъ, то сіи празднества или забавы покажутся ему скучны и несносны; если же они ему нравятся, то сіе служитъ знакомъ, что содержаніе

піесы не пропало души его.—Для опшра-
щенія сего надлежитъ спараться, чтобы
дѣйствіе печальное или ужасное имѣло
промежушки, и чтобы одушевляющія оное
сильныя спрашпы возвращались иногда къ
спокойствію и счастію, подобно какъ въ
дни бурные и облачныя бывають иногда
минуты тихія и ясныя—словомъ: надле-
житъ сохранятьъ порядокъ *натуральный*,
т. е. чтобы надежда слѣдовала спраху,
безпокойство удовольствію, удовольствіе
безпокойству съ такою же легкостію,
какъ оно происходить въ общеспвенной
жизни.

Дабы сдѣлать вышеприведенныя пра-
вила удобнѣйшими къ уразумѣнію, пока-
жемъ здѣсь содержаніе одной извѣстнѣй-
шей и можно сказать образцовой Фран-
цузской оперы Господина Кино, подъ наз-
ваніемъ *Алцеста*.

Театръ начинается бракомъ Алцесты
и Адмета — и общее веселіе окружаешь
ихъ. Ликомедъ, Царь Скироса, съ опчая-
ніемъ смотря на счастіе соперника сво-
его Адмета, показываетъ однакожь при-
пворную радость; онъ приглашаетъ ново-
брачныхъ на праздникъ, нарочно для нихъ
усиренный. Алцеста всходитъ къ нему

на корабль—и онъ увозитъ ее въ глазахъ Адмета и Алкида. Смѣшеніе и горестнѣе заступаютъ мѣсто прежней радости. Алкидъ съ Адметомъ отправляется для освобожденія Алцессы и наказанія похищителя. Осажденный въ Скиросѣ Ликомедъ сопротивляется и не выдаетъ своей плѣнницы; въ продолженіи приступа царствуетъ повсюду ужасъ. Алкидъ разбиваетъ врага, городъ беретъ, Алцесса освобождена, радость возвращается съ нею—но на самое краткое время. Адмета приводятъ смертельно раненаго; онъ при послѣднемъ издыханіи на рукахъ Алцессы. Тогда Аполлонъ сходитъ съ неба, и объявляетъ, что ежели кто нибудь согласится умереть за Адмета, по судьбы возвратитъ ему жизнь. И такъ сладостная надежда снова заступаетъ мѣсто печали. Но нѣтъ никого желающаго пожертвовать собою за Адмета! между тѣмъ минуша кончины его приближается. Аполлонъ объявляетъ воздвигнуть памятникъ тому, кто принесетъ себя на жертву Адмету: надежда въ окружающемъ его народѣ производитъ нѣкоторую радость.—Спустя нѣсколько времени памятникъ появляется, и въ находящемся на ономъ изображеніи Адметъ узнаетъ

свою супругу. Весь замокъ оглашается жалобнымъ воплемъ: *Алцеста умерла!* Повсюду печаль и опчаяніе. Самому Адмешу несносна жизнь, шакою цѣною купленная. Приходитъ Алкидь и объявивъ скрываемую имъ прежде любовь къ Алцестѣ, дѣлаетъ шакое предложеніе, что ежели Адмешъ ее уступитъ ему, то онъ снидетъ въ адъ и принудитъ возвратитъ ее. Адмешъ соглашается—радость блеснула на всѣхъ лицахъ. Плутонъ, изумленный неустрашимостію и пронутый любовію Алкида, отдаетъ ему Алцесту—новое всеобщее поржесство! но лишь только Адмешъ увидѣлъ свою супругу, какъ и вспомнилъ ужасную обязанность свою уступитъ ее другому: ихъ прощаніе производитъ уныніе и горестъ. Алцеста подаетъ руку своему избавителю, Адмешъ удаляется, Алкидь оспановляетъ его, и самъ отказывается отъ полученной имъ награды.

Non, non, vous ne devez pas croire,
 Qu'un vainqueur des tyrans soit tyran à son tour;
 Sur l'Enfer, sur la mort j'emporte la victoire;
 Il ne manquait plus à ma gloire,
 Que de triompher de l'amour.

ш. е. нѣшь, не мысли, чшобы побѣдительширановъ самъ сдѣлался шираномъ. Я одержаль побѣду надъ адомъ и смерщю! къ славѣ моей одного шолько недоспавало — воспоржешповашь надъ любовью.

Сказавъ сіе, онъ соединяешь Адмеша съ Алцештой.

Легко можно видѣшь, что въ соспавленную такимъ образомъ *Басшо* не шрудно ввести забавы и праздники. Надобно шолько избѣгашь излишешства, а для сего не должно всегда слѣдовашь принятому обычаю, раздѣляшь оперу на пять *актовъ*: досташочно и чешырехъ, и даже шрехъ. *Италіанцы*, опличающіеся въ семь родѣ, служатъ шому примѣромъ. Большая часть ихъ *Лирическихъ Трагедій* имѣешь не болѣе шрехъ актовъ. Когда же опера въ шрехъ актовъ, то пусть одинъ изъ нихъ предспавляешь зрѣлище великолѣпное, важное, прочіе могутъ бышь украшены какими либо забавами. Въ оперѣ болѣе всего плѣняешь разнообразность.

О декорацияхъ. — Декорации шакже соспавляютъ въ оперѣ часть удовольствія, приносимаго ею глазамъ зришелей. Само собою разумѣешся, что происшешствіе, исполненное *чудеснаго*, способиѣ для укра-

шеній всякаго рода, нежели происшествія, взятыя изъ исторіи — на примѣръ, вразсужденіи переменъ мѣста: когда происшествіе имѣетъ основаніе *натуральное*, то и переменъ мѣста не иначе послѣдовать можетъ, какъ чрезъ такія же натуральныя средства; ибо въ нашуръ время, пространство и скоростъ имѣють неизмѣняемыя между собою соотношенія. Можно придать *нѣчто* скоростн, можно распространить *нѣсколько* время, но со всею тѣмъ переменъ мѣста не иначе можетъ быти, какъ въ продолженіи назначеннаго для того времени, по естѣ, между акшами, или тогда, какъ всѣ дѣйствующія лица уходятъ со *сцены*; въ происшествіяхъ же *чужесныхъ* все сіе можетъ совершаться внезапно, въ одно мгновеніе, какъ въ присутствіи дѣйствующихъ лицъ, такъ и безъ оныхъ.

О Русскихъ операхъ. Мы обязаны появленіемъ на нашемъ театрѣ *оперы* Александру Пепровичу Сумарокову. Въ царствованіе Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ написавъ онъ нѣчто похожее на *оперу*, подъ названіемъ *Прибѣжище добродѣтели, балетъ*, въ пяти часяхъ или аксахъ. Туть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ предспа-

влена Добродѣшель. Она спранспвовала по Африкѣ и Азіи, видѣла повсюду развращеніе и не находила себѣ приспанища. Наконецъ являешся Минерва въ образѣ Россіянки, и говоришь ей:

Поди къ Монархинѣ ты препіяго свѣта,
Гдѣ щедро царспвуетъ шеперь ЕЛИСАВЕТА;
Подъ скипешромъ ЕЯ веселія цвѣшущь:
Найдешь прибѣжище себѣ конечно шушь и пр.

И попомъ поешь:

На вспокѣ счаспья нѣтъ,
На западѣ тьма бѣдъ,
Иду въ полночный свѣшъ.

Все сочиненіе оканчиваешся *хоромъ*:

Здравспвуй, о ЕЛИСАВЕТА,
Царспвуй нами многи лѣша,
Буди счасплива всегда!

Ты намъ машь, швои мы чада:
Небо дай, чшобъ Ей досада
Не коснулась никогда.....

Въ 1764 году предспавлена была въ С. Пешербургѣ первая *Опера* его *Алцеста*,

которая, надлежитъ признаться, не иное что есть, какъ весьма слабая пѣнь вышепоказанной *Алцесты* Г. Киню: содержаніе сходствуетъ въ томъ единственно, что у Сумарокова Адметъ также долженъ умереть (но по какой причинѣ, объ этомъ не сказано), Алцеста также за него жертвуетъ жизнью, Гераклъ также сходитъ въ адъ, уводитъ ее оттуда безъ всякаго прекословія и возвращаетъ Адмету. Впрочемъ должно полагать, что Сумароковъ такою прослоною происшествія приравливался къ тогдашнему недослатку въ *декораціяхъ* и машинахъ театральныхъ.— Онъ написалъ много *Оперъ*; ему послѣдовали Аблесимовъ, Левшинъ, Княжнинъ, К. Горчаковъ и другіе. Сама ЕКАТЕРИНА вѣршая, вмѣсто отдохновенія послѣ дѣлъ государственныхъ, упражнялась въ сочиненіи *Оперъ*. Россійскій театръ, состоящій въ 20 томахъ, содержитъ нѣкоторыя произведенія сей безсмертной Государыни.

Изъ новѣйшихъ писателей особенно Князь А. А. Шаховской весьма много способствуетъ къ приведенію у насъ *Оперы* въ надлежащее совершенство. Его произведенія въ семь родѣ отличаются какъ естественностію содержанія, такъ и всеми

принадлежащими оному (роду) украшеніями.

О П И С А Н І Е. Descriptio.—Описание есть несовершенное и нешочное *опредѣленіе*, definitio. (См. *Опредѣленіе*). Оно показываетъ нѣкоторыя свойства и обстоятельство вещи, достаточныя для полученія объ ней понятія и оплченія ошъ другихъ вещей, не разбирая однакожъ состава ея и самой сущности. На примѣръ въ изображеніи челоука *Описание* не можетъ служить опвѣтомъ на вопросъ *что онѵ*, quid est; но опвѣчается на вопросъ *кто онѵ*, quis est.

Дабы сдѣлать *описание* подробнѣе и пріятнѣе, то для сего надобно умѣль избрать: 1) предметъ, который предспавилъ желаніе, 2) мѣсто, способнѣйшее къ предполагаемому дѣйствию, 3) время самое выгодное, ежели предметъ подверженъ измѣненіямъ, 4) обстоятельство, могущія предспавить избираемый предметъ въ желаемомъ видѣ яснѣе, и 5) противоположности, которыя могли бы оный возвысить.

Описание раздѣляются на шесть родовъ: на Хронографію, Топографію, Прозопографію, Ифопію, Поршрешъ и Ипошипозись.

1. *Хронографія* есть описаніе, представляющее какого либо происшествія время. *На прил:*

Уже съ вершинъ древесъ сошла ночная тѣнь,
И ризу по горамъ раскинуль свѣтлый день;
Румяное чело Аврорино сіяло;
Все въ мірѣ, мниши, вновь раждашья начинало,

Когда въ преддверіе Россійскій Князь вступилъ.....

Херасковъ. П. Влад.

У Державина въ Видѣніи Мурзы :

На темноглубомъ эфирѣ
Злашая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блิสпаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Злашая стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечпы различны рассыпаль,
Кропя забвенія росюю
Моихъ домашнихъ усыпляль;

Вокругъ вся обласнь почивала ,
 Пепрополь съ башнями дремалъ ,
 Нева изъ урны чупь мелькала ,
 Чупь Бельиъ въ брегахъ своихъ сверкалъ ,
 Природа въ тишину глубоку
 И въ крѣпкомъ погруженна снѣ ,
 Мертва казалась слуху, оку ,
 На высотѣ и въ глубинѣ ;
 Лишь вѣяли одни зефиры
 Прохладу чувсшвамъ принося .
 Я не спалъ

Слово сіе происходитъ опъ *χέρσος* время. и *υράφη* пишу или описываю.

2. *Топографія* естъ описаніе мѣста со всѣми подробностями. — Херасковъ пакъ описываетъ спрашное мѣсто Зломирова жилища :

Со брегу надъ рѣкой угрюмый лѣсъ нависъ ,
 И выдался въ водѣ крупной безплодный мысъ ;
 Тамъ видима въ пѣни кремнистая пещера ,
 Кругомъ ея распещь кудрявая Есдера ;
 Изсохши дрeвеса дрожащу мещупъ пѣнь ,
 Пещеру никогда не посѣщаетъ день ;
 Тамъ кажешся ночныхъ жилище привидѣній ,
 Убѣжище шоски, вершечъ печальныхъ мифній ;

Тамъ мягкій одръ себѣ успроилъ помный сонъ,
 И скука мрачная соорудила пренъ ;
 Тамъ царсвующъ всегда нахмуренны шуманы,
 Слѣпающа кругомъ спадана черны враны:
 Зломиръ шамъ обипалъ

И описаніе лѣса :

Гдѣ, кажеша, проспери покровы помный сонъ,
 Трепещущи лисны дающъ печальный спонъ ;
 Зефиры нѣжныи среди весны не вѣющъ ,
 Гдѣ вянущъ всѣ цвѣщны , кустарники желшѣ-
 ющъ,

Не молкнешъ шумъ и спукъ, гдѣ вѣчно спрахъ
 не спинъ

И молніа дрва колеблешъ, жженъ, разищъ ;
 Лѣсъ воещъ—адъ ему спенаньемъ опшѣчаешъ . . .

Въ поэмѣ Пушкина *Русланъ и Людмила*
 пакъ описаны сады волшебника Черномо-
 ра, похищившаго Людмилу :

Роскошно зыблющя , шумящъ
 Великолѣпныя дубровы ;
 Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый ,
 И благовонныхъ миршовъ рядъ ,
 И кедровъ гордыя вершины ,
 И золотыя апельсины

Зерцаломъ водъ отражены ;
 Пригорки , рощи и долины
 Весны огнемъ оживлены ;
 Съ прохладой въешся вѣсперь Майскій
 Среди очарованныхъ полей ;
 И свищеть соловей Кипайскій
 Во мракѣ препешныхъ вѣшвей ;
 Лешяпть алмазные фоншаны
 Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ ;
 Подъ ними блещупть исшуканы ,
 И мнишся , живы ; Фидій самъ
 Пипомецъ Феба и Паллады ,
 Любуясь ими , наконецъ
 Свой очарованный рѣзецъ
 Изъ рукъ бы выронилъ съ досады .
 Дробясь о мраморны преграды ,
 Жемчужной , огненной дугой
 Валяшся , плещупть водопады ,
 И ручейки въ шѣни лѣсной
 Чупъ вьюшся сонною волной .
 Приюпть покоя и прохлады ,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и шамъ
 Мелькаюпть свѣплыя бесѣдки ;
 Повсюду розъ живыя вѣшки
 Цвѣшупть и дышупть по шропамъ ,

Усѣяннымъ пескомъ алмазнымъ ;—
 Игривымъ и разнообразнымъ.
 Волшебствомъ дивный садъ блестящій.
 и пр.

Сюда же принадлежишь и слѣдующее опи-
 саніе поля биввы. въ той же поэмѣ :

.....

Трепещеть вишязь по неволѣ :
 Онъ видить старой биввы поле.
 Вдали все пусто; здѣсь и шамъ
 Желтѣющъ косни; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лапы ;
 Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щипъ ;
 Въ косняхъ руки здѣсь мечъ лежишь ;
 Травой обросъ шамъ шлемъ космашый
 И старый черепъ плѣнешъ въ немъ ;
 Богатыря шамъ оспавъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежишь недвижный, копыа, стрѣлы
 Въ сырую землю вонзены
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ.....

Слово Топографія происходитъ отъ
τόπος. мѣсто, и *γράφω* пишу или описываю.
 3. Прозопографія имѣеть предметомъ

описаніе наружнаго вида какого либо чело-
вѣка или живошнаго.

Херасковъ въ поэмѣ *Владиміръ* шакъ
изображаешъ діавола :

Кометъ пламенной его подобенъ зракъ,
Одежда бурный вихрь, а плошь сгущенный
мракъ,
Какъ громы рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Убіиство взоръ его, дыханіе оправа,
Упѣха общій плачь, мучительства забава и пр.

Въ сказкѣ Г. Каменева *Громивалъ* шакъ
же искусно изображенъ волшебникъ *Зло-*
маръ :

Грозные взгляды—кометы во щмѣ,
Мѣдь на немъ—панцырь, свинець—булава,
Сѣрой мохъ по болошу—брада у него,
Черной лѣсъ послѣ бури—власы на челѣ.

У *Державина* въ изображеніи *Фелицы* :

Какъ упрення заря весення,
Такъ улыбалась бы она ;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы спройна

Коричными чело власами
 А перломъ перен осѣни;
 Премудроснь и любовь уснами,
 Какъ розы дышущь, извясни.....

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони злапы
 И въ мужесиво ея красы,
 Чпобъ шлемъ блиспаль на ней пернапый,
 Зефиры вѣяли власы..... и пр.

Слово прозопографія происходитъ отъ *πρόσωπον* видъ и отъ *γράφω* пишу или описываю.

4. *Ифонія* естѣ изображеніе внутреннихъ качествъ, какъ по добродѣтелей и пороковъ. Слѣдующіе примѣры взяты изъ Епическихъ твореній Хераскова:

Изображеніе Адашева.

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи
 лѣта
 Казался при дворѣ какъ нѣкая планета,
 Вснунающа въ свой пупъ изъ незнакомыхъ
 мѣстъ
 И рѣдко зримая среди горящихъ звѣздъ;
 Придворные его съ досадой угнѣшали,
 Но внутренно его сердцами почиали.

Адашевъ счастья обманы презираль ,
 Мірскія пышности ногами попираль ,
 Лукавству былъ врагомъ , ласкашельствомъ
 гнушался и пр.

Изображеніе Рогдая.

Рогдай прославился во подвигъ геройскомъ ;
 Онъ въ браняхъ управлялъ Владиміровымъ
 войскомъ :

Онъ славою во всей подсолнечной гремѣль,
 Но качествъ нравственныхъ похвальныхъ не
 имѣль.

Ко просвѣщенію шопъ смертныхъ не годился,
 Кипо мужествомъ однимъ и силами гордился;
 Удобень и проспой во брани воинъ быль ,
 Который кровь врага безспрашно можетъ лишь.
 Рогдай шеперь пришелъ въ опечество опъ
 Грековъ ,

Превыше чтилъ себя всѣхъ прочихъ человекъ
 ковъ

Онъ аспидъ сердцемъ былъ , а храбросію левъ.
 и пр.

Слово *Ифонія* естъ Греческое : *Н'Ἔο-
 πάια*, *morum fictio*, изображеніе, изобрѣшеніе
 нравовъ ; опъ *Н'Ἔος mos*, *indoles*, нравъ и

ποικω *facio, fingo, шворю, избрѣшаю*:—Квинтилианъ называетъ Ифопію: *imitatio morum alienorum*.

5. *Портретъ*. Симвъ именемъ называюща описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ истиннаго или вымышленнаго лица; слѣдовательно портретъ есть соединеніе Прозопографіи съ Ифопією.

Вымышленные портреты должны быть правдоподобны, а снятые съ натурь должны имѣть основаніемъ истину.

Прилѣръ изъ Саллюстія.

Луцій - Капилина, происшедшій отъ знаменитыхъ предковъ, имѣлъ швердый духъ и крѣпкое шво; но злой и развращенный нравъ. Набѣги, убійства, воровство, гражданскія распри были для него съ самыхъ молодыхъ лѣтъ весьма пріятны. Невѣроятно, до какой степени переносилъ онъ голодь, морозъ, и какъ долго могъ не спать. Онъ былъ человекъ смѣлый, хитрый, уклончивый, скрытный, прищворный, завидующій имѣнію ближняго и свое собственное распочающій; неисповый въ спрасяхъ своихъ; говорившій свободно и мало имѣвшій разсудка. Отъ

великаго духа своего онъ принимался всегда за дѣла чрезвычайныя, невѣроятныя.

Слѣдующіе стихи, прибавленные къ показанному выше въ *прозопографіи* изображенію діавола, сославяшъ описаніе называемое *портретомъ* :

Но злобный міра Князь, хошь мраками одѣшъ;
Пріемлешъ крошкѣй видъ, являешъ ложный
свѣшъ ;

Сей свѣшъ есть пашское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тьму и развращенье.

Не рѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли
Распростираняешся Князь міра по земли ;

Въ туманахъ кроешся, въ перунахъ угрожаешъ;
Въ дубравахъ нимфамъ онъ зовущимъ подра-
жаешъ,

Во мрежи онъ влечешъ несчастный смертный
родъ;

. Онъ смошришъ внутрь сердець, слова
людскія внемлешъ ,

И душу слабую едва примѣшишъ онъ,
Вселяешся въ нее и въ ней свой спавишъ
пронъ.

Жуковскій, въ сочиненіи подь названіемъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ* ,

представляешь прекраснѣйшіе примѣры
сего рода описаній. Такъ говоришь онъ о
великомъ полководцѣ нашемъ *Кутузовѣ-
Смоленскомъ* и о нѣкопорохъ сподвижни-
кахъ его :

Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный рашникъ вихрь и дождь
И прудъ дѣлишь онъ съ нами!
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ спроемъ онъ прекрасенъ,
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ и пр.

Хвала нашъ вихорь-ашамань!
Вождь невредимыхъ Плашовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопосшатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Лешаешь страхомъ въ пылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь и пр.

А пы, Купайсовъ, вождь молодой!
Гдѣ прелесши? гдѣ младосшь?
Увы! онъ видомъ и душой

Прекрасенъ былъ какъ радость.
 Въ бронѣ ли грозной выпупаль —
 Бросали смерть перуны;
 Во струны ль арфы ударялъ,
 Одушевлялись струны

Сюда же принадлежатъ и сіи стихи
 К. Горчакова.

Въ сердца мужчинъ вливаешь любовь,
 А въ женщинъ зависть и досаду;
 Зажечь единымъ взглядомъ кровь,
 И тѣмъ же взглядомъ даешь опраду;
 Вышь умницею не гордись,
 Красавицею не рядясь,
 Имѣшь и видъ и нравъ небесной
 Вотъ Хлоюшки поршрешь нелестной!

Примѣч. Въ швореніяхъ важныхъ не должно описывать наружнаго вида про-
 сшранно, а надобно спарашься избирать
 однѣ шолько самыя разишельныя чершы.
 Такъ поступали Гомеръ, Виргилій и Тассъ,
 пошому чшо главное дѣйствіе не позволя-
 ло имъ занимашься мѣлками подробностями.
 Напрошивъ шого въ стихошвореніяхъ
 нѣжныхъ, или шупочныхъ, позволишельно
 поэшу ошановишься и представишь пор-

третѣ со всѣми опшѣнками. Такъ у Дми-
ріева возвратившійся къ семьѣ своей мы-
шенокъ рассказываетъ. что онъ перебрав-
шись черезъ гору

Вдругъ съ розмаху на двухъ живошныхъ на-
бѣжалъ:

Какіе звѣри, самъ не зналъ;

Одинъ шакъ смиренъ, добръ, шакъ плавно
выспупалъ,

Такъ миловиденъ былъ собою!

Другой—нахаль, крикунъ; шеперь лишъ буд-
шо съ бою;

Весь въ перьяхъ; у него космашый крюкомъ
хвостъ;

Надъ самымъ лбомъ дрожишь наростъ

Какой-то огненнаго цвѣша,

И будшо двѣ руки, служащи для полеша;

Онъ ими шакъ махаль,

И шакъ ужасно горло дралъ,

Что я шаки не прусь, а подавай Богъ ноги—

Скорѣ опъ него съ дороги.

Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ

Нашель насшавника и друга;

Въ глазахъ его была написана услуга;

Какъ шихо шевелиль пушиспымъ онъ хво-
спомъ!

Съ какимъ усердіемъ бросаль ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, крошкіе, но полные огня!

Шерспъ гладкая на немъ, почши какъ у меня;

Головка песпрая, и вдоль спины узоры;

А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,

Чшо у него должна бышь симпатія съ нами,
Высокородными мышами.....

6. *Ипотипозисб* еспъ изображеніе ка-
кого либо дѣйсвія.—Херасковъ говоришь
объ Аспалонѣ:

Пошелъ въ средину онъ, покрышь броней зла-
пою,

И палицей народъ раздвинуль предъ собою.

Какъ гласомъ многихъ шрубъ вѣцаль Казан-
цамъ онъ:

Се въ помощь къ вамъ пришелъ безспрашный
Аспалонъ.

Я слова украшашъ цвѣтами не умѣю,

Но храброспъ лишь одну и силу я имѣю.

При сихъ словахъ съ земли онъ камень под-
хвашилъ,

Который множеспвомъ поднятъ неможно силъ,
Одной рукой его посспавиль надъ главою.

Кто силой одаренъ, вѣщаль онъ, паковою?
 Повергъ онъ камень сей опъ круга далеко,
 И въ землю часпъ его уходитъ глубоко.

У Державина въ стихахъ на выздоровленіе *Мецената* :

Ко берегу лодка приплывала,
 Приблизилась она ко мнѣ;
 Тѣнь бѣлая на ней мѣлкала
 Какъ образъ мраморный во шмѣ.
 Ушихъ шумъ роцъ, умолкъ ревъ водный,
 Лишь спонупъ въ пишинѣ часы,
 Спремипся пошъ по мнѣ холодный
 И дыбомъ восспающъ власы;
 На брегъ изъ лодки вылезаетъ
 Старикъ угрюмой и сѣдой,
 И озираясь подпираешъ
 Себя ужасною косою.
 Тогда по берегу раздалися
 Надгробный плачь и вой людей,
 Отсюду къ спарику сошлися
 Безчисленны шолпы шѣней;
 Прискорбны, блѣдны и безгласны
 Онѣ, пошупя взоры, шли;
 Цѣплями Фуріи ужасны

Къ морскому берегу ихъ вели.
 Сшарикъ кровавыми когшями
 Къ себѣ на лодку ихъ влечешъ. . . . и пр.

Слово Ипошипозись, ὑποσιπώσις, происходитъ отъ предлога ὑπό, подъ, и глагола τυπώω, изображаю.

Вообще надлежитъ примѣчать, что ежели *описание* не въ состояніи обратиться большаго вниманія читателей, то должно дѣлать оное какъ можно короче—избирая однѣ разительнѣйшія обстоятельства.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ. — Описательная поэма. — Сей родъ поэмы, называемыхъ нынѣ *описательными* или *дескриптивными*, не былъ извѣстенъ древнимъ поэтамъ. Они не производили описательныхъ *поэмъ*, но славились описательною *поэзіею*.

Что же есть поэма *описательная*? — Всѣ поэмы, говоритъ Мармонтель, какъ то Епическая, Дидактическая, Драмапическая, и всякой принадлежащій къ нимъ родъ поэзіи, на примѣръ Елегія, Идиллія, Еклога, Еписпола и пр. непременно должны заключать въ себѣ *описанія*; но когда поэтъ не имѣетъ другаго намѣренія, другою цѣли, какъ только *описывать* все

вспрѣчающееся его взорамъ, *описывать* для того только, чтобы *писать*, по ежели самъ онъ не успанеть, по крайней мѣрѣ скоро упоминъ чипапелей.—Всякое благо-разумно расположенное сочиненіе, продол-жаеть означенный писатель, должно обра-зовать *цѣлое*, котораго бы всѣ часты были между собою связаны, котораго бы среди-на соотвѣтствовала началу и конецъ сре-динѣ: таковы правила Аристотеля и Го-рація (Primo ne medium, medio ne discrepet inquit.—Hor.); но въ поэмѣ *описательной* нѣтъ ни цѣлаго, ни порядка, ни соотвѣт-ственности между частями. Каждое изъ ея описаній въ особенности могло бы понра-виться, но множество описаній собранныхъ вмѣстѣ не иному чему уподобить можно, какъ такому свипку, въ которомъ бы скле-яны были всѣ Вернейовы карпины. *Опи-сательную поэму* можно почестъ только собраніемъ опытовъ стихотворца, копо-рый гововишся помѣстивъ въ правиль-номъ и полномъ сочиненіи богатство и красота нѣжнаго и пріятнаго слога.

Мармонтель говоритъ справедливо: Собственно такъ называемая *Описатель-ная поэма* должна быть скучна для вся-каго чипапеля. Но Мармонтель не воору-

жаешся прошивъ *описательной* поэзіи, копорая вспрѣчаешся, какъ сказано выше, въ другихъ поэмахъ, или копорая имѣеть въ предметѣ что нибудь другое, кромѣ однѣхъ *описаній*.

Описательная поэзія занимается наиболѣе природою и ея дѣйствіями и говоришь объ нихъ со всевозможною подробностію; по чему авторъ, желающій оплещись въ семь родѣ, обязанъ, сверхъ правилъ пребуемыхъ *описаніями* (см. описаніе), имѣть обширныя свѣденія и въ Физикѣ и въ Естественной исторіи.

*

Описательная поэзія, равно какъ и всякая другая, должна прогашь сердце наше и внушашь полезныя испины и пріятныя чувствованія. Зрѣлище природы мочешь производишь въ насъ различныя движенія.

Въ изображеніяхъ видимой Физической природы должно поступашь шакъ, какъ Гомеръ, Тассъ и лучшіе драматическіе стихотворцы поступали въ изображеніяхъ нравственной природы: надлежишь ее увеличешь, украсишь и сдѣлашь привлекательною.

Вы *увеличите* природу, когда что-либо прибавите къ обыкновенному ея величію, или покажете такія слѣдствія отъ ея дѣйствій, которыя превосходятъ истинно-послѣдовавшія; но ежели планъ вашъ не позволяешъ вамъ часно представлять ее въ такомъ положеніи, по помѣщайте между сельскими описаніями мысли о проспанствѣ, о всеобщемъ порядкѣ, о движеніи, о безконечномъ.....

Вы *украшите* природу, когда представите вмѣстѣ красоты ея и богатство: такъ поступилъ Овидій въ описаніи Темпейской долины; такъ описывали: Гомеръ сады Алкиноя, Аріостъ островъ Алцины; Тассъ островъ Армиды; Мильтонъ Эдемъ.

Вы содѣлаете природу *привлекательною*, если изобразите ее въ сношеніи съ существами чувствительными; когда въ описаніяхъ разсѣете нѣкоторыя Физическія и нравственныя истины, могущія служить къ просвѣщенію: правила порядка, чувства благородныя—и наконецъ ежели будете изображать только то, что сами дѣйствительно ощущаете.

Противоположности въ описаніяхъ также производятъ не малое удовольствіе. Изобразите густой, прохладной лѣсъ

послѣ описанія чрезмѣрнаго жара; чипапель охотно послѣдуетъ за вами подъ тѣнь, ему пріятно будетъ укрыться отъ палящаго солнечнаго зноя. Противоположности вообще нравятся, когда производятъ новое чувство.

Противоположности веселаго прекрасному, величественнаго пріятному, пріятнаго унылому, не производятъ сильныхъ движеній, но токмо нравятся своимъ разнообразіемъ—о копоромъ должны вы стараться въ продолженіи всего вашего сочиненія.

Противоположности же превосходнаго и ужаснаго веселому и прекрасному наиболѣе способны производить впечатлѣнія, но не должно употреблять оныхъ часно, во первыхъ потому, что противоположности сіи рѣдко встрѣчаются въ самой природѣ; во вторыхъ потому, что первое дѣйствіе, производимое въ насъ превосходнымъ, *высокимъ*, есть удивленіе, а ежели высокое или превосходное часно употреблено будетъ, то перестанетъ наконецъ удивлять.

Должно представлять красоты сего рода для того только, чтобы изрѣдка пробуждать чувствительность чипапеля.

По испытаніи страха, нѣкотораго неудовольствія или удивленія, онъ сдѣлается чувствительнѣе, сильнѣе оцѣнитъ пріятныя впечатлѣнія.

Но какъ непрерывныя описанія сельской природы утомятъ вниманіе всякаго читателя, даже самаго присраспнаго къ полямъ; то надлежитъ для разнообразія предсавлять и самаго жителя полей, его обычаи, пруды, печали и удовольствія.—Таковыя Епизоды, принаровленные къ сельскимъ видамъ, придадутъ большую пріятность вашимъ описаніямъ.

Къ сему надлежитъ присовокупить, что между положеніемъ нашимъ, или состояніемъ души, бываетъ весьма примѣтная сходственность съ мѣстами, явленіями и состояніемъ природы.

Изобразите несчастнаго посреди скалы, покрытой скалами, въ мрачныхъ лѣсахъ, близь спремнины водъ и пр. Ужасы сіи произведутъ впечатлѣніе, которое соединяясь со впечатлѣніями страха или соспраданія, несчастьемъ производимыми, скорѣе разпрогаешь читателя.

Изобразите влюбленныхъ молодыхъ людей подъ зеленымъ сводомъ деревъ, на лугу испещренномъ цвѣтами, въ странѣ

счастливой, подъ крошкымъ и яснымъ небомъ красота природы удвоитъ сладостныя чувствованія, родящіяся при видѣ картинъ, исполненныхъ любовію.

Бываютъ еще другія сходственности, но онѣ могутъ предсавишься воображенію всякаго писателя.

Вы можете иногда пропивоположить состояніе лица мѣсту, гдѣ происходитъ дѣйствіе; помѣстите удовольствіе среди ужасовъ, печаль въ восхищельныхъ садахъ — и тогда вы изобразите картины, движущія душу двоякимъ образомъ — чувствительностію и мечтаніемъ.

Впрочемъ *Описательная поэзія* должна также способствовать и къ нашему наставленію; ибо въ какой бы то ни было поэмѣ, сочинитель обязанъ имѣть нравственную цѣль: чрезъ сіе поэма приобретаетъ новое достоинство — и удобнѣе сохраняетъ единство какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Примѣры см. въ спискѣ *Описаніе*.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ. Definitio.—Опредѣленіе бываетъ двоякое 1) Логическое, 2) Риторическое или піишическое.

Опредѣленіе *Логическое* есть понятіе

о вещи, не только раздѣльное, но и полное. словами изображенное; самая же вещь такимъ образомъ изображенная, называется *опредѣляемымъ*, *definitum*. Съ опредѣленіемъ не должно смѣшивать *описанія*, *descriptio*, которое есть изображенное словами понятие о вещи раздѣльное, однако не полное. Почему *описание* отъ *опредѣленія* шѣмъ различно, что послѣднее означаетъ шѣ принадлежности вещи, по которымъ ее всегда отъ всѣхъ другихъ вещей отличить можно (а); напрошивъ сего *описание* показываетъ такія свойства, по которымъ вещь можно отъ другихъ вещей отличить въ нѣкоторыхъ шокмо обстоятельствахъ (б).

(а) Въ опредѣленіи *Логическомъ* должны быть изчисляемы однѣ шѣ свойства вещи опредѣляемой, которыя она имѣетъ всегда, и безъ которыхъ она не можетъ быть болѣе шкою вещію. *На пр:* въ опредѣленіи челоуѣка довольно сказать, что онъ есть *животное разумное*, ибо быть живошнымъ разумнымъ есть шакое свойство челоуѣка, безъ котораго челоуѣкъ не можетъ быть болѣе челоуѣкомъ: отнимише первое ш. е. *животное*, то чело-

вѣка, оставшагося съ послѣднимъ своимъ свойствомъ *разумностію*, можно будешь почестъ духомъ: опнимише же у него *разумность*; шо оставшись однимъ *животнымъ* безъ разума, будешь какимъ нибудь безсловеснымъ.

(b) Напрошивъ сего описаніе вмѣщаетъ все шо, что объ вещи можно сказать, хотя и не всегда *на пр*: сонъ есть облегченіе печали, награда дневныхъ трудовъ, изображеніе смерти и пр. Такими описаніями исполнены сочиненія орашоровъ и спихопворцевъ.—

Рижскій.

Опредѣленіе *Риторическое*, составляющее одну изъ фигуръ предложеній, есть расположеніе свойствъ или дѣйствій вещи такимъ образомъ, чтобы можно было дать объ ней ясное и опличительное понятіе. Опъ *Логическаго* опредѣленія различна шѣмъ, что въ немъ не перебуется самый ближній родъ и крайнее различіе опредѣляемой вещи опъ прочихъ существъ. Оно составляется изъ мѣстъ риторическихъ, какъ шо: опъ дѣйствія, опъ ушверженія и оприцанія, опъ сравненій и пр. на прим: краснорѣчіе есть искусство, состоящее

въ изобрѣшеніи, расположеніи, изображеніи и произношеніи. — Наука есть ясное познание истины; просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, похвала юности, спароспи подпора, спроишельница градовъ; полковъ крѣпость, ушѣха въ несчастіи, въ счастіи украшеніе, вездѣ вѣрный и безошлучный спутникъ. — Онъ въ домѣ опецъ, во градѣ Ликургъ, въ полѣ Гекторъ, въ морѣ Тифисъ.—*См. Риторики Ломоносова и Никольскаго.*

Опредѣленіе Позповъ и Орапоровъ показываетъ предметы согласно съ предполагаемымъ ими намѣреніемъ; изъ чего происходитъ, что одной вещи можно имѣть множество различныхъ опредѣленій, изъ коихъ каждое будетъ имѣть свою истину и точность. Двадцать живописцевъ, споящіе вокругъ избранной ими модели, сдѣлають двадцать разныхъ изображеній отъ разности представляющихся имъ видовъ: разнообразность въ положеніяхъ нравственныхъ производить такую же разность въ опредѣленіяхъ Орапоровъ и Позповъ. Напротивъ того опредѣленіе *Логическое* должно быть полно, всегда одинаково, единственно.

Примѣромъ *Питишескаго* опредѣленія
могущь служишь слѣдующіе стихи:

Опредѣленіе Вельможи.

Вельможу должны соспавлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно ;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власпи есть,
Всѣхъ царспвенныхъ подпора зданій ;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны бышь—польза, слава, честь.

Державинъ.

У него же въ одѣ *Богъ* находимъ пре-
красное опредѣленіе человѣка :

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещесшва ;
Я средопочіе живущихъ,
Черпа начальна Божесшва ;
Я шѣломъ въ прахъ исплѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я Царь—я рабъ—я червь—я Богъ.....

Жуковскій, въ стихопвореніи подъ назва-
ніемъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*,

показаль шакже весьма удачное опредѣленіе друга :

Блаженъ, кому Создатель далъ

Усладу жизни—друга;

Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ

Онъ сердцу утѣшенье;

Онъ наша совѣсть, онъ для насъ

Второе Провидѣнье.

ОРАТОРІЯ. Гармонія, состоящая: 1) въ согласованіи словъ и слоговъ съ выражаемыми предметами, 2) въ сообразованіи слога съ предметомъ. Первое—есть согласованіе частей выраженія съ частями выражаемаго предмета; второе — согласованіе цѣлаго съ цѣлымъ.

Ораторію называется родъ небольшой драмы, писанной для положенія на музыку. Хотя въ ней есть также разговоры и явленія, какъ и въ другихъ театральныхъ сочиненіяхъ, но роли читаются или поются въ ней просто, безъ обыкновенныхъ принадлежностей къ представленію.—Содержаніе *Ораторій* почти всегда берется изъ Священной исторіи. — Въ *Ораторіи* могутъ быть употреблены разные размеры.—Примѣромъ служатъ слова на Гайд-

нову Орапорію *Сотвореніє міра* и Ораторія, написанная Державинимъ, *цѣленіє Саула*.

ОТВѢТСТВІЕ или *отвѣтствованіе*; *Subjctio, Responsio, Anteoccupatio*.—Въ Риморикѣ фигура предложеній; состоипть въ томъ, когда сочинитель самъ на свой вопросъ отвѣчаешь, или когда самъ спрашиваешь и вводишь другое лице отвѣчающее; или заставляешь другое лице спрашивать, а самъ отвѣчаешь. На пр. въ словѣ Цицерона за Квинція: — не было времени призвать его на судъ? но онъ съ побою жилъ больше года. Нельзя было дѣлать того въ Галліи? но въ провинціи судъ производился.

Въ Псалмѣ 138: камо пойду отвѣ духа Твоего? и отвѣ лица Твоего камо бѣжу? Аще възыду на небо, ты тамо еси; аще снизу во адъ, тамо еси.....

Преосвященный Анаспасій въ словѣ на погребеніе Бецкаго упошребилъ сію же фигуру:

Помощство соплешеть ему вънецъ хвалы? но глава, увядшая подъ смершнымъ серпомъ, носишь его уже не можешь. Бышописанія возвѣспіають дѣла его? но сему не внемлеть болѣ слухъ, прилегшій къ сердцу земли, кошораго и гласъ

грома не потрясаетъ. Воздвигнушь въ
 честь его мѣдъ или мраморъ? но подъ тя-
 жестию его изнемогають кости, кои при-
 рода пихимъ маниемъ преклонила въ мирѣ
 уснуть и почишь.—

ИЛИ

Въ поляхъ ли брань? шы пмишь сводъ звѣзд-
 ный.

Въ моряхъ ли бой? шы пѣнишь бездны.

У Ленкевича въ имнѣ *Благотворитель-*
ности :

Что власць, гдѣ нѣшь шебя? — лишь бремя,

Подъ коимъ спонеть правоша;

Что осирой умъ? — развраща сѣмя;

И мудроснь мудрыхъ? — слѣпоша;

И сила сильныхъ? — бичь для слабыхъ,

И вѣра вѣрнаго? — мертвца.

П.

ПАЛИНВАКХІЙ. То же самое, что *Антивакхій*.—См. сіе слово.—Происходитъ отъ *πάλι*, назадъ или снова, ибо не иное что есть, какъ обращенный назадъ *Вакхигескій* стихъ, *Вакхій*.

ПАЛИНДРОМЪ или **ПАЛИНДРОМОНЪ.** *Palindromon*. Родъ стиховъ или рѣчи, которые, ежели читаются отъ лѣвой руки къ правой или отъ правой къ лѣвой, имѣютъ одно произношеніе.

Въ Константинополѣ, въ церкви Св. Софїи на купели вырѣзаны слѣдующія слова, могущія бытъ читаны и назадъ:

ιστοκαυαριματα μι μοναροτοι

т. е. не одно лице, но и грѣхи ваши омывайше. — См. *Всемир. путешествователь. Томъ I. изд. 2. письмо XIII. стрн. 298.*

Еще приводятся въ примѣръ *Палиндромона* слѣдующіе стихи:

Odo tenet mulum, madidam mappam tenet Anna.—

Sator arepo tenet opera rotas.

Послѣдній употребляется въ одной карточной загадкѣ: смысла не имѣешь.

И сіи произнесенные будто бы діаволомъ:

Signa te, Signa, temere me tangis et angis ;

Roma tibi subito motibus ibit amor.

На Русскомъ языкѣ въ примѣръ *Палиндромона* можно привести изрѣченіе

Я иду съ мечемъ судія.

Палиндромонѣ называется еще и то, когда рѣчь, читаемая сзади, производитъ сама по себѣ или съ помощію переменныхъ препинапельныхъ знаковъ, другой смыслъ. На пр. изъ сихъ стиховъ, поднесенныхъ Папѣ Пію I.

Laus tua, non tua fraus; virtus, non copia rerum

Scandere te fecit hoc decus eximium.

Выходишь

Eximium decus hoc fecit te scandere rerum

Copia non virtus; fraus tua, non tua Laus.

Слово *Палиндромонѣ* составлено изъ *пали* назадъ, и *дромосъ*, бѣгущій.

ПАЛИНОДЪ. Пѣснь духовная, которую сочиняли прежде въ честь Богоматери.

ПАЛИНОДІЯ. Ошрицаніе, опширательство опъ того, что прежде самъ авторъ говорилъ. Пѣшь Палинодію, *Palinodiam canere*, значитъ отешупать опъ прежнихъ своихъ словъ. Происходитъ опъ *παλι* назадъ или снова, и *ὠδῆ* пѣснь; по Латинѣ *Recantatio*.

Первую *Палинодію* приписываютъ Спезихору. Говорятъ, что онъ какою-то поэмою оскорбилъ Елену. Каспоръ и Поллуксъ всшупились за сестру свою и лишили его зрѣнія; для возвращенія онаго Спезихоръ долженъ былъ написашъ другую поэму въ похвалу Еленѣ — долженъ былъ по необходимости *пропѣть Палинодію*.

ПАНЕГИРИКЪ. Похвальное слово, или стихошвореніе, прославляющее достоинства и добродѣтели. Авторъ, написавшій оное, называется *Панегиристъ*, а сочиненіе *Панегирическимъ*, или *Епидиктическимъ*, или наконецъ *Придиктическимъ*, ибо сіи три слова означаютъ одно и шже.

ПАНЕГИРИЧЕСКІЙ см. *Панегирикъ*.

ПАНКРАТОВЪ размѣръ. Спихи сіи состоятъ изъ двухъ хореевъ съ однимъ долгимъ слогомъ. На пр.

Auctor optimus — o — o —

Nulla jam fides —

Φεύγε λαιδωρῶν —

Какой Панкрапъ былъ изобрѣшпелемъ сихъ спиховъ и когда именно жилъ онъ— неизвѣсно.

ПАНТОМИМА. Языкъ дѣйствія, искусство говоришь глазамъ, нѣмое выраженіе.

У Римлянъ назывались *Пантомимами* актеры, кошорые однѣми пѣлодвиженіями, безъ рѣчей, выражали спрасши, характеры и даже происшествія.

Зосимъ, Свида и многіе другіе относятъ изобрѣшеніе *Пантомимы* ко времени Августа; по крайней мѣрѣ извѣсно, что при семь Императорѣ, спраспно любившемъ такой родъ предспавленія, находились два славные Пантомима *Пиладъ* и *Бафиллъ*. Первый опличался въ предспавленіяхъ трагическихъ, а послѣдній въ Комическихъ.

Хотя и Греческія пляски также были выразишельны, но Римляне первые начали изображать въ *Пантомимахъ* цѣлыя происшествія, заключающія нѣкошорое проспанство.

Достойно замѣчанія, что *Пантомимы*, также какъ и другіе актеры, имѣли на себѣ маски; слѣдовательно лице ихъ не могло участвованъ въ изображеніи спрасней и характеровъ.

Причины, по копорымъ древніе предпочипали маски ошкрытому лицу, были слѣдующія: 1) что Амфишеатры ихъ содержали покрайней мѣрѣ шесть тысячъ зришелей, и что актеры принуждены были въ *разговорныхъ* представленіяхъ употреблять нѣкоторый родъ шрубы для сильнѣйшаго произнесенія словъ: съ маскою это было не примѣшно. 2) Что въ опдаленіи, движенія лица и глазъ не были бы видны и безъ маски—а сіи всегда дѣлались нѣсколько болѣе обыкновеннаго лица съ выразишельнѣйшими чертами.

ПАРАБОЛА. Припча, повѣсшвовательная Аллегорія.—См. *Басня*.

ПАРАГОГЪ. Вспавка, прибавленіе — шрепій родъ Метапласма. (См. *Метанласмъ*). Соспоишь въ перемѣнѣ слова чрезъ прибавленіе одной или нѣсколькихъ буквъ, какъ на пр. *amarier, dicier* вмѣсто *amari, dici*; *egomet, tute, hicce* вм. *ego, tu, quis, hic*. — Въ

древнихъ Русскихъ спихахъ встрѣчающіяся *вставки* въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ: гдѣ бы слѣдовало окончанію бышь на *ьмиб*, *ихб*, *ой*, тамъ употреблялись *ьмиб*, *іехб*, *ья*, и пр.

И шѣмъ попамъ всѣмъ соборнымьмиб....

И Русскихъ богашырей могутіехб....

Ко тоя ко церкви ко соборнымь....

Парагогб, *παράγωγη*, *deductio*, начало, производсво; опть *παρεῖ* и *αυω*, *disco*—перепроизводсво, перемѣна.

ПАРАДЪ. Такъ называется у Французовъ нѣкошорый родъ шупочной комедіи или *фарсы*. Парадъ можно причислишь къ комедіямъ, именуемымъ у Римлянъ *plautariae* и *tabernariae*.—См. *Комедія*.

ПАРАФРАЗИСЪ. Въ Ришорикѣ шропъ предложеній: еспъ предсшавленіе многими рѣченіями шого, чшо однѣмъ или немногими изображено бышь можешъ. На пр: *храбрый раззоритель Карфагена* вм. *Сципіона*.

Къ сосшавленію *Парафразисовб* могутъ служишь слѣдующія правила: 1) когда къ существшительному придаешся приличное

прилагательное, и оное перемѣнивъ на существительное же, первое изъ нихъ положиши въ родительномъ падежѣ или перемѣниши въ прилагательное на пр. в.м. села, *безмолвіе селѣ* или *безмолвіе сельское*; 2) когда глаголь преложишся на имя, а съ нимъ поставишся иной глаголь къ тому приличной: *вѣ страхѣ привести* в.м. успрашишь; *обагрить кровію* в.м. окровавишь; 3) когда имя полагаешся въ родительномъ падежѣ съ другимъ именемъ, произведеннымъ отъ глагола къ первому принадлежащаго. На пр: *теченіе воздуха* в.м. вѣпра; *разлученіе съ жизнію* в.м. смерпи; *ночное успокоеніе послѣ трудовѣ* в.м. сна; 4) чрезъ мешафору, когда имя полагаешся въ родительномъ падежѣ съ другимъ именемъ значащимъ подобіе, или въ прилагательное перемѣняешся, на пр: *юность лѣта* в.м. весны, *старость дня*, в.м. вечерь, *волненіе мыслей* в.м. сомнѣніе; *волнистыя поля Балтійскія* в.м. Балтійскаго моря.

ПАРОДИЯ. Слово *Пародія* есть Греческое: *παρωδια* или *παρωδιῆ* сосставлено изъ предлога *παρά* чрезъ (пере...) и существительнаго имени *ᾠδή*, пѣснь, пѣніе (перепѣснь.)—Сіе соединеніе производишь въ од-

но время поняшіе о сходствѣ и объ опи-
сани, шакъ что чрезъ глаголь *παρωδείν* мож-
но разумѣть, по словопроизведенію, сочи-
неніе такихъ стиховъ, копорые уподоб-
ляясь другимъ стихамъ въ размѣрѣ, разли-
чающся съ ними въ смыслѣ и въ предме-
сѣ, къ копорому относяшся.

Греческіе и Латинскіе Риторы пола-
гали нѣсколько родовъ *Пародіи*. Цицеронъ
почти всѣ означилъ въпомъ мѣстѣ впо-
рой книги объ Орапорѣ, гдѣ показывается
испочникъ и правила замысловатой шу-
ливосши. Можно, говоритъ онъ, съ пріят-
носшію включашъ въ своемъ сочиненіи пол-
ный стихъ или полстиха, взятыя изъ
другаго поэта, съ малою перемѣною, или
совсѣмъ безъ перемѣны.

Пародія бываетъ :

1. Когда во взяпомъ стихѣ перемѣ-
няешся одно слово и чрезъ то раждается
другой смыслъ. Слѣдующіе стихи изъ Кор-
нелева Сиды всѣмъ извѣстны :

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce que
nous sommes,
Ils peuvent se tromper, comme les autres hommes.

Небольшая перемѣна въ нихъ сдѣлала
перемѣну и въ смыслѣ :

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce que
 nous sommes
 Ils se trompent en vers, comme les autres hommes.

Вошь переводъ обоихъ стиховъ, при-
 водимый единственно для показанія раз-
 носши въ подлинникѣ :

Велики хощь Цари, но намъ во всемъ подобны;
 И къ заблужденіямъ, какъ люди всѣ, способны.

Пародія же имѣеть такой смыслъ :

Велики хощь Цари, но намъ во всемъ подобны,
 И къ заблужденіямъ въ стихахъ они способны.

2. Иногда перемѣна одной буквы про-
 изводитишь *Пародию*. Капшонъ, говоря о Мар-
 кѣ Фулвіи, перемѣнилъ его прозвание *Nobi-*
lior, благороднѣйшій, въ *Mobilior*, непоспоян-
 нѣйшій, самый перемѣнчивый.

3. Приведеніе нѣсколькихъ извѣстныхъ
 стиховъ, или одного изъ нихъ, безъ вся-
 кой перемѣны, составляло шрепій родъ
Пародіи. — Въ Трагедіи А. П. Сумарокова
Гамлетъ, пришедшая въ разкаяніе Гершпру-
 да говоришь въпорому своему супругу :

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
 Того прошивна дня, какъ шы на пронъ возшелъ,

Тѣхъ пагубныхъ минушъ, какъ честь я потеряла
И на супружню смерпъ *нетронута* взирала.

Ломоносовъ, копорому послѣдній стихъ не понравился, ошъ поняшя заключающагося въ словъ *нетронута*, сдѣлалъ изъ него самое Саширическое унопробленіе. — См. Разсужденіе о шаромъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. сшран. 149.

Аристофанъ изъ одного стиха Еврипидовой Трагедіи *Ипполитъ* сдѣлалъ Пародію въ своей Комедіи *Лягушки*. Ипполитъ, копорому кормилица Федры объявила сшраспъ къ нему сей Государыни, приходипъ въ ужась и объявляетъ негодованіе; кормилица напоминаетъ ему клятву его, не сказывашъ никому о сей шайнѣ; Ипполитъ ошвѣчаетъ: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ толъ цгастія* (Ипп. стх. 612). Аристофанъ нашелъ сей стихъ прошивнымъ нравспвенности. Онъ предспавилъ въ означенной Комедіи Бахуса, копорый, желая доставишъ Афинянамъ хорошаго Трагическаго писателя, нисходипъ въ адъ для шого, чшобы вывешп ошшуда Есшила, или Еврипида. Оба Трагика спорашъ между собою; наконецъ Еврипидъ напоминаетъ Бахусу, чшо онъ обѣ-

щаль возврашншь его въ Афины, и Бахусъ опвѣчаетъ: *Языкѣ мой далѣ клятву, а сердце не брало въ толѣ участія.* (сшихъ 1513.) Я избираю Есхила.

4. Еще находишь въ Аристофанѣ, въ Діонисіи Галикарнаскомъ и въ Ефесціонѣ чепвершый родъ Пародіи, соспоющій въ писаніи сшиховъ во вкусѣ и слогомъ извѣспныхъ худыхъ сшихопворцевъ.

Г. Николевъ сочинилъ двѣ оды въ подражаніе слогу Тредіаковскаго. Здѣсь помѣщающся нѣкоторыя спрофы:

Сколько дивишься вдругъ спанешь прилично,
Видя Фелицей прославленный вѣкъ!
Вѣкъ, въ коемъ шако предиворазлично
Даръ свой для пользы спремилъ человекъ.

О лѣпомудра богиня Фелица!
Выше дѣлами шы Фебскихъ высопъ;
Всѣмъ неизключно сердцамъ шы Царица,
Сердцемъ родаяся красивѣй красопъ.

Толѣ 4. стр. 10.

Гордый Сулшане! мрачный владыко!
Что не въ причину шако кушилъ?
Тя-ль не постигло бѣдспво велико?
Турчу ли нынѣ Русь не скрушилъ?

Ну же быспренько вонъ изъ Европы!
 Съ вольною волей менѣ бѣды.
 Иль ты загонишь Русь въ Ефіопы!
 Ей, преупруглый! жди сей чреды.

Голѣ 4. стр. 3.

5. Наконецъ послѣдній и главный родъ *Пародіи* естъ сочиненіе, написанное по расположенію другаго *извѣстнаго* шворенія, съ обращеніемъ на другой предметъ, и съ произведеніемъ, чрезъ перемѣну нѣкошорыхъ выраженій другаго смысла. Древніе наиболѣе говорящъ о семъ родѣ *Пародіи*.— Такова на примѣръ *Пародія* стиховъ Державина на рожденіе въ свѣрѣ Порфиророднаго отрока, обращенная къ одному сочинителю, въ кошорой между прочимъ шо мѣсто, гдѣ слѣшающся геніи и предвѣщающъ Августѣйшему младенцу будущее, передвѣлано шакимъ образомъ:

Будешь, будешь сочинишель
 И чипашелей ширанъ ;
 Будешь нѣкогда учишель,
 Будешь долго Капишанъ ;
 Будешь, и судьбы гласили ,
 Росшомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ ;
 Часть. II.

Спарцы всѣ шупь повпорили,
Будешь вѣкъ ходишь пѣшкомъ и пр.

Таковы же и слѣдующіе опшрывки изъ Трагедіи въ одномъ дѣйствіи подь названіемъ *Прелеста*, служащей *Пародією* вшпоряго дѣйствія Трагедіи Г. О ерова *Дилитрій Донской*. Содержаніе: машь *Прелесты* предь смертію своею обѣщала выдать ея за *Любезина*, въ коншораго и сама *Прелеста* влюблена; онецъ желаетъ выдать *Прелесту* за *Мерзона* и для бракосочетанія привезъ ея на ярмарку. Трагедія оканчивается пѣмь, что *Любезинъ* закололъ своего соперника, и взялъ подь спражу.

Я в л е н і е 1.

Прелеста и Груша.

Груша.

Какое зрѣлище! какъ души пронетъ сильно!
Средь ярмарки, гдѣ споль народу изобильно,
Куда всѣ съѣхались для танцевъ и игры,
Ошъ вашей свадебки умножатся пиры,
И наша улица ошъ плошекъ озарится.

Прелеста.

Нѣтъ, Груша! никогда сей бракъ не совершится.
 Спаканичковъ, свѣчей и плошекъ яркій свѣтъ
 Покажешь вѣчнаго дѣвичества обѣтъ

И будетъ лишь зарей желаннаго спокойства.

Приѣздъ на ярмарку послѣдній долгъ покорства,

Я коимъ башюшкѣ обязана была.

Но руку чшобъ мою Мерзону въ храмъ снесла,

И памо кляпвою съ душою несогласной

Я бѣ ушвердила бракъ для обоихъ несчастной;

Сказалабъ, чшо люблю, чшо буду ввѣкъ любить,

Какъ сердце о другомъ не преспаешь твердить,

Когда Любезина сіе мнѣ сердце спраситно

Не преспаешь являшь повсюду и всечасно...

Нѣтъ, съ голоду умру, повѣшусь я скорѣй,

Чѣмъ кляпвою солгашъ предъ небомъ и землей,

И произнесъ ея во мнѣ не будетъ силы.

Въ обишель пихую, подобіе могилы,

Въ деревню удаюсь.... ахъ! лучше шкашь и

..... прясшь!

Груша.

Повѣрьте, чшо нигдѣ не покидаешь спрасить.

Амуръ и по избамъ, какъ по черногоамъ, бро-

дишь.

*

Но будыше веселѣй, Любезинъ къ вамъ под-
ходишь.

Прелеста.

Какъ страшно для меня сказать ему опказъ!

Я в л е н і е з.

Тѣ же и Любезинъ.

Любезинъ.

Прелесту вижу я! и сей свиданья часъ
Печалень, молчаливъ, и насъ онъ упомляешь,
Тебя моимъ очамъ смущенною являешь!
Такъ нѣшь сомнѣнія? отвергнушь пламень мой?
Проспишься я пришелъ — скачу сей часъ до-
мой . . . и пр.

*

Изобрѣшашелемъ *Пародіи* почитаюшь
Иппонакса, жившаго около 540 лѣтъ до
Христіанскаго счисленія. Иные, согласно
съ Афинеемъ, приписываюшь чesъ сію
Архилоху, а другіе Гегемону, жившему на
Фазосѣ, оспровѣ Егейскаго моря, около 88
Олимпіады. Гегемонъ прославился наиболѣе
своею *Гигантомахіею*. — Надлежишь замѣ-
шишь, что ни одинъ поэтъ не былъ споль-

ко пародированъ, какъ Гомеръ; собственную его *Ватрахоміомахію* (поема, война мышей съ лягушками) почипають *Пародію* нѣкопорыхъ мѣспъ *Иліады* и *Одиссеи*. Тимонъ, написавшій чешыре книги *Пародій*, браль основаніе оныхъ изъ швореній сего великаго поэта. Онъ жестоко нападалъ на философовъ того времени и сравнивалъ ихъ съ шѣми пещерами, въ коихъ Эоломъ заключены были вѣспры: они, говорилъ Тимонъ, сущъ пузыри, надутые пущыми мыслями. И вошь какимъ образомъ сдѣлалъ онъ въ одной своей *Пародіи* призываніе, въ подражаніе началу *Иліады*: повѣдай мнѣ, Муза, кпо воспламенилъ между ними (философами) сію ужасную войну? Богиня Эхо, раздраженная людьми *молгаливыли*, разсѣяла повсюду болѣзнь многогрѣчія; сія страшная болѣзнь большую часпъ изъ нихъ погубила. — *Пародіи* Тимона были называемы *Силліями*, *Silli*, опъ введенія въ нихъ *Силена*.

Предметомъ *Пародіи* должно бышь непременно извѣстное швореніе. Въ подражаніи надлежитъ сохраняшь вѣрность и точность; шушки должно упошребляшь съ бережливостію и такимъ образомъ, чпобы онѣ казались непринужденными: шуш-

ки на лице пародируемаго автора не терпимы. Также надлежишь оснерегаться площадныхъ и неблагоприспойныхъ выражений.

Пародія должна заключать въ себѣ пріятность и пользу, какъ и всѣ прочія оспрали поэзіи;—иногда она выспавляетъ на позоръ подверженное осмѣянію; иногда выказываетъ ложныя красоты какого либо сочиненія; открываетъ глаза автору, ослѣпленному самолюбіемъ и лестию, и чрезъ то способствуетъ къ его исправленію; иногда же служишь къ одному только увеселенію чашапеля, ибо случается, что пародируемое сочиненіе не имѣетъ такихъ недоспашковъ, кои бы заслуживали малѣйшее порицаніе — каковы на примѣръ вышеупомянутыя стихи Державина.

Прим. Иные несправедливо принимаютъ за Пародію шѣ сочиненія, кои называютъ *выворотенными на изнанку*, какъ на примѣръ *Енеиду*, преложенную такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ *Скаррономъ*, а на Русскомъ *Осиповымъ* и *Кошелевницкимъ*. Сей *выворотъ на изнанку* есть не иное что, какъ описаніе шупочнымъ слогомъ шѣхъ происшествій, кои прежде описаны были слогомъ высокимъ; а *Па-*

родія, какъ видно изъ приведенныхъ въ сей спашь примѣровъ, состоишь наиболѣе въ примѣненіи того же сочиненія къ другимъ происшествіямъ, съ перемѣною нѣкопрыхъ выраженій, и попому должно заключишь, что *изнанка* не ешь *Пародія*, да и древніе объ ономъ родѣ сочиненій ничего не упоминаюшь.—См. *Изнанка*.—Выворощъ на изнанку ешь произведеіе новѣйшихъ времениъ.

ПАСТОРАЛЬНЫЙ. — См. *Пастушескій*.

ПАСТУШЕСКІЙ. Pastoralis. Пастушеская, Буколическая или Пасторальная поэзія, ешь подражаніе сельской жизни, представленное со всѣми возможными припнностями.

Пасторальныя сочиненія даюшь имена *Идиллій* и *Еклогъ*.—(См. *Еклога*, *Идиллія*, также *Буколическій*.)—Правила объ *Идилліи* и *Еклогъ*, вмѣстѣ взяпя, соспавяшь все нужное для познанія свойствъ Пасторальной или Буколической поэзіи.

Изобрѣшашелемъ сей поэзіи почитаюшь пашуха *Дафниса*; иные приписываютъ сіе изобрѣшеніе *Буколію*, старш:

му сыну Лаомедона; другіе *Оресту*, во время бѣгства его въ Сицилію, иные *Лакедемонянамъ*, иные *Аполлону*, когда онъ по изгнаніи съ неба пасъ у Царя Адмеша спадю, и наконецъ *Меркурію*. Домашъ въ описаніи *Виргиліевой* жизни упоминаешъ о множествѣ подобныхъ мнѣній, не имѣющихъ нималѣйшаго доказательства. И такъ ограничимъ спашью сію сказаніемъ о древнихъ и новыхъ писателяхъ, наиболѣе прославившихся *пастушескими* сочиненіями.

Феокритъ первый началъ писать въ семь родѣ. Онъ родился въ Сиракузахъ за 280 лѣтъ до Р. Х. — Описывалъ въ *Идилліяхъ* своихъ просную и пріятную природу. Въ его швореніяхъ можно видѣть самыя лучшіе характеры для пастушеской поэзіи. Стихи его исполнены прелестнѣйшихъ изображеній и особенно оплечающа споль пріятною для слуха плавностію, что даюшъ ему неоспоримое преимущество предъ всѣми другими Пастуральными писателями.

Мосхъ и *Віонъ* явились на семь поприщѣ слуспя нѣсколько времени послѣ *Феокрита*. Первый прославился въ Сициліи, а другой въ Смирнѣ, что въ Іоніи.

Судя по малому числу сочиненій, оспавшихся послѣ *Мосха*, можно сказать, что онъ далъ *Еклогъ* новое образованіе, начавъ употреблять въ ней болѣе искусства и менѣе небрежности; по чему кажется, что ежели онъ писалъ и въ одномъ родѣ съ *Феокрипомъ*, то по крайней мѣрѣ того же рода въ особенномъ видѣ. Его *Идиллія похищеніе Европы* заслуживаетъ всеобщее удивленіе.

Віонъ еще болѣе удалился отъ *Феокрипа*, нежели *Мосхъ*; въ его сочиненіяхъ вездѣ видно желаніе нравиться; даже иногда съ принужденіемъ.—*Могила Адониса*, изящнѣйшее его твореніе, имѣетъ нѣкоторыя *Анпипезы*, сославляющія только одну игру ума.

Сравнивая сихъ *Греческихъ поэтовъ* можно сказать, что *Феокритъ* описывалъ природу проспую и описывалъ съ небрежносною; что *Мосхъ* въ изображеніяхъ своихъ старался употреблять искусство, а *Віонъ* украшалъ природу. У *Феокрипа* *Идиллія* въ лѣсу или на зеленомъ лугу, у *Мосха* въ городѣ, у *Віона* почти на шепрѣ.

Виргилій родившійся близъ *Манпуи* за 70 лѣтъ до Р. Х. прославился также пашушескими сочиненіями. Изъ всѣхъ *Ла-*

шинскихъ поэзовъ онъ одинъ опличился въ семь родъ: онъ съ успѣхомъ подражалъ Феокрипу.

Калпурній и *Нелезіанъ* славились Пасторальными произведеніями въ царствованіе Діоклипіана; одинъ былъ Сициліанецъ, другой Карфагенецъ. Они не могли сравниться съ *Виргиліемъ*.

Изъ новѣйшихъ опличились наиболѣе Пасторальными швореніями: во Франціи *Раканъ*, жившій при *Лудовикѣ XIII*, послѣ него *Сегре*, но госпожа *Дезульеръ*, (родившаяся въ Парижѣ въ 1633 году), превзошла обоихъ.—Въ Германіи извѣстенъ *Геснеръ*.—На Русскомъ языкѣ болѣе прочихъ произведеній въ семь родъ заслуживають общее уваженіе два перевода *Еклогъ* *Виргилія*, одинъ *Воейкова*, а другой *Мерзлякова*. (У послѣдняго помѣщены и нѣкопорыя Пасторальныя произведенія вышепоказанныхъ *Греческихъ* писателей, его перевода); *Идилліи* *Г-ж. Дезульеръ*, переведенныя *Мерзляковымъ* же и *Идилліи Панаева*, изданныя въ 1820 году.—См. *Идиллія*.

На *Италіанскомъ* языкѣ находящя двѣ *пастушескія* повѣспи, *Favelle pastorale*: 1) *вѣрній пастухъ*, *il pastor fido*, написанная *Гвариніемъ*, 2) *Аминта*, *Aminta*, сочи-

ненная Торквашомъ Тассомъ.—Дабы познакомишь чишашелей съ сими произведеніями, предлагаея здѣсь начало послѣдней повѣсти, переведенное съ подлинника :

Дафна и Сильвія.

Дафна.

Еще ли, Сильвія, ты въ юности пвоей
 Отъ удовольствій будешь удаляться?
 Не хочешь именемъ супруги украшаться,
 Ни видѣть миленькихъ дѣшей,
 Рѣзвящихся передъ шобою?
 Ну, посовѣшуйся прилѣжнѣе съ собою!
 Пора обычай свой тебѣ перемѣнишь!
 Къ чему годишься жизнь такая?

Сильвія.

Пріяшностямъ любви пусшь слѣдуешь другая,
 Когда пріяшности въ ней можно находишь;
 Моя забава: съ лукомъ и спрѣлами
 Преслѣдовать звѣрей
 И сильныхъ повергаешь рукой моею.
 Или—скажу тебѣ коропкими словами:
 Покуда звѣри ешь въ лѣсахъ
 И спрѣлы у меня для лука —
 Не будешь мнѣ извѣсна скука.

Сильвія.

Когда въ разкаяньи, со вздохомъ и слезами
 Я буду говоришь такими же словами—
 Къ источникамъ своимъ всѣ рѣки пошекушь,
 Опъ агнцовъ волки побѣгушь
 И зайцы робкіе погоняшся за псами,
 Медвѣдь на днѣ морскомъ берлогъ свой за-
 ведешь,
 Дельфинъ—на горы жишь пойдешь.

Дафна.

Я знаю, молодосць не смошришь на совѣшты!
 И я была въ такія лѣшты,
 И у меня бываль шакой же цвѣшть волосъ,
 Румянецъ на успахъ, въ щекахъ пріятность
 розъ
 Съ лилеями соединялась.....
 Но чѣмъ же, глупая, шогда я занималась?
 Точила стрѣлы я, иль рядъ сѣшей
 Пригошовляла на звѣрей,
 Искала ихъ жилищъ, по ихъ слѣдамъ гонялась!
 А ежели какой нибудь пасхухъ
 Посмошришь на меня, шо вдругъ
 Съ досадой и спыдомъ глаза я пошупляла,
 Сердилась, чшо собой плѣняла,

Какъ будшобъ кшо нибудь поспавиль мнѣ виной,
Когда люблюшя моею красошой! —

Но все со временемъ проходишь.

И, ахъ! къ чему

Любовникъ хипрый не приводитъ!

Опкроюсь я шебѣ какъ другу мрему:

Увидѣла себя я скоро побѣжденной,

И—знаешь ли оружіемъ какимъ?....

Слезами, вздохами, покорносью смиренной.

Я уступила имъ!

Тогда я разцвѣла душою,

Тогда узнала я, сколь я слѣпа была

Съ моею простотою!

Я Циншю и лукъ и спрѣлы опдала

И не хотѣла жишь, какъ прежде.—

О Сильвія! могу я бышь въ надеждѣ,

Чшо ненависть швою Амипть поуменьшишь,

И раноль, поздно ли, смягчишь

Упорное швое сердечко.

Жестпокая! скажи, скажи одно словечко:

Собой ли онъ не миль? не любишь ли шебя?

Иль опдаешъ другимъ себя

Твоей жестпокости въ опмщенье?

Иль ниже швого

Имѣетъ онъ происхожденье?

Объ этомъ ты сказать не можешь ничего.

Тебѣ отецъ Сидинъ, котораго родилель

 Быль богъ ручья сего;

Аминпа же отецъ Сильванъ, а у него

Отецъ былъ Панъ—и богъ и покровитель

 Всѣхъ нашихъ пастуховъ.

Взгляни ты въ зеркало прозрачныхъ ручейковъ!

Увидишь, что тебя не хуже Аммарила;

Она давно уже Аминпа полюбила,

Его ласкаешь все, а онъ бѣжитъ отъ ней—

 Къ несносной грубости твоей!

И такъ предсавь себѣ—но я молю всевѣчныхъ,

Чшобъ это никогда съ тобою не сбылось—

Предсавь, что если бы Аминпу привелось,

Озlobясь отъ твоихъ отказовъ безконечныхъ,

Влюбисья наконецъ въ соперницу твою,

 Которая его такъ любитъ спрасшно,

Не будешь ли тогда винить судьбу свою?

И не покажешся ль себѣ ужасно,

Когда въ ласкающихъ объятіяхъ другой

Онъ будешь, Сильвія, смѣяться надъ тобою?

Сильвія.

Пускай и чувствами и даже самъ собой

 Какъ хочешь онъ располагаетъ;

Мнѣ эшо все равно. Не будучи моимъ ,
 Пускай принадлежишь, кому онъ самъ желаетъ!
 Ему и бышь моимъ нельзя—за шѣмъ, чшо имъ
 Владѣшь я не хочу; и если быг владѣла,
 Ему принадлежашь погдабъ не захошѣла.

Дафна.

Какая ненависть! и ошъ чего?

Сильвія.

Родилась—ошъ любви его. *и проч.*

Оригинальнымъ же на Русскомъ языкѣ въ семь родѣ произведеніемъ мы имѣемъ написанную Графомъ С. П. Салтыковымъ паспушескую повѣсть въ шрехъ пѣсняхъ, подъ названіемъ *Нина*. Содержаніе самое простое: *Нина*, пашнадцатилѣтняя дѣвушка, видишь во снѣ Купидона, который возраждаетъ въ ней любовь. Она пробуждается ошъ пѣсни влюбленнаго въ нее паспушка Дельфиза—подходитъ къ окошку—взоры ихъ вспрѣчающся—и взаимная любовь увѣнчивается неразрывнымъ союзомъ. Авторъ замѣнилъ проспошу содержания пріятнѣйшими описаніями, вѣрнымъ изображеніемъ чувствованій и, можно сказать, украсилъ избранными цвѣтами поэзіи.

Здѣсь помѣщается нѣсколько опривковъ.
— Вошь начало поэмы :

Не главъ увѣнчанныхъ державу
И не героевъ пышну славу,
Пою любовь и Нину я.
Моя негромогласна лира
Концевъ не попрысаетъ міра;
Но тихой, помной звукъ ея
Въ сердцахъ единыхъ раздаешя,
И по . . . въ чувспвишельныхъ сердцахъ.
На легкихъ мысль моя крылахъ
Не къ солнцу, какъ орель, несешя ;
Но по смѣющимся лугамъ,
По рощамъ носишя, полямъ,
Куда изъ града убѣгаюшъ
Невинность, простота, любовь,
И въ видѣ юныхъ паспуховъ
Спада на паспву выгоняюшъ

Описаніе сна прелеспной Нины начинаешя
сими спихами :

Зефиръ съ подругою своею
Пяшнадцапой лишь разъ для Нины
Цвѣшами испесприль долины.
Амуръ во снѣ явился ей
Часть II. 23

Пока пернатую спаницу
 Будила упрення заря,
 И въ золотую колесницу
 Часы для дневнаго Царя
 Коней крылапыхъ запрягали,
 На островѣ ей мнилось бышь,
 Межъ розовыхъ кустовъ ходишь,
 Гдѣ въ пущь Амуры ей бросали
 Пучки яминовъ и лилей,
 И передъ ней какъ рой лешая,
 Твердили всѣ не прешавая:
Мила, мила, всего милѣи!
 Пріяннымъ сномъ обворожена,
 Пасшущка видишь изумленна
 Трехъ дѣвъ прекраснѣйшихъ собой:
 Онѣ къ ней руки проспирающъ,
 Ее съ улыбкой называютъ
 Своей подругой дорогой,
 И каждая вѣнокъ сплѣщенный
 Изъ свѣжихъ розъ ей подаетъ.
 Вдругъ слышишь голосъ оцдаленный,
 Какъ будто кто ее зоветъ,
 И Эхо впоритъ: Нина! Нина!
 И ужъ Амуровъ половина
 Съ ней въ миршовой лѣсокъ лещишь;

Другая жь вокругъ ее порхаешь,

Купидонъ , убѣждая Нину къ любви ,
говоришь :

. Но счастье на шоль дается,
Одной чшобъ наслаждаешься имъ?
Нѣшь, чшобъ дѣлишь его съ другимъ.
Оно съ небесъ на смершныхъ льется—
На смершныхъ избранныхъ однихъ.
Чшожь составляетъ счастье ихъ?
Не пасво шучное съ спадами,
Не злато, не серебро любовь!
Горитъ въ чшихъ жилахъ ея кровь,
Кшо награжденъ ея дарами,
Тому и малой холмикъ—шронъ,
Тому и рубище — порфира,
Цвѣшуще поле—царство міра,
А жизнь—швой настоящій сонъ.
Повѣрь мнѣ, чшо сначала вѣка
Влюбленный человекъ всегда
Былъ чшо-шо больше человека!

Оканчиваемъ выписку нашу скром-
нымъ и пріятнымъ разсужденіемъ Нины :

Бѣда мнѣ, Нина говорила,
Мнѣ кажешся, чшо я люблю,

Что вся я, какъ въ огнѣ, горю ;
 Бѣда мнѣ! Нина повторила.
 Я помню машушкину рѣчь :
 Она птвердила мнѣ всечасно,
 Что сердце надобно беречь,
 Что дурно, спыдно и опасно
 Не брата дѣвуцкѣ любить.....

ПАТЕТИЧЕСКІЙ. Иностранное слово
 сіе, *pathétique*, происходящее отъ Грече-
 скаго *πάθος* (спрасшь), употребляется
 иногда и въ Россійскомъ языкѣ, а по сему
 и пребуешь объясненія. Оно значить
страстный, или *возбуждающій страсти*.

Возбужденіе спрасшей можешь быть
прямое и косвенное.

Прямое: когда сообщаетъ душамъ слу-
 шателей такое же чувство, каковымъ са-
 ми исполнены—какъ по чувствіе любви,
 ненависти, мщенія, удивленія, жалости,
 страха и пр. такъ на примѣръ, супругъ,
 оплакивающій невозвратную потерю су-
 пруги. заснавляетъ и насъ плакать.

Косвенное: когда дѣлаемое впечатлѣ-
 ніе бываешь оплочно отъ своей причины.
На прил.: Ифигенія, убивающая отца сво-
 его въ предспоющей ей смерти, произво-
 дить въ насъ жалость.

Но первѣйшее средство, чрезъ копорое Орапоръ и поэтъ могутъ возбудить спрасши, соспоипть въ помъ, чпобъ они сами живо ощущали по, чъмъ хопятъ поспрасши наши души. Это правило Горація:

..... Si vis me flere, dolendum est

Primum ipsi tibi.

ПЕАНЪ, *παῖον*, *раean*. У древнихъ назывался симъ именемъ нѣкопорый родъ *Имна* или *Канта*.

Фукидидъ даетъ сіе названіе единственно *Имнамъ*, пѣшымъ въ честь *Аполлона*; однакожъ *Пеаны* были сочиняемы и во славу *Минервы*, *Марса*, *Плутона*. Въ *Самосѣ* пѣвали шаковой *Имнѣ* въ честь *Лизандра*.

Слово *Пеанѣ* имѣетъ начало опть одного происшесствія, переданнаго *Афинеемъ*, по сказанію *Клеарка*, ученика *Ариспошелева*. Онъ говоритъ, что *Лапона*, отпрапляясь съ *Евбейскаго острова*, проходила съ двумя своими дѣтьми *Аполлономъ* и *Діаною* мимо шой пещеры, въ копорой находился змій *Пифонъ*; чудовище тошово уже было напасъ на нихъ; *Лапона* схватила *Діану* на руки и кричала *Аполлону* *ἴε παῖον*, бей. Окреспныя *Нимфы* сбѣжались

къ нимъ и для ободренія юнаго бога, кричали также съ Лапоною *ἰε παῖαν*. Сіе слово сдѣлалось въ послѣдствіи припѣвомъ во всѣхъ Имнахъ Аполлону.

„*Пеанъ*, говоришь Державинъ въ своемъ разсужденіи о Лирической поэзіи, заимствовавъ содержаніе свое наипаче отъ Мифологіи, и особливо относился къ похваламъ, молишвамъ и побѣднымъ пѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и человѣковъ, но всѣ пропали. Полагаюшь, что болѣе сочинялъ ихъ Пиндаръ. Они суть пѣсни, выражающія крошкія чувства, вліянные единственно религіею. Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни извистій, ни глубокомыслія, происходящаго отъ разсудка. Они просты. Предметы ихъ: однѣ благодѣшельныя вліянія вѣры, испекающія отъ души чистой, спокойной, исполненной благочестія. Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность. Впрочемъ могушь Пеаны бысть и другаго содержанія, въ которыхъ любовь къ опечесшву, воинскіе подвиги и всякія гражданскія добродѣтели воспѣваюшся и ободряюшся. Для примѣра отъ древности намъ примѣровъ не оспалось; но одинъ похожій на

нихъ, помѣщенный у Гагедорна между Ско-
ліями, прилагаю:

О пы, чшо у рѣки Тришона
Узрѣвшая впервые свѣшъ,
Афинъ владычица, Паллада!
Храни сей градъ, гражданъ его
Ошъ бѣдъ, крамоль и ранней смерти,
И пы, опецъ сея богини!

Коль днесъ побѣдой увѣнчанный
Хочу шебя, о мать! воспѣшъ,
Плутона, и Цереру пѣсню —
Благословенна будъ и пы,
О дщеръ великаго Зевеса,
Богиня мрака, Прозерпина!
И обѣ сей блюдише градъ.

Въ Делосѣ нѣкогда Лапона
Двухъ чадъ произвела на свѣшъ:
Еленегонную Діану
И златовласа, свѣшла Фива.

О пы, Аркады покровишель,
Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
Хочочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
Въ слѣдъ нимфъ, и обрѣшашель ихъ

Въ сокрышьи опъ шебя—являйся,
 О Пань! средь нашихъ здѣсь ны пѣсней
 И бодръ всегда будь, свѣшль лицемъ.

Враговъ своихъ мы побѣдили,
 И по желанью поржешво
 Намъ нынѣ даровали боги.
 Такъ, шакъ, Афины! боги вамъ
 Опечешво днесъ Пандролены
 Приобрѣли въ безцѣнный даръ.,,

ПЕНТАКРОСТИХЪ. Родъ *Акrostиха*,
 съ шюю шолько разношюю, чшо въ *Пента-*
кростихѣ начальная лишера шпиха должна
 упошреблена бышь непременно въ шомъ
 же шпихѣ пяшь разъ.—*пeнтe* значить *пять*.
 —См. *Акrostихѣ*.

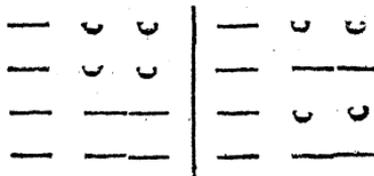
ПЕНТАМЕТРЪ. Шпихъ, сосшощій изъ
 пяши шпошь или мѣръ. Слово сие сосшаш-
 влено изъ *пeнтe*, пяшь, и *метpov*, мѣра.

У древнихъ *Пентаметрѣ* или *Дакшило-*
Спондеическій шпихъ обыкновенно сосшаш-
 вяемъ былъ шакимъ образомъ: первыя двѣ
 шпошы могли бышь или *Дакшили* или *Спон-*
деи, а двѣ слѣдующія за полусшишнемъ не-
 непременно *Дакшили*. Послѣ шпошь второй
 и чешвершой осшашся по одному слогу,

которыя и считающаея за пятую стопу,
на пр.

Tempora | si fue|rint|| nubila, | solus e|ris.

Пентаметрѣ, вмѣсто 32 измѣненій, свойственныхъ *Экзаметру*, имѣетъ только четыре измѣненія, потому что, какъ сказано выше, въ немъ перемежняющаея однѣ первыя двѣ стопы:

У древнихъ *Пентаметрѣ* былъ употребленъ вмѣстѣ съ *Экзаметромѣ* (см. сіе слово) въ *Елегіяхъ*, *Еписполахъ*, *Епиграммахъ* и другихъ мѣлкихъ сочиненіяхъ; однимъ же *Пентаметрѣ* древніе не писали.

Примѣръ *Экзаметра* съ *Пентаметромѣ* можно видѣть въ сей *Епиграммѣ*, переведенной съ *Латинскаго Г. Воспоковымъ*, съ сохраненіемъ размѣра подлинника:

Правымъ глазомъ Ванюша, Надинька лѣвымъ
не можешь;

Впрочемъ плѣняющъ они оба пригож-
спвомъ своимъ.

Ваня голубчикъ! опдайка сесприцѣ глазъ швой
здоровый:

Будешъ Венерой она—будешъ Амуромъ
слѣпымъ.

На Россійскомъ языкѣ *Пентаметру* сооп-
вѣспивуешъ стихъ *пятистопный*. — См.
сіе слово.

ПЕОНЪ, раeon. Стопа Лапинской и Гре-
ческой поэзіи: соспоишь изъ прехъ краш-
кихъ и одного долгаго слоговъ; ее упопре-
бляли въ Имнахъ Аполлону, называемыхъ
Пеаны,—См. *Пеанъ*.

Спихотворцы раздѣляютъ *Пеонъ* на
четыре рода:

Первый заключаешъ одинъ долгій и
три крашкіе слога, какъ на прим. въ сло-
вахъ colligere, *δαμναμενος*, нѣкѡшорій.

Второй соспоишь изъ одного крашка-
го, одного долгаго и двухъ крашкихъ, какъ
въ resolve, *εβδλετο*, мученіе.

Третій имѣешъ два крашкихъ, одинъ
долгій и одинъ крашкій, на пр: sociare, *λα-*
λεοντα. заревѣли.

Четвертый родъ изъ прехъ крашкихъ

и одного долгаго слога, какъ въ *temeritas*,
αυαμενον, соединишь.

ПЕРЕВОРОТЪ, переломъ, перипетія.
 —Когда при окончаніи поэмы Епической или Драматической случается такое происшествіе, которое неожиданнымъ образомъ перемѣняетъ счастье главнаго лица въ несчастіе, или несчастіе въ благополучіе: сіе называешся *переворотъ* или *перипетія*.—См. *Драма*, *развязка*.

Хотя бы рѣшишельный *переворотъ* заключалъ въ себѣ счастье или несчастіе, но чѣмъ будешь нечаяннѣе, шѣмъ совершеннѣе; особливо въ первомъ случаѣ, ибо ежели чипашели или зрители напередъ догадашься могутъ, что такое-шо дѣйствующее лице непременно избѣгнешъ своихъ бѣдспвій, шо не сполько уже могутъ чувспвовашъ къ нему жалоспи или состраданія.

ПЕРЕМѢНА. *Commutatio*. —Родъ Метампласма.—См. сіе слово.—Соспоить въ перемѣнѣ лишеръ слова, какъ на примѣръ у Виргилія сказано *olli* вмѣсто *illi*. — Въ нашемъ стихотворствѣ шаковыя перемѣны не вспрѣчаются.

ПЕРЕНОСЪ. Погрѣшность въ сложеніи шестистишныхъ, особенно Ямбическихъ, стиховъ; состоитъ въ томъ, когда недокончанный смыслъ въ одномъ стихѣ оканчивается *въ началѣ* послѣдующаго, не достигнувъ пресѣченія или когда, перейдя за пресѣченіе, прерывается не въ самомъ концѣ вѣрста стиха: опъ такого переноса дѣлается иногда два пресѣченія, двѣ остановки.

Въ слѣдующихъ стихахъ видны обѣ погрѣшности:

Невинность часно здѣсь подвержена бываетъ
Гоненію, бѣдствіямъ отъ сильныхъ; всякой
знаешь

Сколь могутъ сильные здѣсь способовать имѣть
Ко злу; невинности оспалось лишь перифтъ.

Въ такомъ случаѣ, когда смыслъ *непреломно* должно перенести въ послѣдующій стихъ, надобно стараться, чтобы онъ продолжился до конца вѣрста стиха, или по крайней мѣрѣ до пресѣченія. На пр:
Поди, любезная, и дома скорбь разсѣй
Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, звукъ
мечей

Зовешь меня на брань.....

Ты пѣжко воздохнешь и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою.....

Карамзинъ.

или :

Я признаюсь, мой другъ,
Что мой племянникъ правъ; но намъ о дѣлѣ
нужно

Поговоришь скорѣй.....

Кн. Шаховскій. Ком. Своя семья.

Однакожь сію вольность позволишельно упопрелять въ однѣхъ только легкихъ или шупочныхъ стихопвореніяхъ; но въ поэмахъ важныхъ надлежитъ избѣгать ее съ великимъ тщаніемъ, ибо ошъ шакого *переноса* стихи всегда почти дѣлаются слабыми, прозаическими. — Французы называютъ сію погрѣшность *Enjambement* и говорятъ *un vers enjambe sur un autre*, стихъ наступаетъ на стихъ.

Еще позволишельнѣе переноситъ недокончанный смыслъ въ стихѣ изъ одной строфы въ другую. Хотя сіе и дѣлали древніе стихопворцы, какъ на примѣръ Гораций—что можно видѣть изъ оды его къ Тулу Антонію, переведенной Г. Воспоковымъ нарочно съ сохраненіемъ всѣхъ

свойствъ подлинника ; здѣсь помѣщаются
двѣ спрофы

Всегда Дирцейскій лебедь равень ,

Легокъ въ паренѣи, неослабень

Держаться въ високахъ —

А я подоблюся пчелѣ, что на цвѣсахъ.

. . . . По лугу злачному гуляешь ,

Со многимъ щаньемъ собираешь

Изъ разныхъ медъ соковъ —

Тружусь надъ мѣлочнымъ сложеніемъ стиховъ.

Но шаковыя *переносы* въ новѣйшей поэзіи почищаются погрѣшностями. — См. *Лирическій и подражаніе*.

Примѣч. Въ однѣхъ полько произведеніяхъ Комическихъ, особенно въ часно прерываемомъ разговорѣ, позволишельно бываешь дѣлать переносы изъ стиха въ стихъ безъ соблюденія вышепоказанныхъ правилъ; но такое изключеніе не даетъ права на подобную вольность въ другихъ стихотвореніяхъ.

ПЕРІОДЪ. Періодъ есть рѣчь, выражающая совершенный и полный смыслъ. Ученіе о *періодахъ* принадлежитъ къ Ри-

порикѣ. — См. *Риторики* Ломоносова, Никольскаго и др.

ПЕРИПЕТИЯ см. *Переворотѣ*.

ПЕРИПЕТИЧЕСКІЙ. См. въ сп. *Драма* о развязкѣ.

ПИНДАРИЧЕСКІЙ.—См. *Ода*.

ПИРРИХІЙ. Слопа Греческой и Латинской поэзіи, состоящая изъ двухъ краткихъ слоговъ (υ υ), какъ на примѣръ въ словахъ *Deus, теа, Феот*. Въ Русскомъ для примѣра могутъ служить часпицы *пере, наи*, сложно съ другими словами употребленныя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей слово сіе происходитъ отъ *πύρριχῆ*, скорой пляски—въ сочиняемыхъ для копорой пѣсняхъ слопа сія болѣе прочихъ употреблялась; а имя пляски произошло отъ имени ея изобрѣтателя, Пирра Сидонскаго, или, какъ другіе полагаютъ, Пирра сына Ахиллесова.

Въ Русскомъ стихосложеніи *Пиррихій* не иначе можетъ быть употребленъ, какъ въ срединѣ словъ, потому что нѣтъ ни одного такого отдѣльнаго слова, копо-

рое, будучи сосставлено изъ двухъ слоговъ, не имѣло бы изъ нихъ одного долгаго. Когда же встрѣчается онъ въ другихъ сшопакъ, какъ на примѣръ въ Дакпилѣ (— ∪ ∪), или въ Анапестѣ (∪ ∪ —), то лишается своего названія. — *Пиррихій* производитъ большое разнообразіе въ сшпахъ Ямбическихъ. См. Ямбъ.

ПЛАНЪ. См. Расположеніе.

ПЛЕОНАЗМЪ. *Abundantia*. Когда въ рѣчи находишься какое нибудь слово, не нужное для содержащагося въ ней смысла, и когда сіе слово, будучи исключено, не уменьшаетъ въ смыслѣ нисколько ясности, то оное излишнее слово называется *Плеоназмомъ*. Въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ: *я видѣлъ моими глазами, я слышалъ моими ушами, я самъ пойду, слова моими глазами, моими ушами, самъ*, суть Плеоназмы, потому что если бы и не было ихъ, смыслъ нисколько бы не перемѣнился.

Слово Плеоназмъ взято изъ Греческаго языка. *Πλεονασμός* происходитъ отъ *πλεονάζειν*, *redundare, abundare, излишествовать*, и также *изобиловать*, а сіе имѣетъ корнемъ *πλέω*, полный. По сему Плеоназмъ значить

излишество, а въ другомъ случаѣ изобиліе, полноту.

И пакъ, ежели взять слово *Плеоназмъ* въ первомъ смыслѣ, то естъ принявъ за *излишество*, то можно будетъ почестъ его совершенною погрѣшностію; въ послѣднемъ же смыслѣ онъ соспавитъ Синтаксическую фигуру, копорою прибавляющъ въ изрѣченіи пакія слова, кои хотя и кажущя излишними по строгости Грамматической, но служащъ однакожъ *дополнительными* понятіями, или для бѣльшей ясности рѣчи, или для бѣльшей силы.

Въ изрѣченіи: *я видѣлъ это моими глазами*, слова *моими глазами* хотя и кажущя излишними, пошому что не иначе можно видѣть какъ глазами и припомъ своими; но сіе дополненіе придаетъ смыслу нѣкопоруую силу, и заспавляетъ разумѣть, что смолрѣли на вещь со вниманіемъ, и что говорящъ по собственному опыту. Слѣдовашельно шущъ *Плеоназмъ* нуженьи не естъ погрѣшность.

Примѣръ *Плеоназма*, опносящагося къ излишеству, то естъ принадлежащаго къ погрѣшности слога, можно привести сей стихъ изъ Россіады, въ описаніи Безбожія:

Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ.

Слово *темная* здѣсь совершенно излишнее; и безъ сего выраженія всякой чинапель могъ бы догадаться, что то мѣсто, куда *не входитъ свѣтъ*, должно быть *темное*.

И сіи опривки изъ разныхъ басень также принадлежатъ къ послѣднему *Плеоназми*:

На свадьбу ѣхала богашая карета,
Предъ нею съ факеломъ два вершника для
свѣта. —

Одинъ влюбился
Безумно какъ дуракъ. —

Два друга по саду гуляли,
Благоуханіемъ цвѣшны ихъ забавляли;
То было въ лѣтні дни —

Всѣ сіи выраженія для *свѣта*, *безумно*, *то было въ лѣтні дни* суть Плеоназмы, принадлежащія къ погрѣшностямъ.

ПОВТОРЕНІЕ. Repetitio. — Въ Рипорикъ фигура рѣченій: соспоишь въ пошь, когда одно слово или многія нѣсколько разъ въ періодѣ или въ продолженіи всего

сочиненія повшоряются. Бываетъ слѣдующихъ родовъ :

1. Когда въ началѣ каждаго стиха, или въ началѣ многихъ крапкихъ періодовъ одно слово повшоряется. На пр:

*Брега Невы руками плещуть ,
Брега Балтійскихъ водъ препещуть .*

или

*Тобой поспавлю судъ правдивый ,
Тобой сопру сердца кичливы ,
Тобой я буду злоспъ казнишь ,
Тобой заслугамъ мзду даришь .*

Ломоносовъ.

*Возрастай дитя прекрасно ,
Возрастай нашъ полубогъ !
Возрастай уподобляясь
Ты родинеямъ во всемя .*

Державинъ.

У Озерова въ Трагедіи *Фингалъ* :

О мужеспвенный Спарнъ ! ты зришь опятьъ
Фингала ,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала ,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь ,
Котораго сюда ведешь шеперь любовь .

2) Когда два и больше рѣченій повпоряются. На пр:
*Десница Господня сошвори силу, десница
 Господня вознесе насъ.*

или

Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецѣ глаголахъ, яко младенецѣ мудрспвовахъ, яко младенецѣ смышляхъ: егда же бѣхъ мужъ, ошвергохъ младенческая.

У Ломоносова:

Онѣ такѣ взираль къ врагамъ лицомъ,
Онѣ такѣ бросаль за Бельгъ свой громъ,
Онѣ сильну такѣ вносиль десницу

Херасковъ говоритъ въ Россіадѣ о великой ЕКАТЕРИНѢ:

*Придутѣ къ ней Цари, какъ въ древній Ви-
 флеемъ,*
 Не злато распочашъ, не зданіямъ дивишься;
Придутѣ къ ней Цари — но царспвовашъ
 учишься.

3) Когда на концѣ многихъ предложеній одно рѣченіе повпоряется:

Жалѣете о убиенныхъ прехъ воинспвахъ народа Римскаго? убилъ *Антоній*.
 Не спало у насъ именишыхъ гражданъ?

похипилъ *Антоній*. Упѣснена власть сего Сенаша? упѣснилъ *Антоній*.—*Цицеронъ*.

4) Когда одно рѣченіе въ началѣ, а другое на концѣ предложенія повпоряешся; На пр:

Кто законъ усшавиль? Рцллѣ. Кто у большей часпи народа опнялъ голоса въ совѣпахъ? Рцллѣ. Кто на сеймѣ былъ главнымъ? Рцллѣ.—*Цицеронъ*.

Или у Феофана Прокоповича въ рѣчи, произнесенной 21 Окшября 1717 года :

Кто наипервѣе попщался неборимыми регулярными крѣпоспьми оградити царство Россійское? *ПЕТРЪ первый*. *Кто* изобрѣше шоль крѣпкое и угодное расположение мѣста къ населенію сего царшвеннаго града? *ПЕТРЪ первый*. *Кто* его украшаешъ новосозидаемыми архитекшурными многокрасными зданіями? *ПЕТРЪ первый*. И пр.

5) Когда два рѣченія, кошорыя стояшъ вмѣстѣ, порознь повпоряюшся съ приссокупленіями :

Мудрый человекъ можешъ всегда плакашъ и смѣяшся: *сбѣяшся* какъ *Демокришъ* надъ глупоспію человекешкою; *плакатъ* какъ *Гераклишъ* о суешѣ сего міра.

Преосвященный Анастасій, въ словѣ на погребеніе Бецкаго, говоришь :

Онъ оставяетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ. *Вѣ имени?* написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота. *Вѣ дѣлахъ?* увѣнчанныхъ небесною славою. — См. *Усугубленіе*.

6) Когда повпоряются шѣ же самыя слова въ другомъ порядкѣ. — У Капписпа въ одѣ на *Счастіе* :

.... И все что въ мірѣ оживленно
Дань платитѣ счастью и любви. —
Все дань любви и счастью платитѣ!
 Лишь человекѣ.....

7) Когда слово въ одномъ періодѣ употребляется два раза, и въ послѣднемъ случаѣ съ пропивоположною мыслію, на пр. Онъ *привлекаетѣ* всѣхъ сердца не спрахомъ и неспрогосшію, но любовію и благонаравіемъ ихъ къ себѣ *привлекаетѣ*. — Сей родъ повпоренія часто употребляется въ священномъ писаніи :

На пущь языкъ не *идите*, и во градъ Самарянскій не *внидите*, *идите* же паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева. — Матѣ. 10. гл.

Любы долгошерпишь, милосердспвуешь; любы не завидишь, любы не превозносиш-

ея, не гордишься, не безчинствуешь, не ищешь своя си, не раздражаешься, не мыслишь зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ.—Коринф. гл. 15.

8) Иногда повторяется цѣлый стихъ безъ всякой переменны, и сіе немалую производить пріятность. Такъ у Карамзина въ сказкѣ *Илья Муромецъ* :

Время быспрою спрѣлой летишь,
 Часъ проходишь за минушами,
 И за упромъ полдень слѣдуешь —
Незнакомка спитъ глубококиль сноиъ.

Солнце къ западу склоняется;
 И съ Ефирною прохладою
 Вечерь сходишь съ неба яснаго
 На луга и поле чистое —
Незнакомка спитъ глубококиль сноиъ.

Ночь на облакъ спускается,
 И гущія шумы покровами
 Одѣваетъ землю шихую;
 Слышно ручейковъ журчаніе,
 Слышно эхо опдаленное,
 И въ кусточкахъ соловей поетъ —
Незнакомка спитъ глубококиль сноиъ.

У К. Долгорукаго въ стихахъ подъ названіемъ *Спорб* :

Лучь солнца грѣшетъ и пипаетъ ,
 Чшо можешъ бытъ его свѣплѣй?
 Онъ съ неба въ бездны проникаешъ . . .
„Все такб! да лнб луна милбй.

Когда весной оно проглянешъ
 И верхъ озолопипъ полей ;
 Все вдругъ цвѣспи, раждашься спанешъ . . .
„Все такб! да лнб луна милбй.

Огнемъ его живошворипся
 Вся связь еспешвенныхъ вещей ;
 Стихій душа имъ веселипся
„Все такб! да лнб луна милбй.

Съ какимъ желаньемъ шопъ, кшо боленъ
 Въ избѣ своей ждепъ ясныхъ дней!
 Увидипъ солнышко—доволенъ!
„Все такб! да лнб луна милбй. и пр.

ПОВѢСТВОВАНИЕ. Narratio. Повѣспво-
 ваніе еспъ изображеніе проишеспвій, какъ
 описаніе еспъ изображеніе вещей.

Повѣспваніе можешъ бытъ во вся-
 комъ родѣ поэзіи; но оно сосшавляешъ всю
 сущность поэзіи Епической.

Каковъ бы предметъ ни былъ, но поэтъ, кто рассказываетъ, имѣеть всегда обязанностью научать и удостовѣрять. По сему первыя правила *повѣствованія* суть ясность и правдоподобіе.

Повѣствованія можно раздѣлить на четыре рода: 1) повѣствованіе, употребляемое въ басняхъ или припчлахъ; 2) повѣствованіе историческое; 3) повѣствованіе пѣщическое, и 4) повѣствованіе орапорское или вишійственное.

Повѣствованіе, употребляемое въ басняхъ есть Аллегорическое изложеніе дѣйствія, приписываемаго обыкновенно живошнымъ. Оно должно быть кратко, ясно и правдоподобно; слога пребуеть простаго, веселаго; его украшенія состоятъ въ изображеніяхъ и описаніяхъ лицъ и мѣстъ; обороты его должны быть живы и разительны, выраженія смѣлы.—См. *Басня*.

Повѣствованіе Историческое есть вѣрное изложеніе истинныхъ происшествій; оно пребуеть слога яснаго — подобнаго обыкновенному разговору, съ приличными украшеніями.

Повѣствованіе Орапорское или Вишійственное есть та часть Орапорскаго слова, которая обыкновенно слѣдуеть послѣ

вступленія. Здѣсь позволипельно употре-
бляшь всёвозможныя украшенія, показы-
ваемые Риторикою.

Повѣствованіе Пинтикеское есть изложе-
ніе спихами истинныхъ или вымышлен-
ныхъ происшествій со всѣмъ блескомъ
Пинтикескаго искусства. Поэзія въ повѣст-
вованіяхъ своихъ сохраняетъ порядокъ со-
вершенно отличный отъ порядка исто-
рическаго. Повѣствованіе *Пинтикеское* на-
чинается иногда со середины происшеств-
вій, какъ будто бы читатель извѣстенъ
былъ уже о томъ, что происходило пре-
жде; иногда же почти съ конца происшеств-
вія—и тогда поэтъ оставляетъ говорить
о преждебывшихъ приключеніяхъ въ благо-
пріятнѣйшій для него случай. Такъ Еней
вдругъ удаляется отъ береговъ Сициліи;
онъ приближается уже къ Италіи, но бу-
ря увлекаетъ его въ Карфагенъ; тамъ на-
ходитъ онъ Царицу Дидону, которая же-
лаетъ знать о его несчастіяхъ; онъ раз-
сказываетъ ихъ, и чрезъ сіе средство
поэтъ имѣетъ случай объявить читате-
лю, что происходило прежде отъѣзда изъ
Сициліи.

Поэзія можетъ повѣствовать ирре-
образами. *Первый*: когда поэтъ самъ не

показываешься, а заспаваляешъ дѣйствова-
ванъ вводимыя имъ лица. *Вторый*: когда
поэтъ показывается, но не показывается
вводимыхъ имъ лицъ, ш. е. говоришь ошь
своего имени о дѣйствіяхъ сихъ лицъ.
Третій образецъ естъ сложный и состоишь
въ томъ, когда поэтъ, не показывая вво-
димыхъ лицъ, приводитъ ихъ рѣчи, повѣ-
ствуетъ о прочихъ приключеніяхъ, или,
кратко сказашь, когда смѣшиваешь пока-
занные выше два рода.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ. Слово сіе
придается поэзи или стихамъ, заключаю-
щимъ въ себѣ какое либо повѣствованіе
съ соблюденіемъ надлежащихъ къ оному
правиль. — См. *Повѣствованіе*.

ПОГРѢШНОСТИ. Погрѣшности въ
стихосложеніи бывають слѣдующія:

1.) Когда рифмы оканчиваются на *ати*
или *ити*. На пр. читаши, блисташи; тру-
биши, любиши и пр.

2.) Когда слова полагаются прошивъ
принятаго ударенія въ слогахъ, на пр. ког-
да вмѣсто *было*, имѣющаго удареніе на
первомъ слогѣ, пишешся *былдъ*, съ ударе-

ніемъ на впоромъ слогъ; *должно* вм. *дóлжно*; *цѣбты* вм. *цѣбты*.

3.) Когда полагаешься нѣсколько гласныхъ либо согласныхъ сряду, на пр: *милю я цязвилъ; чувство встрѣчаемыхъ; или какъ въ семь стихъ* :

Къ опмщенью швоему я, Гоаннь, спремлюсь.

4.) Когда въ стихъ часно упопреляются одинакія лишеры или одинакіе слоги. — Такъ въ нѣкопоромъ посвященіи сказано :

Едва успѣлъ спупитъ ты трона на спупень.

или

Твое внушенъ чпу, о муза, за законъ.

И у Хемницера въ Баснѣ *буквы* :

Ужъ то-то толки тутъ пойдутъ

5.) Когда въ стихъ спекаются многія односложныя слова, опъ чего не можешъ бышь плавности. — У Хемницера въ баснѣ *Медвѣдь плясунъ* написано :

*Иной со всѣхъ ногъ такъ тутъ о землю хва-
шился*

6.) Когда пресѣченіемъ стиха опдѣляется предлогъ опъ имени сущесшвишельнаго или прилагашельнаго на пр.

Луна смопрѣла сквозь | развѣсиспыхъ древесъ...

Или въ Трагедіи *Гамлетъ* :

Пуснь Данія среди | побѣдъ, среди покоя

Ошца ошечесива въ Царѣ своемъ узришь....

7.) Когда часпица *то*, или какой нибудь односложный союзъ, или междометія *о! ахъ!* спояшь передъ пресѣченіемъ. На пр:
Зевесъ всемошный! о! | рази своимъ перуномъ...

или

Могуль я вѣришь, что | шы будешь мнѣ вѣрна...

8.) Когда слова поспаваются не въ Грамматическомъ порядкѣ. — Майковъ, въ поэмѣ *Елисей*, приводитъ слѣдующіе два стиха:

Подъ воздухомъ просперъ свой ходъ веселый
чиснымъ ,

Поѣхаль какъ Непшунъ по водъ верхамъ пѣ-
ниснымъ.

9.) Когда полагаются слова безъ всякой нужды, единственно для наплененія спопъ.—См. *Плеоназмъ*.

10.) Когда въ продолженіи стиха вспрѣчаются слова одинакимъ образомъ оканчивающіяся и производящія рифмы ;

или когда слогъ, дѣлающій пресѣченіе, согласашаюся въ рифмѣ съ послѣднимъ слогомъ стиха. На пр:

И на главѣ его корона!

И трона спаль онъ оборона!

или

Я пошелъ тогда туда

или

О ты, всего творецъ, небесный нашъ отецъ!
Когда ты ниспослешь симъ бѣдспвіямъ конецъ?

11.) Когда неокончанный въ одномъ стихѣ смыслъ переносится въ другой, прекращаясь прежде пресѣченія и пр.—См. *Переносъ стиха*.

12.) Когда полагаешься сряду нѣсколь-
ко мужескихъ или женскихъ стиховъ въ
сочиненіи, въ копоромъ соблюдаемо было
согетаніе.—У Княжнина въ Комедіи *Хвас-
тунъ* находящаяся сряду чепыре женскихъ
стиха, имѣющихъ слѣдующія рифмы:

Или въ большой ты свѣшь вспунилъ? чѣмъ
чоршъ не шунишь!—

Я только прискакалъ, даужъ и въ Сенашоры

13.) Когда къ первообразному слову рифмою полагаеиця другое слово, опъ онаго происходящее и на оборотъ; на примѣръ когда къ слову *жить* рифмою спавиця *пережить*, къ слову *узрѣишь* — *зрѣть* и пр. авшоръ Трагедіи *Електра и Орестъ* погрѣшилъ прошивъ сего правила, напсавъ:

Нѣшь , Клишемнестра , нѣшь , швой духъ не
 зналъ злодѣйства ,

Жестокости швой лишь пылкой спрасши
 дѣйства

Дѣйств. III. явл. 5.

А въ другомъ мѣстѣ говоришь сама Клишемнестра :

Довольно я была учаспницей злодѣйства
 И поздно вижу я его кровавы дѣйства.

Дѣйств. V. явл. 2.

Чрезмѣрная легкосп пишавъ шакимъ образомъ спихи (шакже какъ и рифмы на *ити* и *ати*) заспавила назавъ сие погрѣшностію.

14.) Когда рифмы часто оканчивающя на глаголы.—Сие производишь упомипельное однообразіе и дѣлаешъ спихи вялыми.—Хемницерь болѣе многихъ спихо-

творцевъ подвержень былъ сей погрѣш-
ности.

15.) Когда однѣ и тѣ же рифмы весь-
ма часто повпоряюся въ одномъ стихо-
твореніи. Впрочемъ повпореніе одного
или нѣсколькихъ словъ производишь иног-
да большую пріятность — шаковы у Жу-
ковскаго въ Балладѣ *Севтлана* выраженія:
блѣднѣ и цнылый.

16.) Когда (особливо въ Александрій-
скомъ стихѣ) каждая стопа соспоишь изъ
отдѣльнаго слова. Въ шакомъ случаѣ чи-
стыя пресѣченія или остановки голоса
лишають сочиненіе плавности. На пр:

Едва| всшупилъ| шы, Князь,| на пронь| своихъ|
опцовъ|
Уже| съ мечемъ| въ рукѣ| идешь| карашь| вра-
говъ.

17.) То же самое бываетъ, когда *весьма*
часто встрѣчаюся въ стихахъ слова
слишкомъ длинныя, занимающія цѣлое по-
лустопише; ибо тогда удареніе въ стопахъ
выходишь принужденное на пр:

Своекорышіе во зло упошребляешь.

или

Благопріемлющій признашельность сердець.

Однакожь подобныя слова, *изрѣдка* въ Ямбическихъ стихахъ употребляемыя, производя заключающимся въ нихъ Пиррихіемъ разнообразность въ произношеніи, чрезъ то доспавляютъ слуху, упомянутому непрерывными Ямбами, немалое удовольствіе.

18.) Также почищается погрѣшностію, когда въ сочиненіи каждый стихъ, или даже каждые два стиха, соспавляютъ опредѣльный смыслъ безъ связи съ прочими, опъ чего стихи лишаются живоспи и упоминають однообразіемъ вниманіе читателя. Такое стихотвореніе показываетъ еще, что авторъ не имѣлъ силы пройши съ бодростію подлежащее поприще, но подобно лѣнивому или упомянутому пушнику, кое-какъ, съ оспановками, дошащился до конца онаго.

ПОДОБІЕ, уподобленіе, *similitudo*. *Уподобленіе* или подобіе еспъ приличное объясненіе сходства сравниваемыхъ между собою предметовъ. На пр: у Державина въ одѣ на взятіе *Измаила* :

Везувій пламя изрыгаетъ,

Столпъ огненный во шмѣ споишь,

Часть. II.

25

Багрово зарево зяешьъ,
 Дымъ чорный клубомъ въ верхъ лешишь;
 Краснѣешь поншь, ревешь громъ ярый,
 Ударамъ въ слѣдъ звучашь удары;
 Дрожишь земля, дождь искръ печешьъ,
 Клокочуть рѣки рдяной лавы:
 О Россѣ!—шакоевъ швой образъ славы,
 Что зрѣлъ подѣ Измаиломъ сѣшь.

или

Я видѣлъ войско сопоспапъ:
 Какъ змій хребетъ свой изгибаешьъ —
 Главой уже коснулось врапъ,
 Хвостомъ все поле покрываешь.

Дмитріевъ.

У Хераскова въ поэмѣ *Плоды наукъ* шакъ
 уподобляющся спрѣльцы Гиганшамъ, а
 ПЕТРЪ Великій Зевесу:

Зевесь прошивъ себя возспавшу видѣлъ шварь:
 Здѣсь подданныхъ своихъ мяшежныхъ видишь

Царь.

Невѣжеспвомъ шекушь Гиганшы ополченны:
 Спрѣльцы невѣжеспвомъ подобнымъ ослѣп-
 ленны;

Мгновенно молніи Зевесъ къ врагамъ пусшилъ;
 Пешрѣ два смяшенья зрѣлъ, и дважды имъ не
 мспилъ.

И у Пушкина въ поэмѣ: Русланъ и Людмила :

Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со спреха скорчась, обмиральъ;
 И вѣрной смерти ожидая,
 Коня еще быспрѣе гналь.
 Такъ почно заяць шоропливой,
 Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
 Скачками мчипся ошо пса.

ПОДРАЖАНІЕ. *Imitatio.* Подражаешь орапору или поэпу не значишь переводить его, или рабски списываешь; это значишь, въ шѣсномъ смыслѣ, взяшь мысль его и предсхавишь ее съ вольноспію, *по своему*; это значишь, въ смыслѣ обширнѣйшемъ, образовываешь свой умъ, языкъ, учишься оборопамъ, изображеніямъ, гармоніи подлинника, и обогащивъ память красопами его, исполнивъ душу его воображеніемъ, упражняешься въ шомъ же самомъ родѣ; выбираешь не погрѣшности его, если онъ

имѣешь ихъ, но то, что у него лучшаго, изящнѣйшаго въ духѣ и слогѣ.—Такъ Виргилій въ своей поэмѣ Аргонавтовъ помѣстилъ Епизодъ Дидоны, подражая Аполлонію Родоскому. Прозѣба Минервы и Юноны къ Венерѣ, и шребованіе послѣдней опъ Амура, чтобы онъ поразилъ спрѣлами Медею и Язона; огонь, опъ котораго Медея тайно сгараетъ, разговоръ ея съ сеспрюю своею Халціопою; смяшеніе души ея во время ночнаго безмолвія; сныдъ измѣнишь опцу и желаніе спасти Язона: все сіе не иное что, какъ слабая *обрисовка*, изъ которой соспавилъ Виргилій прекраснѣйшую карпину. Но слѣдующій примѣръ яснѣе покажетъ, сколько сей поэтъ въ подражаніяхъ своихъ превосходилъ самые подлинники. Вошъ липперальный переводъ Аполлоніева шекста: „ночь покрывала землю тѣнію, и въ опкрыпомъ морѣ кормчіе упражнялись на судахъ въ наблюденіи звѣздъ Гелиссы и Оріона. Пущешеспвенники и спражи врашъ предалися сну. Самая печаль нѣкоторыхъ матерей, лишившихся дѣтей своихъ, во время сна позабывалась. Во градѣ не слышно было ни лая псовъ, ни шума людей. Безмолвіе царствовало среди мрака. Одна Медея не вку-

шала пріятностей спокойной ночи: споль душа ея колеблема была безпокойствами, причиненными Язономъ.,,

У Виргилія въ сихъ стихахъ :

Nox erat; et placidum carpebant fessa soporem
Corpora per terras, sylvaeque et saeva quierant
Aequora *и проч.*

Видно не только превосходство дарованія, но и превосходство вкуса. На примѣръ, въ изображеніи поэта Греческаго: наблюденія кормчихъ во время ночи показываютъ бдишельность и безпокойство и не дѣлають противоположности съ состояніемъ Медеи, вмѣсто того, что въ картинѣ Виргилія вездѣ соблюдено единство. У него вся природа наслаждается спокойствіемъ и сномъ, между тѣмъ, какъ одна несчастная Дидона предаётся люшѣйшимъ мученіямъ любви. Наконецъ въ поэтѣ Греческомъ лай псовъ и сонъ спражей суть шакія мѣлкія подробности, кои недостойны Епопеи; въ Виргиліи же, напрошивъ того, все превосходно и разишельно.

У насъ весьма искусно подражали: Княжнинъ прагикамъ Французскимъ, Державинъ Горацию, Дмитріевъ и Крыловъ Лафоншену.

Начало слѣдующей оды Державина на смерть Графини Румянцовой есть прекрасное подражаніе упомянутому Лашинскому стихотворцу:

Не безпреспанно дождь спремится
 На классы съ черныхъ облаковъ,
 И море не всегда спруится
 Опъ премѣняемыхъ вѣтровъ; и прог.

Лашинскій Лирикъ такъ начинается:

Non semper imbres nubibus hispidos
 Manant in agros, aut mare Caspium
 Vexant inaequales procellae
 Usque; nec Armeniis in oris,
 Amice Valgi, stat glacies iners
 Menses per omnes; aut Aquilonibus
 Querceta Gargani laborant,
 Et foliis viduantur orni.

См. кн. 2. ода 6. *Ad Valgium*.

Его же стихи подъ названіемъ *Памятникъ* суть подражаніе сей оды:

Exegi monumentum aere perennius,
 Regalique situ pyramidum altius и прог.
 Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный вѣчный,

Мешалловъ шверже онъ и выше пирамидъ,
 Ни вихрь его, ни громъ не сломишь быспро-
 печный

И времени полеть его не сокрушишь *и прог.*

Сверхъ сихъ примѣровъ находится у Державина множество и другихъ *подражаній*, и какъ оныя въ изданіи сочиненій его не означены, по мы за нужное почишаемъ для упражняющихся въ словесности сдѣлать здѣсь подробное указаніе. — Всѣ слѣдующія стихотворенія, суть подражанія:

I. Царю и Пророку Давиду.

1. Власшищелямъ и Судіямъ.—См. Псаломъ 81.
2. Величество Божіе.—Пс. 103.
3. Праведный Судія.—Пс. 100.
4. Истинное счастье.—Пс. 1.
5. Побѣдишелою.—Пс. 90.
6. Помощь Божія.—Пс. 120.
7. Уповающему на свою силу.—Пс. 146.
8. Счастливое семейство.—Пс. 147.
9. На щесту земной славы.—Пс. 48.
10. Желаніе въ Горняя.—Пс. 83.
11. Радость о правосудіи.—Пс. 74.
12. Введеніе Соломона въ судилище.—Пс. 71.

13. Брашское согласіе.—Пс. 152.
14. Ушѣшеніе добрымъ.—Пс. 36.
15. На безбожниковъ.—Пс. 55.

II. Пиндару.

Кромѣ двухъ пѣсней *Пифигеской* и *Олимпической*—спихопвореніе подѣ названіемъ *Афинейскому Витязю*.

III. Горацию.

1. О удовольствіи.—Гор. кн. 3. ода 1.
2. На ворожбу.—кн. 1. ода II.
3. Похвала сельской жизни.—Кн. Еподъ. Ода 2.
4. Къ Капнисту.—Кн. 2. Ода 16.
5. Пиррѣ.—Кн. 1. Ода 5.
6. Къ Скопихину.—Кн. 2. Ода 2.
7. Время.—Кн. 2. Ода 14.
8. Весна.—Кн. 1. Ода 4.
9. Лебедь.—Кн. 2. Ода 20.

Примѣч. За излишнее почищаемъ упоминашь, что всѣ *Анакреонтическія* спихопворенія Державина писаны въ подражаніе Анакреону—или по слогу, или по содержанію.

Сихъ образцевъ доспапочно, кажеш-

ся, для того, чтобы оправдать безъ всякаго вниманія упреки тѣхъ спрогихъ людей, копорые называютъ *подражанія* или слабостию собственныя дарованія, или рабствомъ, уничтожающимъ собственныя дарованія. Имъ безъ робости скажемъ въ отвѣтъ, что Спезихоръ, Архилохъ. Иродотъ, Платонъ, подражали Гомеру, копорый самъ безъ подражанія предшественникамъ своимъ не могъ бы споль скоро довести поэзію до такого совершенства. Виргилій почти во всѣхъ своихъ твореніяхъ подражалъ и Гомеру и Феокрипу и Гезіоду, и другимъ Греческимъ поэтамъ, и отъ того, что онъ имѣлъ много изящныхъ образцевъ, самъ сдѣлался образцемъ достойнымъ удивленія. Скажемъ, что всѣ почти новѣйшіе иностранные писатели, и наши соотечественники, наиболѣе извѣстные по своимъ твореніямъ, также во многомъ подражали древнимъ и новымъ писателямъ и во многомъ превосходили самые подлинники. Предосудительны однѣ только *подражанія*, такъ сказать *механическія*, то есть такія, въ копорыхъ встрѣчаемъ не красоты оригинала, не духъ автора, но единственно рабское послѣдованіе даже погрѣшностямъ его. О сихъ-то

подражающаго сказалъ Гораций: O imitatores! servum pecus!.....

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЙ.—*Подражательная или звуко-подражательная поэзія.*

Всякой языкъ имѣетъ множество такихъ словъ, копорыхъ произношеніе совершенно, или по крайней мѣрѣ, весьма много соотвѣтствуетъ самимъ дѣйствіямъ природы, сими словами изображаемымъ. На примѣръ, выговаривая слова: *грохъ, трескъ, свистъ, визгъ, карканье, клокотанье, шипенье* и пр. мы чувствуемъ, что они сообразны съ описываемыми ими дѣйствіями. И потому искусный стихотворецъ всегда старается облачать мысли свои такими словами, копорыхъ звуки и самое расположеніе рченій бывающъ приличны свойству оныхъ мыслей. Отъ сего *подражательная поэзія* раздѣляется на два рода:

- 1) Подражаніе въ звукахъ.
- 2) Подражаніе въ размѣрахъ.

Подражаніе въ звукахъ происходитъ единственно отъ употребленія или лучше сказать отъ подбора буквъ, соотвѣтствующихъ въ произношеніи описываемыхъ

мому дѣйствию. На примѣръ въ сихъ стихахъ :

Какъ громъ гремящій по горамъ. —
 Урча и клокоча со щеглой поглощаешь. —
 Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
 Ядро жужжа сшибается съ ядромъ.

У Сумарокова въ Баснѣ говорящъ лягушки:

О какъ, о какъ намъ къ вамъ, къ вамъ, боги,
 не гласишь.

Можно ли лучше изобразить кваканье лягушекъ?—и у Крылова кричишь вошь:

..... И мы

Грѣшны, пому давно, когда зимой кормы...

Это повшоренное на концѣ двухъ стиховъ *мы*, и самое составленіе послѣдняго стиха, изъ отдѣльных Ямбовъ, весьма удачно изображаютъ *мыканье*.

Гомеръ и Виргилій исполнены такихъ звукоподражаній. Всякому извѣстенъ Виргиліевъ стихъ, кошорымъ описываетъ онъ Полифема :

Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen
 ademptum.

Стихъ сей дѣйствительно кажется чудовищнымъ, когда выключая по правиламъ Лашинскаго стихопворства нѣкоторыя либеры, часто произносимъ звукъ *ц* (*и*)

Слѣдующій же прекрасно изображаетъ конскій поношъ:

Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.

Персій сказалъ о человѣкѣ, говорящемъ въ носъ :

Rancidulum quiddam balbâ de nare loquutus.

Не бесполезно будетъ привести и слѣдующій стихъ Расина, изображающій шипѣніе или свисшъ змея :

Pour qui sont ces serpents , qui sifflent sur vos
têtes ?

Что же касается до звукоподражанія въ размѣрахъ, то сіе дѣлается ощушительнымъ, когда составленіе стиховъ, по расположенію словъ или стопъ, бываетъ сообразно заключающемуся въ нихъ содержанію. Дабы показать подробнѣе, въ чемъ состоить сей родъ звукоподражательной поэзіи, приведемъ здѣсь нѣсколько иносгранныхъ и нашихъ примѣровъ, изображающихъ различныя дѣйствія природы :

1) *Скорость*. Она предполагаетъ легкость, хотя бы сія легкость была только относительна. Спихъ, выражающій легкость и скорость, долженъ бытъ, по словамъ Шиллера, *гибкимъ и легкимъ, какъ будто изъ ничего выпрыгнувшимъ*:

Schlank und leicht, wie aus dem Nichts gesprungen.

У Державина весьма удачно описаны подвиги Рымникскаго героя, въ спихахъ начинающихся сими словами:

Вихрь полунощный лепитъ богатырь *и прог.*

У Гнѣдича въ Иліадѣ описаніе быспрошты коня:

Бурный бѣжитъ по полямъ, поражая копытами землю.

2) *Мѣдленность* или *тяжелость*. Она противоположна легкости, и слѣдственно требуетъ нѣсколько прудныхъ для произношенія слоговъ, къ чему много способствуютъ слова сославныя. Делиль шакъ объ этомъ изъясняется, подавая въ правилѣ и примѣръ превосходный:

Que d'un pas lent et lourd le boeuf fonde la plaine.
Chaque syllabe pèse et chaque mot se traine.

Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи Вир-
гилія, описывающіе усиліе Циклоповъ :

Illi inter sese magna vi brachia tollunt ,
In numerum versantque tenaci forcipe ferrum.

У Крылова въ Баснѣ *муха и дорожные*:

Въ Іюль, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору ,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Чешверкою рыдванъ
Тащился

3) *Стукъ и паденіе*. Для перваго мы
имѣемъ прекраснѣйшій образецъ въ спи-
хахъ Державина *Мой Истуканъ* :

Быть можешь, что и мой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя,
Слешишь и разсмѣшишь весь міръ;
Ступа съ крыльца, ступень съ ступени
И скатится въ прохладны тѣни.

Произнося чешвершый стихъ, какъ
будто слышимъ стукъ бюста по ступе-
нямъ, а въ пятомъ живо изображается
мѣдленная кашкосшь его по ровному мѣсту.

Вразсужденіи паденія, прочитайше
Басню Дмипріева *Дубъ и трость*. Съ ка-

кимъ искусствомъ представилъ поэтъ сіе дѣйствіе въ послѣднемъ изъ слѣдующихъ стиховъ :

Лешишь, кружишься лиснѣ, шросишь гнешся—
дубъ споишь.

Вѣшрѣ, пуще воужась, изъ всей ударилъ мочи—
И шощѣ, на коего съ шрудомъ взирали очи,
Кшо ада и небесъ едва не досягалъ —

Упалѣ.

По правиламъ же *подражательной* поэзіи надлежитъ наблюдать, чшобы размѣръ стиховъ соопвѣшсшвовалъ избранному предмету: Хорей, на примѣръ, можетъ выражать веселость ; Ямбъ или Анапесш горесш, унылость и пр. Прочитайше оба перевода Руссовой оды *На счастье*, (Ломоносова и Сумарокова), и вы увидише, который размѣръ приличнѣ содержанию оной.

ПОЭЗІЯ. Poësis. — Изъ всѣхъ нижеприведенныхъ разсужденій, заимствованныхъ по большей части отъ древнихъ и новыхъ писателей, можно извлечь слѣдующее опредѣленіе поэзіи, которое, въ сравненіи съ прочими, кажется вѣрнѣйшимъ:

Поэзія есть вымысль, основанный на *подражаніи* природѣ изящной и выраженный словами, расположенными по известному размѣру—такъ какъ проза или краснорѣчіе есть *изображеніе* самой природы рѣчью свободною.

Ораторъ говоритъ только *истину* съ убѣдительною силою и проспоною, а поэтъ изображаетъ *правдоподобное* съ такою поразительною пріятностію, которая плѣняетъ и съ шѣмъ вмѣстѣ попрясаетъ душу. Если же на сіе возразятъ, что есть сочиненія прозаическія, заключающія одно только *правдоподобное*, есть и стихотворенія, въ коихъ находишься одна *истина*, то на сіе можно отвѣчать, что проза и поэзія, будучи одна къ другой столь близки, передаютъ взаимно и форму ихъ различающую и всѣ свойственныя каждой принадлежности. Ихъ можно, кажется, уподобить непримѣнной цѣпи шѣлъ, видимыхъ въ различныхъ царствахъ природы, гдѣ звѣно, отдѣляющее ископаемыхъ отъ растѣній, и растѣній отъ животныхъ, скрывается отъ взоровъ самаго ревностнаго наблюдателя: мы воспринимаемъ вымыслы психическіе, представленные въ проспой одеждѣ прозы, каковы

суть романы и все писанное въ ихъ родѣ; встрѣчаемъ также предметы истинные, кои бывають украшены всѣми прелестями поэзіи—таковы поэмы историческія и дидактическія. Но сіи вымыслы въ прозѣ и сіи повѣствованія или поученія въ стихахъ, не заключають въ себѣ ни настоящей прозы, ни настоящей поэзіи; эпо смѣсь двухъ различныхъ сущностей, эпо суть исключенія изъ общаго правила, не могущія опровергнуть показаннаго здѣсь опредѣленія поэзіи. По сему одинъ Италіанскій Императоръ (Maggio) весьма справедливо раздѣляетъ поэзію на три рода или степени. Первая и высочайшая, по словамъ его, степень состоить въ томъ, когда въ сочиненіи вымысль соединяется съ стихотворствомъ: образцы ея Иліада, Одиссея, Енеида и пр; вторая степень содержишь вымысль безъ стихотворства, каковы на примѣръ сочиненія Платона, Бокаччія; третья заключаетъ стихотворство безъ вымысла; къ сей можно отнести произведенія Лукана, Лукреція, и проч.

Поэзія, говоритъ Нѣмецкій Естествоиспытатель Бунпервекъ, должна называться первоначальнымъ искусствомъ; ибо каждое изъяс-

ное произведеніе искусства должно первоначально быть вымысломъ (Gedichte). прекраснымъ произведеніемъ Фантазіи прежде, нежели перейдешь въ видимую форму, во внѣшній свѣтъ. Поэзія находится въ тѣснѣйшей связи со всеми изящными искусствами и надъ всеми имѣеть власшь превосходнѣйшую.

О сущности поэзіи множество было различныхъ мнѣній. Одни полагали ее въ вымыслахъ; но каковы бы ни были вымыслы, они могутъ принадлежать и прозѣ.

Другіе утверждали, что поэзія состоитъ въ стихосложеніи, въ размѣрахъ, въ стопамъ, и сей предразсудокъ едва ли не столь же древень, какъ и самая поэзія. Но если бы для поэзіи достаточнo было однихъ стопъ и размѣровъ, то она была бы тогда не иное что, какъ дѣтская игрушка, ибо разрушалась бы отъ самолюбивѣйшаго перемѣщенія словъ. Аристотель говоритъ, что проза и стихи не отличаютъ испорика отъ поэта: хотя бы вы переложили, продолжаетъ сей философъ, всѣ Иродотовы сочиненія въ стихи, не вышло бы изъ нихъ ни одной поэмы.

Иные—какъ-то Блеръ и его послѣдователи—называютъ поэзію языкомъ спра-

спи, и живаго воображенія! но сіе качество не равномернo ли свойственно и прозѣ, попому что спросишь со всеми своими постепенностями, споль же видна у Орашоровъ, какъ и у поэповъ. Когда Перикль гремялъ, поражаель, низлагаль къ стопамъ своимъ Грецію, менѣ ли тогда было *страсти* въ рѣчахъ его, какъ и въ одахъ Пиндирическихъ? или—воспользуемся образцами опечесшвенными—менѣ ли находите вы *страсти* и *воображенія* въ рѣчи Преосвященнаго Анаспасія на смерть Бѣцкаго, нежели въ спихахъ Державина на смерть К. Мещерскаго? менѣ ли *страсти*, менѣ ли *воображенія* въ написанной Карамзинымъ *Марфѣ Посадницѣ*, нежели въ Епическихъ швореніяхъ Хераскова?—И если бы однѣ сполько спроси были признакомъ поэзіи, то бы многія хорошія поэмы преспали бышь поэмами: Трагедія, Епопея, самая Ода, сосшавляли бы поэзію сполько въ нѣкопорыхъ мѣспяхъ; оспашокъ же, заключающій въ себѣ обыкновенное повѣспвоаніе, или изьясненіе спихихъ чувспшвованій, не принадлежалъ бы къ поэзіи.

И спакъ ушвердимъ, что *сущность поэзіи* состоитъ въ *въмыслѣ* или *творествѣ*, *подражающемъ изящной природѣ*. Таковое

подражаніе заключаешъ въ себѣ и спрасити и живое воображеніе, и даже самое составленіе стиховъ, какъ необходимое для совершеннаго изображенія предметовъ средсво.

Но что же есть *изящная природа*? что значить *подражать* изящной природѣ?

Изящная природа не есть истинное существующее, но истинное *могущее существовать*, истинное избранное, изящное, и предсавленное такъ, какъ бы оно въ самомъ дѣлѣ существовало—со всѣми совершенствами, какія только принявъ оно можешь. *Подражаніе* изящной природѣ есть предсавленіе предмета въ такомъ совершенномъ видѣ, въ какомъ только можемъ его вообразить, не смотря на то, существуетъ ли онъ дѣйствительно, или только можешь существовать. Слѣдовательно сіе подражаніе совершенно оплично отъ подражанія *простой* природѣ, которое не иное что есть, какъ вѣрное предсавленіе предмета въ такомъ точномъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно существуетъ.—Способъ, которымъ достигается поэзія къ приведенію предметовъ до степени пошребнаго совершенства, состоитъ въ слѣдующемъ: онъ собираешь

лучшія, прекраснѣйшія черпты одного и того же вида (species), разсѣянныя въ природѣ, и образуешь изъ нихъ цѣлое, совершенное въ своемъ родѣ (genus). Цицеронъ въ книгѣ *Ораторъ*, въ главѣ о *изобрѣтеніи*, объясняетъ сіе слѣдующимъ примѣромъ: знаменитый живописецъ Зевксисъ, намѣреваясь изобразить совершенную красавицу, твердо былъ увѣренъ, что въ природѣ не найдетъ для нее образца — и потому онъ замѣчалъ лучшія черпты у разныхъ красавицъ, собиралъ ихъ, составлялъ цѣлое, и чрезъ то достигъ до изображенія красоты въ высочайшемъ ея совершенствѣ. Изъ сего можно уразумѣть, что и поэтъ употребляетъ такія же средства съ равнымъ усиліемъ. Желаетъ ли онъ, на примѣръ, воспѣть героя, совершившаго знаменитое предпріятіе? онъ придаетъ ему всѣ добродѣтели великихъ людей; смѣшиваетъ съ сими добродѣтелями нѣкопорыя слабости, неразлучныя съ человѣчествомъ, и чрезъ нихъ сближая героя своего съ нами, дѣлаетъ его еще привлекательнѣе. Сверхъ того *изображаетъ*, или, такъ сказать, *выскакиваетъ* для него всѣ возможные опасности, несчастія — съ шѣмъ, чтобы въ то же самое время на-

градишь героя своего и бодростию и силою и шerpвнiемъ, нужными для одержанiя побѣды надъ всѣми встрѣчающимися ему препяпспвiями. Наконецъ заставляешь его оказывать всѣ пѣ доспославные подвиги, каковыя оказали бы въ подобныхъ обшояпшельспвахъ другiе великiе люди, и такимъ образомъ провождаетъ до совершеннаго окончанiя главнаго дѣйспвiя. — Въ другомъ родѣ: Мизантропъ, Скопининъ, Проспакова, безъ всякаго сомнѣнiя, дѣйспвишельно не сущеспвовали, когда Мольеръ и фонъ Визинъ изображали ихъ; но знаменитыя комики собирали разныя черпты изъ разныхъ опноспщихся къ ихъ цѣли характеровъ, и чрезъ то образовали свои собственныя оригиналы, плѣвившiе всѣхъ своею спранностию. — Однимъ словомъ, какой бы предметъ ни избралъ спихопворецъ: повѣсппованiя, чувсппованiя, изображенiя — все обязанъ брать съ природы *изяцной*. Равномѣрно же поступаешь онъ при описанiи предметовъ ужасныхъ: онъ собираешь все то, что находится въ природѣ ближайшаго къ предпринимаемому имъ изображенiю, и соспавляешь цѣлое — восхищающее даже своимъ безобразiемъ. Таковы, на примѣръ, описанiя у Виргилiя

Циклопа Полифема, у Мильтона Сатаны и проч. Подобные вымыслы придаютъ болѣе блеска изображеніямъ, назначеннымъ обращать на себя вниманіе наше своею красою.

Впрочемъ если бы природа показывалась людямъ во всей своей славъ, по еснѣ со всевозможнымъ совершенствомъ въ каждомъ твореніи, физическомъ и нравственномъ, по есѣ правила, съ такимъ усиленіемъ изобрѣшенныя и копорымъ прудно послѣдовать, были бы для искусства совсѣмъ бесполезны; тогда бы художники должны были только съ точностію списывать находящіяся предъ глазами ихъ виды, безъ всякаго выбора; тогда бы вся изящность произведенія зависѣла отъ одного простаго подражанія, и судить бы объ ономъ не иначе можно было, какъ чрезъ сравненіе. Но какъ природа часто смѣшиваетъ прелестнѣйшія черты свои съ безчисленнымъ множесствомъ другихъ, по по сему и надлежитъ дѣлать выборъ, а дабы дѣлать сей выборъ съ бѣльшимъ успѣхомъ и съ бѣльшею увѣренностію, по для сего нужно *вымыслять, составляя цѣлое изъ лучшихъ частей природы, или, другими словами, подражать изящной природѣ.*

Цѣль поэзіи — нравиться, возбуждая спраспи. Но чшобы доспавишь намъ удовольсьвіе совершенное и поспоянное, шо она обязана возбудишь полько спраспи, одобряемая благоразуміемъ. Опвращеніе опшь пресшущленій, за которыми послѣдуешь спыдъ, спрахъ, раскаяніе и другія внушреннія безпокойства; соспруданіе къ несчастнымъ, уваженіе славныхъ подвиговъ, насаждающее въ сердцѣ сѣмена добродѣтели; любовь невинная, Героическая — вошь спраспи, принадлежащія поэзіи! Когда же поэшы одобряють порокъ, пресшущленіе, или не наблюдають благоприспойности въ своихъ швореніяхъ, шогда навлекають сами на себя безславіе: всѣ очаровашельныя прелести поэзіи не замѣняють шого неудовольсьвія, кошорое производяшь они въ душахъ людей благомыслящихъ. Поэзія можеть полько имѣть припшную шушливость, ибо Музы всегда были подругами Грацій.

Впечатлѣніе, дѣлаемое *подражаніемъ*, сказано въ Енциклопедіи, не споль сильно, какъ впечатлѣніе, *самимъ предметомъ* производимое: первое скоро изглаживаешся и исчезаешъ безъ продолжисельныхъ послѣдствій, но удовольсьвіе, ощущаемое

при видѣ *подражаній*, естъ самое чистое удовольствіе: оно не смѣшивается съ тѣми непріятностями, копорыя могъ бы произвести *самый предметъ*. На примѣръ, когда видимъ въ Трагедіяхъ спрадальческую смерть добродѣтельнаго старца или молодой дѣвицы—мы спраждемъ вмѣстѣ съ ними, но мы чувствуемъ, что слезы наши прекращаются съ окончаніемъ представленія, и сіе самое доставляетъ намъ удовольствіе; но еслибы дѣйствительно увидѣли такое происшествіе, то не только бы не получили оныхъ того нимальшей пріятности, но оно было бы для души нашей и прискорбно и слишкомъ ужасно.

*

Вообще поэзію можно раздѣлить на четыре или на пять родовъ. Иногда поэты рассказываютъ о томъ, что происходило, какъ исторіи, но исторіи вдохновенные Музами; иногда заставляютъ они дѣйствовать самихъ шѣхъ, копорые участвовали въ происшествіи; иногда же совершенно предаются воспламенившей ихъ страсти и переносятся въ волшебную страну воображенія; наконецъ случается имъ ославлять вымыслы и украшать всѣ

ми пріятноспями ихъ искусства предметы поучительныя, или такіе, которые подлежають даже нашимъ чувствамъ. Опъ сего происходятъ: поэзія *Эпическая*, поэзія *Драматическая*, поэзія *Лирическая*, и поэзія *Дидактическая*, (см. сіи слова). Вупервекъ прибавляется еще пятый родъ *дополнительный*, который заключаешъ Шипшическія произведенія, не принадлежація ни къ одному изъ показанныхъ родовъ.

Изъ такога раздѣленія не должно однакожь заключають, чшобы показанные различныя роды поэзіи когда нибудъ между собою не соединялись; напрошивъ, почти никогда не случается, чшобы въ какой бы то нибыло поэмѣ одинъ родъ находился опъ начала до конца. Бывающъ повѣсшвованія въ родѣ Лирическомъ, бывающъ изображенія спрасшей пылкихъ въ поэмахъ Эпическихъ: вездѣ баснь соединяется съ исторіею, истинное съ вымышленнымъ, правдоподобное съ существеннымъ. Поэты, будучи обязаны доставлять пользу и нравиться, всѣмъ для сего жертвующъ.

Оканчивая спатью сію, покажемъ описаніе поэзіи, сдѣланное Аббатомъ Батше. Поэзія, говоритъ онъ, воспѣваетъ знаменитые подвиги; стремится въ небеса для описанія печенія свѣшилъ: погружается въ бездны для обозрѣнія таинствъ природы; достигая до жилища мершвыхъ, изображаетъ награды, предославляемыя праведникамъ, и мученія, угошованныя пресшунникамъ: она объемлетъ вселенную. Если же и сего міра для нее недоспашочно, она шворитъ новые міры, населяетъ ихъ существами совершенными, и чрезъ то показывааетъ, какими могутъ бытъ люди. Поэзія соспавляетъ высочайшую степень волшебства; она очаровываетъ и умъ и сердце, и приноситъ чрезъ химерическіе вымыслы удовольствія сущесшвенныя.

О происхожденіи поэзіи и стиховъ. Въ Батнословіи приписывается изобрѣшенію поэзіи Аполлону, послѣ убіенія имъ змія Пифона, вскорѣ по Девкаліоновомъ пошопѣ; но изъ сего мнѣнія, неоснованнаго на истинахъ историческихъ, не можно вывести даже правдоподобнаго заключенія. Иные приписываютъ начало ея Дельфиче-

скимъ опвѣшамъ Аполлона; однакожь какъ опвѣпы сіи произносимы были успами жрицы и спихами, то и сіе несправедливо, ибо поэзія долженспвовала бышь прежде опвѣшовъ, кои начались погда уже, какъ люди соспавили общеспва. Полагаешся шакже основашелемъ поэзіи Бахусъ или Вакхъ, ибо онъ еще прежде Аполлона давалъ опвѣпы; другіе приписываютъ чеспъ сію Египешскому Озириду, копорый по словамъ Евсевія и Діодора Сицилійскаго, долженъ бышь почишаемъ за Греческаго Феба или Аполлона, слѣдовашельно сказанное объ немъ надлежишь опносить къ сему послѣднему. Повѣспвуютъ шакже, что поэзію изобрѣлъ нѣкто Македонянинъ Піеридъ, и научилъ оной дочерей своихъ, за что названъ опцемъ Музъ, именуемыхъ по немъ Піеридами; но болѣе ничего объ немъ неизвѣсно. Можешь бышь, онъ шолько ввелъ поэзію въ Македоніи въ бѣльшее употребленіе. Орфей и Амфіонъ, изъ копорыхъ первый еспъ законодатель и священно-начальникъ Фракійскій, а другой спроишелъ города Фивъ, шакже почишающіяся изобрѣшашелями поэзіи. При пѣснопніяхъ одного, говорятъ баснословные повѣспвовашели, плясали шигры и прочіе

дикіе звѣри, а впорый заставлялъ камни всходить на спѣны. Но сіе значить, что они краснорѣчіемъ своимъ убѣдили жившихъ по лѣсамъ людей соединиться, смягчили грубые ихъ нравы своими наставленіями, просвѣтили умы и ввели посредствомъ законовъ благоустройство.

Однакожь все сіе ничего не доказываетъ кромѣ того только, что поэзія должна имѣть начало опдаленнѣйшее.

Другіе писатели сводятъ поэзію съ неба, утверждая, что она, какъ сказать, вливается въ души наши при самомъ рожденіи—и сіе конечно справедливѣе. По сему Енній называетъ поэзовъ *святыми*, какъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ въ словѣ за Архія. Овидій признаетъ въ нихъ нѣкошорое вдохновеніе свыше, говоря

*Est Deus in nobis, agitante calescimus illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.*

Lib 6. Fastorum

„Есть Богъ въ насъ, его дѣйствіемъ мы воспламеняемся, и сіе вдохновеніе имѣетъ сѣмена святой мудрости.“

Древніе согласно съ симъ утверждали, что поэзія была священнѣйшею философіею, что она всегда научала образу жи-

пія, показывала пушь къ добродѣтели и по оному провождала, а особливо прославляла Бога, его величіе и свойспва. Плашонъ въ прешней книгѣ законовъ своихъ говоритъ, что *родъ поэтовъ есть божественный*; Августинъ пишетъ, что *первые поэты назывались богословами, ибо много воспѣвали о безсмертноѣ Богѣ*, и Луканъ восклицаетъ: *о священный и великій трудъ поэтовъ*.—Но все сіе показываешь уже поэзію изобрѣшенную и соединенную со стихосложеніемъ. Конечно справедливо, что она вложена въ человѣческія души Богомъ, но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ сіе небесное вдохновеніе?.....

Утвердительно можно сказать, что поэзія возымѣла начало свое вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ, и пошому, какъ невозможно сказать, кто именно положилъ основаніе науки счисленія, кто первый замѣшилъ и произнесъ, что *два болѣе нежели одинъ*, или что *два и одинъ* составляютъ *три*, также невозможно наименовать и того, кто первый началъ воспѣвать предметы его окружающіе, и потомъ, находя ихъ недосташочными, спалъ вымышлять, *подражая природѣ изящной*. Начало поэзіи, подобно началу прочихъ

свободныхъ искусствъ и наукъ, перяется въ шайнственной отдаленности—и опыткашь оное не имѣемъ нималѣйшей возможности.

Поспараемся же, покрайней мѣрѣ, показашь, ежели пакже недосповѣрное, то хошя сходное съ истиною начало *стиха!*—

Когда люди, размножась, спали скишашься по сшепямъ, тогда каждое семейство жило особенно, и слѣбѣйшее изъ оныхъ испребляемо было опы сильнѣйшаго безъ всякой для послѣдняго опасности. Спарѣйшины и люди имѣвшіе болѣе ума увидѣли, сколь сіе вредно; они захошѣли оказашь всѣмъ вообще пользу соединеніемъ разныхъ семействъ въ одно общество. Чшобы преклонить къ сему, надлежало убѣждашь такими словами, кошорыя были бы и сильнѣе и пріяшнѣе обыкновенныхъ. Силу могла придашь поэзія, но пріяшность не могла бышь въ словахъ безъ нѣкошораго опличія. Сіе, можешь бышь, послужило поводомъ къ различенію въ рѣченіяхъ *долгихъ и краткихъ* слоговъ для лучшаго возвышенія и пониженія голоса, а чрезъ шо, и къ нѣкошорому роду *размѣрной* рѣчи. Такая пріяшность слова, до шо-го времени еще неслыханная, могла на-

иболѣе пронуть челоуѣческія сердца, преклонить скишающихся къ соединенію, и смягчить суровые ихъ нравы.

Когда же образовались первыя общества и учредилось богослуженіе, то люди, стали собиранься для праздниковъ или жертвоприношеній; при сихъ случаяхъ главнѣйшія упражненія сосполяли въ музыкѣ и пѣсняхъ. Для сего попребно было иное расположеніе словъ и смѣлоспъ выраженій. Отсюда начинается спихосложеніе, распроспранившееся попомъ мало по малу и между всѣми поколѣніями, разныя спраны-населившими.

Пѣснопѣнія, въ первыя времена, имѣли великое между собою сходспво у всѣхъ народовъ, попому что обспояпельспва, побуждавшія къ онымъ, почти вездѣ были одинаковы. Хвала богамъ и героямъ, побѣдныя пѣсни, сѣпованіе въ бѣдспвіяхъ, были всѣмъ свойспвенны, ибо всѣ народы сходспвуютъ одинъ съ другимъ при началѣ соединенія въ общеспва. Въ послѣдспвіи уже времени разныя важныя происпсспвія сообщаютъ каждому изъ нихъ особенный характеръ.

Что же принадлежитъ до изобрѣпенія различныхъ мелпровъ, нынѣ въ спихосло-

женіи упошребляемыхъ, шо можно полагашь, что много способствовали къ шому жрецы, дававшіе въ храмахъ опвѣшы вмѣсто обожаемыхъ ими и народами испукановъ; они, можетъ бышь, по разности машерій, заключающихся въ дѣлаемыхъ имъ вопросахъ, за нужное почипали и опвѣчашъ различными спихами. Слушашели, принимая шаковыя вѣщанія за священныя, старались содержать ихъ въ памяти, пересказывали другимъ, а нѣкопорые, спашься можетъ, осмѣливались и подражашъ вышверженному ими порядку словъ или слоговъ, и шакимъ образомъ мало по малу могли успановишься въ размѣрахъ извѣстные законы.—См. *Размѣръ, Стопа, Стихосложеніе*.

Объ отдѣленіи музыки и исторіи отъ поэзи.—Изъ соч. Блера.—До изобрѣшенія письма всѣ роды словесности, исторія, краснорѣчіе, поэзія, были между собою смѣшаны. Желавшій поучашъ, убѣждашъ или шолько забавляшъ своихъ согражданъ, сочинялъ на шопъ случай пѣсню (что называется нынѣ вообще произведеніемъ Лирическимъ)—и пѣлъ ее всенародно. После изобрѣшеннаго уже письма, люди занимавшіеся общеспвенными дѣлами, спали

искашь не одного удовольствія: баснословныя сказки показались имъ нелѣпыми, и они начали почищать доспойными своего вниманія однѣ происшествія истинныя. Тогда испорики оставили поэзію и всѣ ея украшенія, сипали писать прозою и сипарались предспавлять справедливыя и вѣрныя извѣспія о временахъ пропекшихъ; философъ началъ говоришь одному разсудку; Орапоръ, желая убѣждашь своими доводами, удержалъ болѣе или менѣе пылкость слога, смотря по предметамъ своимъ и цѣли, кошорую предполагалъ себѣ. Съ тѣхъ поръ поэзія сдѣлалась особеннымъ искусствомъ, кошорое спремилось по большей часпи къ шому, чшобы нравишься, дѣйспвуя надъ воображеніемъ и спраспями. Съ нею разлучилась шогда же и музыка, подруга ея дѣйспства.

ПОЭМА. Роѣта. — Поэмою назваться можешъ всякое сочиненіе, написанное спихами, съ подражаніемъ изящной природѣ. По сему поэма бываетъ: *Повѣствовательная* или *Эпическая*, *Драматическая*, *Лирическая*, *Дидактическая* или *Поучительная*, *Буколическая* или *Пастушеская*, *Елегическая*, *Эпиграмматическая*, *Сатирическая*,

¹⁴ Епистолярная, ¹⁵ Генетліатеская, ¹⁶ Епитала-
 мическая, ¹⁷ Анобатерическая, ¹⁸ Епобатерическая,
 Пропемптическая, ¹⁹ Синхаристическая, ²⁰ Епи-
 никитическая, ²¹ Сотерическая, ²² Панегиритическая,
 Евхаристическая, ²³ Еонитеская, ²⁴ Схолитисе-
 ская, ²⁵ Просевитическая, ²⁶ Описательная.

Всѣ упомянутыя шермины объяснены
 въ семь Словарѣ съ показаніемъ и однозна-
 чущихъ съ ними словъ.

ПОЛИКОЛОНЪ или ПОДИМЕТРЪ.

Polycolon, Multiforme. Многомѣръ или Разно-
 мѣръ.—Сочиненіе, содержащее разные раз-
 мѣры стиховъ.—*πολύς*, многій; *κόλον* стихъ
 извѣстной мѣры. — Таковы, на примѣръ,
 сочиненія: Державина *На взятіе Варшавы*,
Любителю художествъ и пр. къ сему же
 роду стихотворенія принадлежишь напе-
 чашенная въ 6 часши *Трудовъ Общества*
Любителей Росс. Словесности при Импер.
Моск. Университетѣ Лирическая пѣснь А.
 Сшепанова подъ названіемъ *Сила ума.....*

Поликолонолѣ не, можно называшь ша-
 кого сочиненія, въ кошоромъ. употребле-
 ны хотя разномѣрные стихи, на примѣръ
 шесписопные съ чепыреспонными и пр.
 но принадлежащіе къ одному мѣру или
 размѣру, какъ шо къ Ямбу, Дакшилю, Ана-

песну, либо Хорею: онъ долженъ бытъ со-
составленъ непремѣнно изъ разныхъ стопъ
и размѣровъ. При томъ авторъ обязанъ
наблюдать, чѣобы перемѣна размѣра или
стопы происходила кспати, и прилич-
но описуемому предмету, а непроспо для
показанія того только, что ему извѣст-
ны все роды стопъ. Такъ у Державина въ
сочиненіи *На взятіе Варшавы* послѣ стиховъ

Какъ шумъ морей , какъ гуль воздушныхъ
споровъ

Изъ дола въ доль, съ холма на холмъ ,
Изъ дебри въ дебрь, оштъ рода въ родъ ,
Прокатаишся, пройдешь ,
Промчишся, прозвучишь ,
И въ вѣчностъ возвесишь ,
Кшо былъ Суворовъ !

По бранямъ Александръ, по доблести Споикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣспилъ и въ обоихъ великъ.

Весьма удачно сдѣлана перемѣна размѣра
при описаніи быспрошы побѣды знамени-
таго полководца:

Черная туча мрачныя крыла ,
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла ,
Вихрь полуночный лешипъ богатырь и пр.

Но въ *пѣсни* Господина К. *О перволюбъ сраженіи Русскихъ съ Татарами при рѣкѣ Калкѣ* и пр.—по замѣчанію, напечатанному въ *Журналъ Сынъ Отечества* (1820. N. XII.) — весьма не кспашаи сдѣлана такая перемѣна. „Мспиславъ, изнемогши опъ ранъ, упадаешъ безъ чувспвѣ; авпоръ объ немъ сѣшуешъ; обспояшельспва, кажешся, прсбующъ мѣдленнаго разсказа, но.... спихи поскакали:

Смершный ѳмракъ,
 Сну подобный,
 Силу Князя
 Оковаль и пр.

Музыка безъ поэзіи бездушна, продолжашъ рецензешъ; но поэзія безъ музыки скучна—и какъбы спихошворецъ ни наспроиваль разумъ слушашеля — плакашъ по плясовымъ размѣрамъ не возможно.,,

ПОЛИМЕТРЪ. Многѣмѣрь. *Πολύς*, многій; *μέτρον*, мѣра.—См. *Поликолонѣ*.

ПОЛУСТИШІЕ. *Hemistichium*.—Половина спиха. Средина же между двумя половинами или *полустисшіями* именуешся *прсѣтенелюбъ*. См. сіе слово и *Цезура*.

Правила о составленіи полуспишиій подробно описаны въ сшашьяхъ *Анапестбъ*, *Дактиль*, *Хорей* и *Ямббъ*.

ПОПРАВЛЕНІЕ. Epanorthosis. Correctio.— Въ Риторикѣ фигура предложеній. Сосшоипшь въ шомъ, когда рѣчь повшоряепся для присовокупленія къ ней другой, которая шой больше или сильнѣе.

Цицеронъ въ словѣ за Мурену говоритъ: такое зло думающъ о своемъ опечесливѣ граждане—граждане, ежели смѣшь назвашь ихъ шакимъ именемъ.

И въ словѣ за Секста Росція Америна: какія пированія, думаете вы, были въ шаковомъ домѣ? ежели домошъ назвашь можно, а не училищемъ плушовспва и пристанищемъ всѣхъ пороковъ.

Авторъ, желающій употребить сію фигуру, долженъ показашь, будто сдѣлалъ упущеніе какого либо слова или мысли нечаянно, и желаетъ шопчасъ исправить свою ошибку.

Къ сей же фигурѣ принадлежитъ и то, когда авторъ опшвергаетъ прежнюю свою мысль и замѣняя оную другою, возвышаетъ чрезъ шо описываемый имъ предметъ—

какъ на пр. въ сшихахъ Державина *Водопадъ*.

Вся наша жизнь не что иное
 Какъ лишь мечтаніе пустое.
Иль нѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ
 На нѣжномъ волоскѣ висящій,
 Въ кошорый бурь, громовъ ударъ
 И молніи небесъ яраци
 Опвсюду беспреспанно бьютъ —
 И ахъ! Зефиры легки рвутъ.

ПОРТРЕТЪ. См. *Описаніе*.

ПОСЛАНИЕ. См. *Епистола*.

ПРАВДОПОДОБІЕ. Цѣль, кошорую непосредственнo предполагаетъ себѣ Поэтъ въ вымыслахъ, есть удостовѣреніе, а удостовѣришь насъ немначе онъ можеть, какъ соображаясь съ находящимся въ насъ понятіемъ о томъ, чему подражаетъ. И шакъ *правдоподобіе* соспоишь въ вымыслахъ сообразныхъ съ нашимъ понятіемъ, и слѣдственнo съ природою; шо есть: когда Поэтъ предспавляетъ намъ какое нибудь происшествіе, или какую нибудь вещь, кошорой образца мы не видали, шо

сіе происшествіе, сія вещь, должны непремѣнно имѣть сообразныя съ натурою и свойствами своими дѣйствія и качества. На примѣръ: не мудрено выдумашь живошныхъ ужасныхъ или героевъ чрезмѣрной величины и силы, но надобно сохранити соразмѣрность въ ихъ чашяхъ и дѣйствіяхъ; въ семъ заключается *правдоподобіе*.—Прочитавши описаніе Полифема, мы почишаемъ уже за возможное, когда спихотворецъ рассказываетъ, что онъ перебрасываетъ горы.

Сочинитель книги *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоге Россійскаго языка* весьма справедливо замѣчаетъ у Ломоносова ошибку противъ правдоподобія въ слѣдующихъ стихахъ:

Возри въ лѣса на Бегемоша,
 Что мною сотворень съ шобой;
 Колючій тернь его охопа
 Безвредно попирашь ногой.

Послѣ сихъ строкъ мы воображаемъ настоящаго Бегемоша, нимало не увеличивая его, въ нашемъ воображеніи, ибо знаемъ, что сіе живошное въ состояніи произвешти приписываемое ему дѣйствіе. Но Ломоносовъ продолжаетъ:

Какъ верви сплечены въ немъ жилы,
 Опвѣдай пы своей съ нимъ силы!
 Въ немъ ребра какъ лишая мѣдь:
 Кпю можешь рогъ его сопрѣшь?

Тутъ нѣтъ *правдоподобія!* по дѣйствию Бегемопа мы легко можемъ сомнѣваться въ истинѣ сдѣланнаго объ немъ описанія — и пошому сочинитель упомянутой книги шакъ о семъ разсуждаешъ:

„Изображеніе крѣпости и силъ поль огромнаго живошнаго, недовольно соотвѣтсвуешъ изображенію дѣйствія или употребленія шѣхъ же самихъ силъ его; ибо о шакомъ звѣрѣ, у кошораго жилы какъ сплетенныя верви, ребра какъ литая мѣдь мало сказашъ, что онъ колюгій тернѣ безвредно попираетъ ногами; надлежало бы сказашъ нѣчто болѣе, нѣчто удивительнѣе сего.,,

Наибольшая трудность состоишъ въ сохраненіи *правдоподобія* при изображеніи существъ духовныхъ. Какъ ни сильно воображеніе поэша, сколь ни стараешся онъ придавашъ симъ неорганическимъ существамъ премудрости, чувствительности и пр. но сіи свойства не иначе онъ можешъ предсавишъ, какъ въ высочайшей

степенени мудростию и чувствительностию человеческими, ибо, говоритъ Тассъ, человекъ не можетъ *подражать* Божеству. *La Divinità non puo da lui essere imitata.* И потому ежели Поэтъ вводитъ въ свое сочинение какихъ бы то ни было духовъ, то дабы не погрѣшить противъ правдоподобія, долженъ заставлятъ ихъ болѣе дѣйствовать и менѣе говорить. Для сей-по причины они почти никогда не бываютъ видимы въ Трагедіи, а ежели иногда и вводятся, то говорятъ только нѣсколько словъ, и тотчасъ исчезаютъ. Такъ въ Трагедіи *Макбифъ*, послѣ того, какъ сей злодѣй убилъ своего Короля, вдругъ являея ему страшный призракъ и сказавъ, *ты никогда не уснешь*, скрывается. Что можетъ бытъ сего просше и ужаснѣе?

Для сохраненія совершеннаго правдоподобія въ поэмѣ Епической надлежитъ наблюдать, чтобы сверхъестественное соединялось съ естественнымъ и производило общее дѣйствіе. Сему примѣръ видимъ въ *Иліадѣ*. Вся поэма основана на любви Кризиды къ своей дочери. У него похищили ее; онъ требуетъ возвращенія и получаетъ отказъ отъ Царя, содержащаго ее въ плѣну. Кризидъ, какъ жрецъ

Аполлона, обращается съ прозьбою къ сему богу. Аполлонъ покровительствуетъ ему и въ опмщеніе за него пускаетъ въ Греческой странѣ ядомъ наипанная стрѣлы. Язва распросираняется въ ономъ и Калкасъ объявляетъ, что Аполлонъ не прежде умилоспивишься, какъ по удовольствореніи жреца его за причиненную ему обиду. Ахиллесъ соглашается возвраишь его дочь; но Агамемнонь, которому доспалась она по жребію, спребуетъ за нее другаго выдѣла изъ добычи. Ахиллесъ упрекаетъ его въ корысплюбіи и неблагодарности. Отсюда начинается вражда между ними, споль пагубная для Грековъ. — Не возможно связать происшествій съ болъшею легкостію и простиною; и въ семь-то соединеніи чудеснаго съ еспешвеннымъ заключається главнѣйшее правило *правдоподобія*.

ПРЕВРАЩЕНІЯ. Metamorphoses, transformatio. Родъ припчи (см. сіе слово), ибо въ ней дѣйствуетъ всегда человекъ, превращаемый въ живошное, въ дерево, въ испочникъ, въ камень и пр. Содержаніе обыкновенно берется изъ Мифологіи. Можно соединять въ сей поэмѣ смѣлые фигуры,

разительныя описанія, даже слогъ высокій съ просопою Аполога (Басни), не упу- ская изъ виду, какъ и во всякомъ другомъ сочиненіи, пользы, копорая состоишь въ избраніи шакихъ предметовъ, гдѣ *превращеніе* служишь наказаніемъ пресупленія, или воздаяніемъ добродѣтели.

Овидій, рожденный въ Сульмонѣ, чпо въ Неапол. Корол. за 10 лѣтъ до Р. X. оспавиль прекраснѣйшіе и всѣмъ извѣстные въ семь родѣ образцы.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. Propositio. Такъ называешся въ поэмахъ начало, гдѣ Поэпъ предлагаешъ крапко о шомъ, о чемъ пишашъ намѣренъ.—*См. Епигескій.*

ПРЕМѢНЕНІЕ. Epanodos, antimetabole. Въ Рипорикѣ фигура предложеній. Состоишь въ шомъ, когда чрезъ преложеніе рѣченій раждаюпся прошивныя мысли. На пр: весьма погрѣшаешъ вы (говоришь Демосфенъ къ Афинянамъ), чпо чрезъ шо надѣешся произвести счаспіе изъ несчаспія, чрезъ чпо изъ счаспія несчаспіе сдѣлалось.

Сюда же принадлежишь и слѣдующее:

Ежели пы чпо хорошее сдѣлаешъ съ шрудомъ, шрудъ минешся, а хорошее оспа-

нешся; когда же сдѣлаешь что худое съ услажденіемъ, услажденіе минешся, а худое оспанешся.

Не для того мы живемъ на свѣпѣ, чшобы насыщашься, но для того насыщаемся, чшобы живпѣ.

Фигура сія имѣетъ сходство съ другою, называемою *Антитезисъ*.—См. с. с.

ПРЕРВАНІЕ. *Abruptio*.—См. *Умоланіе*.

ПРИДИКТИЧЕСКІЙ. То же самое значпѣ, что Панегирической или Епидиктической.—С. с. слова.—Имя сіе придаетъ сшихопвореніямъ, прославляющимъ добродѣтель и знаменпые подвиги.

ПРИЗЫВАНІЕ. Въ Риторикѣ фигура предложеній.—См. *Обращеніе*.

Симъ именемъ называется еще та часть поэмы, копорая слѣдуетъ за *предложеніемъ*, и въ копорой поэтъ призываетъ божество или другое какое-нибудь лице и проситъ помощи или наспавленія къ продолженію своей поэмы.—См. *Епическій*.

ПРИНУЖДЕННОСТЬ. *Affectatio*.—Погрѣшность въ сочиненіи. Она происходитъ

опть *безлибрнаго* желанія нравиться, и со-
споишь въ изысканныхъ, *принужденныхъ*
мысляхъ, выраженіяхъ, оборотахъ; въ из-
лишнемъ спараніи казашься *натуральнымъ*,
шустливымъ, или чувствительнымъ. Та-
кой писатель часто употребляетъ для
сего спаранныя Меллафоры, слова и рѣче-
нія необыкновенныя, и поришть шо, что-
бы могло бышь пріятно, если бы написа-
но было простѣе.

Въ самомъ дѣлѣ весьма спранно, ког-
да авторъ вмѣсто того, чтобы объяснить
мысль свою просно, употребляетъ выра-
женія и обороты необыкновенныя — вмѣ-
сто того, на примѣръ, чтобы сказашь
Луна свѣшшть, говоршть *блѣдная Геката*
отражаетъ тусклые отсвѣтки...

Вмѣсто: *плѣняющій* душу сочинитель
сей шѣмъ больше нравшсь, чѣмъ больше
его читаешь — *Елегическій авторъ* сей по-
буждая къ чувствительности назидаетъ вооб-
раженіе къ *вяишему участванію...*

Вмѣсто: жаркій солнечный лучъ, по-
среди лѣша, понуждаешь искашь прохлад-
ной шѣни — *въ средоточіе лѣта жгущій левъ*
уклоняетъ обрѣсти свѣжесть....

Вмѣсто: какой *благорасшворенный* воз-

духъ!—это я обоняю въ развитіи красотѣ
вождеденнѣйшаго періода! и пр. и пр.

Примѣры сіи показаны въ книгѣ извѣ-
стнаго нашего любителя и знапка опе-
чественной словесности А. С. Шишкова,
подъ названіемъ *Разсужденіе о старомѣ и
новомѣ слогахъ Россійскаго языка*. — Здѣсь
кспаци почипаемъ сказаць, что сія кни-
га принесла нашимъ писателямъ немало-
важную пользу: весьма примѣшно, что по-
слѣ ея появленія въ свѣтъ, рѣже спали
вспрѣчашься подобныя вышепоказаннымъ
нелѣпости.

Французскій писатель Вуашюръ, раз-
суждая объ одномъ спранномъ выраженіи
младшаго Плинія, говоритъ: несправедли-
во ли, что это мѣлкаго ума дѣло, опбра-
сываць слово, кошорое пошчасъ предспа-
вляешься и кошорое приличнѣе прочихъ, а
опыскиваць съ неушомимостію другое,
худшее перваго и не споль выразишельное?

Принужденность почти всегда бываешь
признакомъ шакого человека, кошорый
имѣя дарованія весьма посредственныя, а
можешь быць и лишень будучи надлежа-
щаго образованія, не увѣренъ въ шомъ,
что дѣйспившельно хорошо, и по сему
выдуманное съ прудомъ предпочипаешь

простому и натуральному, могущему всегда и каждому нравиться.

Примѣры *принужденности* въ стихахъ найдешь чипашель въ спашьѣ *Елегія*.

ПРИРАЩЕНІЕ.—См. ниже.

ПРИРОДА изящная. — См. *Натура и Поэзія*.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ или приращеніе. Adjunctio, zeugma.—Въ Рипорикѣ фигура рѣченій. Соспоишь въ помъ, когда къ одному имени многіе глаголы, или къ одному глаголу многія имена относящяся. На пр:

Сего Тигранъ, Царь Арменскій, принялъ, и уже на себя больше не уповающаго ушвердилъ, оскорбленнаго возспавиль и совсѣмъ опчаяннаго ушѣшилъ.

Цицер. за Манил.

Помпея ни лакомство къ полученію какой добычи, ни сластолюбіе къ роскоши, ни веселіе къ услажденію, ни великолѣпіе Афинъ къ познанію, ниже самый шрудъ къ упокоенію опъ приняшаго намѣренія не опозвали.

Цицер. талѣ же.

ПРИТЧА. Родъ Басни, въ копорой вводятся люди.—См. *Басня*.

ПРОЗА. *Prosa.* Проза есть обыкновенный языкъ, копорымъ говорящъ люди; въ ней нѣтъ ни размѣровъ, ни рифмъ, находящихся въ стихахъ.

Латинское слово сіе *prosa* нѣкопорые производящъ опъ Греческаго *πρόσω*, впередъ; другіе опъ *prorsa* и *prorsus*, идущій прямо, по прошивоположности къ *versa*, назадъ—потому что писашель въ прозѣ, шакъ сказашъ, идешъ всегда впередъ, а стихопворецъ, прошедъ нѣкопорое извѣстное пространство (въ нѣсколькихъ слогахъ состоящее) принужденъ обращаться назадъ для повшоренія прежняго своего пущи, шо ешь, прежняго ладу, размѣра.

Прозѣ не поэзія прошивопологается, а стихосложеніе, ибо поэзія состоитъ не въ механическомъ совокупленіи словъ. — См. *Поэзія*.

Проза опношится къ краснорѣчію, (*eloquentia*), шакъ, какъ стихи къ поэзіи. Можно говоришь и не бышь краснорѣчивымъ; можно писашъ стихи не будучи поэшомъ.

Хотя проза всегда была обыкновенным нарѣчіемъ, но не всегда употребляли ее для произведеній ума, ни для сохраненія въ памяти происшествій. У Грековъ всѣ исторіи, законы и самая философія писаны были стихами, и не извѣстно, кто первый изъ нихъ осмѣлился сложить сіе иго, начавши для шаковыхъ твореній употреблять прозу. — По словамъ Плинія, у Грековъ первое философическое сочиненіе въ прозѣ написано было Ферекидомъ, современникомъ Кира, но изъ сего не слѣдуешь, чтобы Ферекидъ былъ первый прозаисъ; ибо Павзаній упоминаетъ объ одной Коринфской исторіи въ прозѣ, приписываемой какому-то Румелусу, и сочиненной за 740 лѣтъ до Р. Х. то есть за 200 лѣтъ до Ферекида и Кира.

Писатель въ прозѣ называется *Прозаистъ*.

ПРОЗАИЧЕСКІЙ. Prosaicus. Имя сіе придается сочиненію, написанному въ прозѣ.

Прозаическими называются еще стихи, въ которыхъ нѣтъ ни пріямнаго слова, ни мыслей, ни картинъ. Таковы слѣдующіе, взятые изъ Трагедіи *Димитрій*

Донской, кошорая впрочемъ заключаешъ въ себѣ много хорошаго. Димитрій говоритъ Ксеніи :

Но презришь спрасъ мою шебѣ казалось мало:
 Жесшюкоши швоей шого недоспавало,
 Чшобы свидѣшелемъ Димитрію здѣсь бышь,
 Какъ будешъ шы собой соперника даришь.
 Но сполькожъ правъ какъ онъ я надъ шобой
 имѣю.

Онъ избранъ спаль опцемъ, я избранъ былъ
 швоею

Умершей маперю передъ концемъ ее.

Особливо послѣдніе два сшиха ни мало не соопшвѣпшвуюпш прагическому спихопворспву: въ нихъ нѣпш ни силы Пшпшической, ни гармоніи, и мысль шакъ расшянуша, шакъ неудачно перенесена изъ одного сшиха въ другой, чшо по всей справедливосши могушъ они назвашься *прозаическими*—не говоря уже о погрѣшноспи Граммашической въ словахъ *передъ концемъ* ее, ибо слѣдовало сказашь *ея*.

ПРОЗОПОГРАФІЯ. См. *Описаніе*.

ПРОЗОПОПЕЯ. См. *Заимословіе*.

ПРОКЕЛЕВСМАТИКЪ. Терминъ Греческой и Латинской поэзіи. Спопа, состоящая изъ чешырехъ крапкихъ слоговъ или, что все равно, изъ двухъ Пиррихievъ; какъ въ словахъ: *animula, hominibus, renuere, Φιλοσοφος*, или какъ выговаривающіяся въ словѣ *нѣкоторыя* чешыре послѣднихъ слога. — Слово *еіе* происходитъ отъ *περὸ, ante, предъ, и κέλευσμα, hortatio, убѣжденіе, поощреніе*, а *сіе* отъ *κελεύω, jubeo, hortor*; по чему Прокелевсматикъ значить *поощряющій идти впередъ*, ибо чешыре крапкихъ слога кряду ускоряющъ произношеніе, и какъ будто принуждающъ чишающаго идти далѣе.—Спопа сія называется еще *Дипиррихій*. См. с. с.

ПРОЛОГЪ. Prologus. Прологъ былъ въ употребленіи на древнемъ театрѣ; онъ содержалъ въ себѣ изложеніе послѣдующаго за нимъ Драмашическаго сочиненія и произносимъ былъ опредѣленнымъ къ тому актеромъ; иногда же шакіе прологи произносились были предъ каждымъ актомъ.

Нѣкоторыя прологи не иное что были, какъ рѣчь къ зрителямъ: ими испрашивали благоволенія или заславляли чрезъ разные шушки смѣяться.

Въ новѣйшемъ театръ таковыя прологи не употребляются, а бываешь подъ симъ именемъ нѣкопорый родъ Драмагическаго представленія, имѣющаго отношеніе къ насюящему всенародному поржесшву. Такой прологъ, подъ названіемъ *Новыя Лавры*, сочинень былъ А. П. Сумароковымъ въ 1759 году, на случай одержанной Россіянами при Франкфуртѣ побѣды, и представлень въ день Тезоименишсва Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ. Дѣйствующія лица въ ономъ: *Истина, Минерва, Нептунъ, Аполлонъ, Марсъ, другіе боги, Побѣда, Россіяне и Россіянки*. Начинаешя шѣмъ, что всѣ упомянутыя боги и богини прославляють Россію и владѣшельницу ея: Истина—за правосудіе, Минерва — за введеніе наукъ, Непшунъ—за усшройшсво флоша, Аполлонъ—за покровишельсшво поэзіи. Весь прологъ написанъ со вкусомъ и довольно чисшымъ слогомъ. Вошь слова Аполлона:

Я зрю въ Россіи Геликонъ:

Разорвалися въ ней державши разумъ узы,

И обишаютъ Музы,

Не зря словесному ученію препонъ:

Пошоки Ипокрены,

Съ пвоей, Нева, мѣшаяся волной

Текушь Полночною спраной!

И орошаюшь днесь пвои, Пепрополь, спѣны!

Не шѣмъ ужъ мѣспомъ шы, Пепрополь, нынѣ
зримъ,

Гдѣ прежде жили Фины:

На сихъ берегахъ поспавлень древній Римъ,
И древнія Афины.

Тушь

Словесныя Науки днесь цвѣшпуть.

О Пешрѣ! о шы Елисавета!

Пребудушь Ваши въ вѣкъ на свѣшпѣ имена,

Въ коропки времена

Вы шо исполнили ко удивленью свѣша.

Марсъ возвѣщаешъ со всею подробно-
спію объ одержанной побѣдѣ. За симъ слѣ-
дуешъ хоръ Россіянъ:

Ты Россія ушѣшайся,

Видя шоль доспойныхъ чадъ;

И побѣдой украшайся!

Веселися шы, сей градъ,

Съ полуночными спранами;

Врагъ поверженъ сильно нами!

Во время сего пѣнія облака закры-
ваюшь боговъ, а пошомъ расходяпся и

открывающъ храмъ славы. Тамъ видны: *Побѣда* съ лавровою вѣнчивою и Россіяне, собравшіеся торжествовать день сей. Начинается балетъ и пр.

Нѣсколько подобныхъ *Прологовъ* можно видѣть въ разныхъ поемахъ *Россійскаго Театра*.

Прологи могутъ быть съ успѣхомъ помѣщаемы въ началѣ поэмъ Дидактическихъ, Историческихъ или повѣствовательныхъ и паспущескихъ: *Лукрецій*, *Аріостъ*, *Тассъ* и *Лафоншенъ* служатъ сему образцами; но въ важныхъ поемахъ Эпическихъ оныя не употребительны, по крайней мѣрѣ не видимъ ихъ ни у Гомера, ни у *Виргилія*.

Слово *Прологъ* есть Греческое, составленное изъ *πρό*, предъ, и *λόγος*, слово, рѣчь, и собственно значить *предисловіе*, *предрѣчіе*.

ПРООДИЧЕСКІЙ. Въ древней поэзіи называли симъ именемъ одинъ или многіе большіе стихи въ сравненіи съ меньшими предъ ними, оканчивающими спрофу или куплетъ. И такъ въ двуступиши, составленномъ изъ *Екзаметра* и *Пеншаметра*, или шестиступнаго и пятиступнаго, пер-

вый будетъ стихъ *Продигескій*, а впорый будетъ *Еподѣ*.—См. с. с.—Въ Сафической спрофѣ при первыхъ стиха будутъ *Продигескіе*, а послѣдній *Адонигескій* стихъ называшься долженъ *Еподолѣ*.

Слово сіе происходитъ отъ *προ*, предъ, *ωδῆ*, пѣснь, и слѣдственно значить *поющійся прежде*.

ПРОПЕМТИЧЕСКІЙ. Такъ называется поэма, копорою *провождаящіе отбѣзжающилѣ* изъясляютъ свое сожалѣніе и желаніе имъ благополучія.—*Аполлосѣ*.—По сему сочиненіе Державина на *отсутствіе Имп. ЕКАТЕРИНЫ* второй въ *Бѣлоруссію*, (1780) можетъ назвасться пропетическимъ. Вотъ начало онаго :

Нѣ бряцай печальна лира
Громкой пѣсни шы въ сей часъ,
Благодѣшельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музь Богиня удалилася,
Изъ Пешрополя сокрылась
Машерь отъ своихъ дѣшей :
Солнцу красному подобно
Счасшье, кажешся, народно
Укашилося за ней.

И окончаніе:

О пріятный вѣспрь полдневный!

Водъ прозрачныя струи!

Нивы злачны! лѣсъ зеленый!

Сладкопѣвны соловьи!

Дни веселы! воздухъ чистый!

Сельски Нимфы голосисты!

И пріятная весна!—

Долгъ Богинѣ отдавайше,

И мѣста шѣ украшайше,

Гдѣ грядеть шеперь Она.

ПРОСЕВХТИЧЕСКІЙ. Симъ именемъ называется поэма, кошорою Бога молящъ, или у высокихъ лицъ милоспи испрашивающъ.—*Аполлосѣ.*

ПРОСФЕЗИСЪ. Родъ Мешапласма. Состоишь въ перемѣнѣ слова чрезъ прибавленіе въ началѣ одной или нѣсколькихъ буквъ. Prosthesis arponit capiti.—См. Мешапласмъ.—Ошь *πρὸς*, къ, при; *φῆσις*, положеніе.

ПРОТИВОПОЛОЖЕНІЕ см. *Анти-тезисѣ.*

ПРОХОЖДЕНИЕ, или припворство. Praeteritio. — Въ Риторикѣ фигура предложений. Соспоишь въ шомъ, когда авторъ показываесть, будто желаесть умолчать о шомъ, о чемъ уже говоритъ, и чрезъ сіе живѣе изображаесть свои мысли.

Флешье, Французской проповѣдникъ, въ надгробномъ словѣ знаменишому полководцу Тюреню, говоритъ:

Не ожидайте, слушатели, чптобы я вамъ ошкрылъ здѣсь печальное позорище, и предспавиль сего великаго ироя посре-дѣ своихъ побѣдительныхъ знаковъ безды-ханна, и чптобы показалъ вамъ блѣдное и окровавленное шѣло, дымящееся еще ошъ оной молніи, кошорая поразила его и пр.

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Императрицѣ **ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ**, шакже употребиль сію фигуру:

. Того ради не изображаю словомъ блисшающія лѣпошы лица ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной, ни успѣ щедрому испочающихъ, ни очей воззрѣніемъ оживляющихъ и пр.

ПѢСНЬ. Cantus. Имя сіе придается нѣкопорому опредѣленію въ поэмахъ, гдѣ авторъ включаетъ извѣстную часть своего повѣспованія.

ПѢСНЯ, Cantus, Cantique, Chanson, Canzonetta. Родъ Лирической поэзіи: оду также называютъ иногда Лирическою *пѣснею*.

Пѣсня естъ небольшая поэма, къ которой обыкновенно придѣлываютъ музыку, или, что все равно, копорую полагаютъ на голосъ. Она можетъ имѣть различное содержаніе, какъ ниже будетъ сказано, однакожъ не столь важное какъ въ *одѣ*:—она не шерпитъ ни опспуплений, ни безпорядка, свойспвенныхъ послѣдней. — *См. Ода.*

Пѣсня пребуетъ мыслей еспеспвенныхъ и замысловапыхъ, слога легкаго, изображеній нѣжныхъ и пріятныхъ, клонящихся къ одной и той же цѣли. Она не должна бытъ слишкомъ велика, попому что долго *пѣть* не возможно. Раздѣляется также какъ ода на спрофы, называемыя *куплетами*. Иногда въ пѣсняхъ упопреляется *припѣвѣ*, копорый, соспоя въ одинакихъ словахъ, придаваемыхъ къ каждому

куплешу, долженъ бышь всегда обращаемъ къ главной мысли.

Руссо говоритъ: „пѣсни всегда были свойственны человѣку. Древніе, прежде еще упопребленія письмянъ, имѣли уже пѣсни; ихъ законы, испоріи, славословіе боговъ и великихъ людей воспѣвались прежде, нежели были написаны, и ошь шого-шо, какъ думаешъ Аришпшель, Греки дали одно имя законамъ и пѣснямъ.,,

О пѣсняхъ у Древнихъ. Орфей и Линъ начали поэпическое поприще свое сочиненіемъ *пѣсенъ*; Ерифанисъ пѣлъ *пѣсни* преслѣдуя звѣроловца Меналка; Греческія женщины пѣли *пѣсню* въ воспоминавеніе несчастій молодой Каликеи, умершей ошь любви къ нечувспвишельному Евалду; Фесписъ прославлялъ виноградъ, Силена и Вакха *пѣснями*; всѣ Анакреоновы оды не иное что супъ, какъ *пѣсни*, шакже какъ шворенія Сафы и Пиндара. Словомъ, вся Лирическая поэзія состоиптъ *въ пѣсняхъ*; но мы должны ограничипшь себя шѣми изъ нихъ, кои особенно пользующся симъ именемъ.

У древнихъ въ бѣльшемъ [упошребленіи] были *пѣсни застольныя*.

Въ первыя времена всѣ госпи, по свидѣтельству Дицеарха, Плущарха и Аршемона, пѣли вмѣстѣ и однимъ голосомъ похвалу божествамъ, почему и были сіи пѣсни насущащія *Пеаны* (с. с. с.) или священные каншы.

Въ послѣдствіи, госпи или всѣ сидящія за столомъ пѣли одинъ за другимъ по порядку, держа въ рукахъ миршовую вѣшвь, кошорая шакже переходила ошъ одного къ другому.

Наконецъ, когда музыка усовершенствовалась въ Греціи, и когда спали на пирахъ упошребляшъ лиру, тогда, говоряшъ вышеприведенные при писателя, одни только искусные въ шомъ люди пѣли за столомъ, а прочіе ограничивались держаніемъ миршовой вѣшви.

Сіи пѣсни, воспѣваемыя съ пригрываніемъ на лирѣ, и введенныя въ упошребленіе Терпандромъ, назывались *Схоліи*, (слово, значащее косвенный, излучисшый) для показанія шрудности въ семъ искусствѣ, или, по словамъ Аршемона, для того, что сидящія пѣли не по порядку и образовали иногда косвенную линію. Предметомъ оныхъ были не только любовь и вино, но ишшорія, военныя происшесшвія

и даже нравственность. Такова слѣдующая Аришпоселева *Схолья*, предложенная Мерзляковымъ :

О радость, о прелесть безсмертная смертныхъ,
Добыча безцѣнная лѣшь,

Предметъ и награда трудовъ неизчепныхъ,
Опъ свѣща небеснаго свѣщъ!—

О доблесть, о дѣва красотъ неизмѣнныхъ,
Ты слава Еллады сыновъ возвышенныхъ.

Препоны ли рока возстанушь ужасны :

Ничпо для плѣненныхъ побой!—

Возстанушь ли злобы гоненья напрасны ;

Спокойно грядемъ за побой!—

Ты въ ужасахъ ночи вдвое свѣшлѣе,

Ты въ горѣ, въ ненастьѣ вдвое милѣе !

Предъ кѣмъ шренепала и гдѣ успушила

Опъ неба вліянная кровь,

Везсмертное сѣмя, божественна сила,

Къ тебѣ всемогуща любовь?

Родители, други, спокойство—безцѣнны :

Ты взглянешь, шы скажешь—и всѣ вдругъ забвенны !

Кѣмъ пламенны были вы, опроки Леды,

И съ кѣмъ Геркулесь перешекъ

Дванадесять быспро ступеней побѣды? —
 Въ нихъ видишь, въ нихъ любишь себя че-
 ловѣкъ!

Аякъ, съ Ахиллесомъ въ могилу сокрылись:
 О доблесшь; — ихъ гробы въ алшарь превра-
 шились.

Нашъ добрый хозяинъ и ласковъ и дружень:
 Твой образъ ему предстоишь.

Онъ солнца не видишь: *) свѣшь солнца не
 нужень

Тому, кто прелестную зришь.

Вся жизнь его блещеть благими дарами;—
 И вѣчность богаша для добрыхъ вѣнцами.

О памяши дщери, хвалами обильны!

Вы славише въ храмахъ небесъ
 Госшепримспива законы всеильны,

Въ копорыхъ почіешъ Зевесъ:—
 Да славишсяжъ вѣчно пѣсню нелеспной
 Хозяина добраго пиршешсво честно!—

Вы любите въ спарцѣ сердце младое,
 Веселосшь и рѣзвосшь подь часъ;

*) Надобно думать, что хозяинъ былъ слѣпой.

Вамъ хлѣбосольство любезно златое
 И дѣдовска вѣрность, гость рѣдкой у насъ!....
 Да слависяжь вѣчно пѣснью нелестной
 Хозяина добраго пиршества честно!—

Однакожь не всѣ ихъ *Схолои* были
 шакъ величественны ; вошь содержаніе
 другой, взяшой изъ Афінея :

Здоровье—первое благо на свѣшѣ!
 Вшорымъ безъ спыда назовемъ красосу ;
 А прешье благо у насъ на примѣшѣ
 Богатство,—но истиннымъ шо лишь почту,
 Которое совѣсти нашей
 Не жалишь упрека змѣями ;
 Четвертое благо: вмѣстѣ съ друзьями
 Сидѣшь за наполненной чашей.

Голенищевъ-Купузовъ перевелъ слѣ-
 дующую *Схолою* Сафы :

Умѣла сдѣлать я прелестный сей нарядъ,
 Гдѣ блещуть злато, шелкъ и съ ними багря-
 ница ;
 Алмазы огненны въ одеждѣ сей горятъ ;
 Прими ошъ Сафы даръ, Цишерская Царица!

Попомсшву возвѣщу на громкихъ яспрунахъ
Колико я швоей щедршой награжденна!

Приди, швоимъ дворомъ прелесшнымъ окру-
женна,

Присушсшвуй, при моихъ весельяхъ и пирахъ!

Въ злапья чаши къ намъ богининой рукою
Некшаръ, пишье боговъ, шеки всегда рѣкою!
Дай новы прелесши шы счастью нашихъ дней!

Богиня видишь предъ собою

Въ моихъ друзьяхъ, швоихъ друзей.

Греки имѣли шакже особенныя пѣсни для разныхъ состояній: пѣсни пасшуховъ назывались *Буколитескими*; пѣсня жнецовъ именовалась *Литіерза*, по имени Мидасова сына, любившаго упражняпсья въ жапвѣ; пѣсня мѣльниковъ имѣла названіе *Имея* или *Епіоля*; пѣсню шкачей называли *Елина*; *Цула* была пѣсня работающихъ шерспяныя издѣлія; пѣсня кормилицъ именовалась *Катаваккалеза* или *Нуннія*; пѣсня любовниковъ была *Ноліона*; пѣсня женщинъ *Каликіею*, а пѣсня дѣвъ *Гарпаликіею* назывались.

Для особенныхъ случаевъ имѣли они: пѣсню брачную, называемую *Именія* или *Епиталама*; *Талелія* и *Линосѣ* для печаль-

ныхъ происшествій. Сей *Линосб* былъ также въ употребленіи у Египтянъ и назывался *Манеросб*, по имени одного изъ ихъ Царей.

Наконецъ были у нихъ еще Имны или Священныя пѣсни въ честь героевъ и боговъ: *Ицлы* для Цереры и Прозерпины, *Филелія* для Аполлона, *Упинги* для Діаны и пр.

Сей родъ поэзіи перешель опть Грековъ къ Римлянамъ. Многіе Гораціевы оды не иное чшо сущь, какъ любовныя или Вакхическія пѣсни.

О пѣсняхъ у новѣйшихъ народовъ. Новѣйшія пѣсни раздѣляющія нынѣшними Лишперашорами по большей часпи на *Еротическія*, ш. е. любовныя, на *Вакхическія* ш. е. веселыя, заспольныя, и на *Сатирическія* ш. е. шупливыя или насмѣшливыя, называемыя у Французовъ *Водевилями*. — См. с. с.

Русскія пѣсни вообще можно раздѣлишь на любовныя, военныя, плясовыя, хороводныя, святочныя, подблюдныя, свадебныя и застольныя.

I. *Любовныя* пѣсни, кромѣ пош спрашпи, опть которой получили онѣ свое названіе, изображаюшь еще гнѣвъ, мщеніе, ненависть, ревность, какъ дѣйствія любви.

Онѣ раздѣляются на старинныя или простонародныя и на новѣйшія.

А.) Старинными или простонародными называются тѣ, которыя давно уже (начало ихъ можно положить съ XVI столѣтія) сочинены старымъ складомъ или размеромъ въ числѣ слоговъ состоящимъ и которыя нынѣ по большей части между простымъ народомъ употребляются; многія изъ нихъ не имѣютъ даже въ стихахъ опредѣленнаго числа слоговъ, почему недостапокъ или излишекъ въ оныхъ, въ сравненіи одной строки съ другою, скрадывается голосомъ, какъ это можно видѣть въ слѣдующихъ:

Садъ ли мой садъ, садъ зеленой виноградъ!
 Хорошо въ саду мѣлки пшашечки поютъ,
 А меня ли молоденьку грусть, тоска, печаль
 беретъ!
 За что свѣтикъ мой не любишь ты меня?
 За что жизнь моя не знаешь со мной? и пр.

или

Ужъ какъ полно, моя сударушка, шутишь,
 плакашь!
 Не наполнишь шебѣ синя моря слезами,
 Не утѣшишь шебѣ мила друга словесами и пр.

Другія же изъ *простонародныхъ* пѣсенъ имѣють размѣръ *поспояннѣ* и отличаются особенными красошами — на примѣръ слѣдующая:

Ты безсчастный добрый мѳлодецъ,
 Безшаланная головушка!
 Со младыхъ пы лѣшь въ несчастьи взросъ,
 Со младыхъ дней горе мыкаешь.
 Въ колыбелкѣ родной машери,
 Пяши лѣшь опспалъ мила опца;
 Во слезахъ прошелъ швой красный вѣкъ,
 Во шпенаньи молоды лѣша.

Ты зазноба, пы зазнобушка,
 Ты прилука мѳлодецкая,
 Красна дѣвица, опецка дочь!
 Твои очи соколиныя,
 Твои брови соболиныя,
 Руса коса, красопа швоя,
 Приманила къ себѣ мѳлодца,
 Прилучила безшаланнаго.

Въ красопѣ швоей дѣвической,
 Въ швоей младости и разумѣ
 Чаялъ онъ сыскашь опца и машь;
 Онъ увидишь родъ и племя все,

И надѣялся размыкаши
 На успахъ швоихъ грусь, поску ;
 Онъ въ очахъ швоихъ увѣрился
 Попопишь свое безсчасіе.

Ахъ! какъ ягодѣ калинушкѣ
 Не бываешь во вѣкъ малинушкой ,
 Не живаешь шакъ горемышному
 Вѣкъ во счасшьи и во радосши.
 Красна дѣвица скончалася!
 Полюбиши ошказалася
 Горемыку добра мѳлодца ,
 Сиропину безпаланнаго.

Ты безсчасшье, шы безгодье зло!
 До чего тебѣ домыкаши
 Сиропинушку дѣшинушку
 Безпаланна, горемышнаго ?
 Ужь ни въ чемъ ему удачи нѣшь ,
 Ни шалану на бѣломъ свѣшѣ.
 Знашь шаланъ его скрывается
 Въ чешырехъ доскахъ, въ сырой землѣ.

В.) *Новѣйшія* любовныя пѣсни пишущіяся опредѣленнымъ размѣромъ; въ нихъ употребляется слогъ чистый, ясный, и для удобнѣйшаго положенія на музыку онѣ

раздѣляюшся на куплеты или строфы. —
 Вошь нѣкошорья:

Мой другъ, хранишель-ангель мой!
 О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
 Люблю себя, дышу шобой!
 Но гдѣ для спроси выраженья?
 Во всѣхъ природы красотахъ
 Твой образъ милый я вспрѣчаю;
 Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
 Одну себя воображаю.

Беру перо—имъ начерпашъ
 Могу лишь имя незабвенной;
 Одну себя лишь прославляшъ
 Могу на лирѣ восхищенной;
 Съ шобой, одинъ, вблизи, вдали
 Тебя любишь—одна мнѣ радосшь;
 Ты мнѣ всѣ блага на земли,
 Ты сердцу жизнь, ты жизни сладосшь.

Въ пусшынѣ, въ шумѣ городскомъ
 Одной тебѣ внимаешь мечтаю;
 Твой образъ, забываясь сномъ,
 Съ послѣдней мыслию сливаю;
 Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
 Со мной во снѣ не разспашся;

Проснусь—и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснешся.

Ахъ! мнѣль разлуку знашь съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь—мнѣ взоръ поняшень пвой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце пвой приѣмлю гласъ;
Я пью любовь въ пвоемъ дыханьѣ.....
Воспорги, кто поспигнешь васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной шебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
Въ шебѣ природѣ удивляюсь;
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнишь?
Чего желашь въ полъ сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь—ахъ! я любишь
Еще спокрашъ желалъ бы болѣ.

Жуковский.

Мы имѣемъ превосходнѣйшаго сочинителя любовныхъ *новѣйшихъ* пѣсенъ въ Ю. А. *Нелединсколѣ-Мелецколѣ*. Всѣ его пѣсни, копорыхъ къ сожалѣнію очень мало, преисполнены чувствительности, и украше-

ны всѣми прелестями поэзіи. Здѣсь помѣщается одна не лучшая, но первая, попавшаяся на глаза.

У кого душевны силы
 Истощилися шоской ;
 Кто лишь въ мрачности могилы
 Чаешь обрѣсти покой :
 На лицѣ шого проглянешь
 Лучъ надежды въ первый разъ
 Въ ту минушу, какъ насчанешъ
 Для него послѣдній часъ.

Жизнь во мнѣ шобой хранишя,
 Казнь и благо дней моихъ ;
 Духъ хопъ съ шѣломъ разлучишя,
 Буду живъ безъ связи ихъ.
 Душу что во мнѣ пишало,
 Смершь не въ силахъ шо сразишь ;
 Сердцу, что шебя вмѣщало,
 Лзя ли не безсмершну бышь ?

Нѣшь ! не лзя шому бышь мершву,
 Что дышало божешвомъ.
 Опъ меня шы примешъ жершву
 И въ семъ мѣрѣ и въ другомъ.
 Тѣнь моя всегда съ шобою

Неопшпшно будешъ жишь ,
 Окружаешь себя собою,
 Вздохъ швой, взоры, мысль ловишь.

Насладишься, вникнувъ пайно
 Въ прелести души твоей.....
 Еслижъ будешь хопъ случайно
 Близъ гробницы пы моей,
 Самый прахъ мой содрогнешся,
 Твой приходъ въ немъ жизнь родишь,
 И попь камень пошрясешся,
 Подъ кошорымъ буду скрышь.

Слѣдующая опличаешся пріятностію
 и простиною:

Доволенъ я судьбою
 И милою богашь ;
 О Лиза! кто съ побою
 И бѣдності не радъ ?

Съ побою жизни бремя
 Меня не шягошишь ;
 Съ побою, другъ мой, время
 Какъ молнія лешипь.

Не зная, что ешь слава,
 Я славлю жребій свой ;

Труды съ шобой забава,
Въ швоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь—забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою швоей.

Когда ты скажешь: милой!
Проходишь грусть моя,
Свѣплѣешь взоръ унылой,
Спокоень, весель я.

Топь бѣденъ, кто въ семь мѣрѣ
Живешь лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Несчастливъ безъ тебя!

Но если рокъ ужасной
Нась, Лиза, разлучишь:
Что буду я несчастной?.....
Сырой землей покрыйшь!

Двѣ горлицы покажешь
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя шомно скажешь:
Онъ умеръ во слезахъ.

Карамзинъ.

II. *Военныя* пѣсни прославляють подвиги знаменишыхъ полководцевъ, изображаять неуспрашимость и любовь къ опечесшву. Въ нихъ помѣщается иногда изъявленіе любви или дружбы, но въ шакомъ шолько случаѣ, когда съ главнымъ предметомъ пѣсни соединяются чувствованія разлуки.

Военныя пѣсни шакже можно раздѣлить на простонародныя или старинныя, и на новѣйшія.

A.) *Простонародныя* или *старинныя*, ш. е. писанныя старымъ складомъ, иногда заключають въ себѣ пріятную простоту; наиболѣе же заслуживають уваженіе наше пошому, что сохраняются въ нихъ дѣянія побѣдоносныхъ войскъ нашихъ и славныхъ полководцевъ. — Вотъ одна изъ шаковыхъ пѣсенъ:

Не бушуйте вы въпры буйные,
 Не спѣши ты зима со морозами,
 Не защишою вы Очакову,
 Не спасеніе вы врагамъ нашимъ.
 Сыны храбрые Россійскіе
 Презирають всѣ ваши люшосши;
 Въ нихъ сердца горяшь правдой, вѣрносшью
 Но премудрѣйшей своей машери;

Въ нихъ вся кровь кипишь жаркимъ рвеніемъ
 Ко прехраброму ко начальнику.
 На зарѣ по было на ушренней,
 На восходѣ краснаго солнышка,
 Какъ возговоришь нашъ Пошемкинъ Князь:
 Ой вы гой еси храбрые воины!
 Намъ пришла пора чшобъ Очаковъ взяшь,
 Чась приблизился чшобъ Луну сорвашь;
 Со окоповъ бѣлокаменныхъ,
 Размешашь въ прахъ башни Турецкія,
 Покоришь враговъ мечу Русскому,
 Скишпру мудрыя Государыни.
 И ты гой еси, ты нашъ бапюшка!
 Ты прехрабрый предводишель нашъ!
 Лишь рукой махни, ужъ Очаковъ взяшь,
 Слово вымолви и Спамбуль падешъ.
 Мы пойдемъ съ побой въ огонь, въ полымя,
 Пройдемъ пропасши подземельныя.
 Лишь успѣли храбрые воины
 Рѣчь окончишь свою геройскую:
 Загремѣла вдругъ Аршиллерія,
 Засверкали въ мигъ шшыки Русскіе,
 Полилась рѣкой кровь Турецкая,
 Повалились ихъ башни крѣцкія:
 Гдѣ Луна была шамъ орлы паряшь

Гдѣ бунчукъ споялъ, шамъ шпандаршъ бле-
спишь,

И Паша упавъ предъ Пошемкинымъ,
Вручилъ жизнь свою и ключи града.
Тутъ воскликнули побѣдищели:
Ой ты гой еси, ты невѣрный Царь!
Посмотри ты Царь на Пашей своихъ,
Ты взгляни Царь на кровь Турецкую,
Покорись ты нашей Монархинѣ,
Не тебѣ ужъ воевать съ нами.

Надлежишь замѣшишь, что все почти
спаринныя *военныя* пѣсни принадлежатъ
болѣ къ повѣспвовашельной, нежели къ
Лирической поэзіи.

В.) Для показанія свойствъ и слога
новѣйшихъ военныхъ пѣсень можетъ быть
приведена въ примѣръ слѣдующая; въ ней
съ воинскою храбростію соединяются и
чувства любви и дружбы:

Мы красавицъ ославляемъ,
Ославляемъ и друзей;
Въ смутныхъ мысляхъ предславляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей.

Прелеснь, нѣга и забава.

Удаляются ошь насъ!

Въ сердцѣ слышишся лишь слава
И побѣды громкій гласъ.

Скучно было бы разспашься
И любезныхъ покидашь,
Если бъ мы не шли сражашься
И злодѣевъ побѣждашь.....

Тѣхъ злодѣевъ, что мѣшающъ
И любви и пищинѣ,
Что прелесныхъ насъ лишающъ
И зовущъ опъ нихъ къ войнѣ.

О любезныя! желайше,
Чтобъ войнѣ пришелъ конецъ;
Къ намъ любви не оставляйше,
То для насъ одинъ вѣнецъ!

Вы, лишаяся спокойсва,
Будете о насъ шужить;
Мы, исполнены геройсва,
Будемъ вашъ покой хранишь.

Гласы шрубны раздающся
И оружія гремяшь;—
Ваши горьки слезы лющся
А у насъ сердца кипяшь.

Ахъ, съ любезной разлучашься
 Мудренѣе всѣхъ побѣдъ!
 Сердце хочешъ съ ней оспашься
 Слава на войну зовешъ.

N. N.

III. *Плясовыя* пѣсни, какъ означаеть и самое именованіе ихъ, сунь шѣ, по которымъ пляшунтъ; онѣ опличаются веселостию и раздѣляются, по названію плясокъ, на Русскія и на Цыганскія. А какъ всякая пѣсня, удобная къ скорой и веселой музыкѣ, можетъ бытъ *плясовою*, по мы означаемъ здѣсь шѣ только, которыя изспари пользующся названіемъ *плясовыхъ*. Всѣ сіи пѣсни сунь *простонародныя* и заслуживающъ вниманіе наиболѣе по употребляемымъ въ нихъ припѣвамъ.

1. Какъ на горкѣ, на горкѣ, на горѣ,

На высокомъ на пригорочкѣ

Ай люли, люли!

Ахъ, люшеньки люли и пр.

2. Пошли наши подружки

Въ лѣсъ по ягоды гуляшь.

Вѣю, вѣю, вѣю, вѣю

Въ лѣсъ по ягоды гуляшь и пр.

3. Въ Государевой конпорѣ

Сидишь молодецъ въ уборѣ.

Ахъ, кáлина! ахъ, мáлина и пр.

4. Что дѣвушка сдѣлалось,

Что красной dospѣлося?

Эй, эй, эй, эй, что красной dospѣлося?

и пр.

5. Ты поди моя коровушка домой,

Ты поди моя некормленая;

Ай диди, калинка моя,

Въ саду ягода малинка моя. и пр.

6. Улица, улица моя,

Трава, мурава зелененькая

Ой жги, ой жги, говори,

Трава, мурава зелененькая и пр.

Сіи припѣвы люли, люшеньки, диди, ладо, кои увидимъ и въ другихъ послѣдующихъ за сими пѣсняхъ, не иное что сушь, какъ испорченныя имена Славянскихъ Боговъ *Леля*, *Дидя* и богини *Лады*, и пошому онѣ должны показывашь древность сихъ пѣсенъ, бывшихъ еще во времена языческава. Впрочемъ справедливѣе, кажешся, можно заключишь, что сіи пѣсни сушь подра-

жанія древнимъ языческимъ пѣснямъ, по-
тому что нѣкопорыя употребляемыя въ
нихъ слова не могутъ быть относимы
къ столь отдаленнымъ временамъ.

Изъ новѣйшихъ слѣдующія могутъ
быть почтены плясовыми:

Пой, скачи, кружись Параша!

Руки въ боки подпирай!

Мчись въ веселіи жизнь наша!

Ай, ай, ай, жги! припѣвай!

Миль, любезень василечикъ:

Рви, доколѣ онъ цвѣшешь.

Солнце зайдетъ и цвѣшочикъ—

Ахъ, увянешъ, опадетъ!

Пой, скачи, кружись и пр.

Соловей не умолкаетъ,

Свищешь съ упра до упра:

Другу милому, онъ знаетъ,

Пѣть въ году одна пора.

Пой, скачи, кружись и пр.

Кшо, бывъ молодъ, не смѣялся;

Не плясалъ и не пѣвалъ;

Топъ ничѣмъ не наслаждался;

Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

Дмитріевъ.

Пусть кто хочешь пишешь оды,
Или криптики на моды;
Я такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть богатый веселился,
Пусть богатствомъ онъ гордился;
Я такъ и пр.

Пусть чиновъ кто хочешь ищешь
И по крыльцамъ барскимъ рыщешь;
Я такъ и пр.

Пусть военный побѣждаетъ,
А философъ разсуждаетъ;
Я такъ и пр.

Пусть игрокъ въ босшонъ играешь,
Время жизни убиваешь;
Я такъ и пр.

Пусть всякъ дѣлаешь, что хочешь.
Пусть хощь плачешь, хощь хохочешь;
Я такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Кн. Гр. Хованскій.

IV. Хороводныя пѣсни употребляются на общественныхъ народныхъ гуляньяхъ, и названы такъ опъ того, что поются *хоромъ*, то есть вдругъ многими голосами.

Молодые люди обоого пола сходяпся на улицу, или на лугъ, играющъ и поющъ; каждая игра, какъ ниже увидимъ, имѣеть пѣсню особенную.

Прим. Сии пѣсни, такъ же какъ и слѣдующія за ними *святотыля*, приводяпся здѣсь со всею подробностію наиболѣе для сохраненія ихъ опъ совершеннаго забвенія: издатели новѣйшихъ пѣсенниковъ во все почши не удоспоивающъ ихъ помѣщеніемъ! А всякая древностъ, какого бы ни была рода, всегда бываетъ для наблюдательнаго ума заслуживающею вниманіе.

Вопъ *хороводныя* пѣсни съ описаніемъ самихъ игръ, при копорыхъ онѣ поющя:

I.

Женщины и муцины спановяпся на двѣ разныя спороны, сходяпся и не обрачиваясь назадъ опспунающъ, и поющъ попеременно:

Муцины.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой, дидъ и лада! сѣяли, сѣяли.

Женцины.

А мы просо вышопчемъ, вышопчемъ,
Ой дидъ и ладо! вышопчемъ, вышопчемъ.

Мушцины.

Да чѣмъ же вамъ выпопшашь, выпопшашь,
Ой дидъ и лада и пр.

Женицины.

А мы коней выпускаимъ, выпускаимъ,
Ой дидъ и лада —

Мушцины.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидъ и лада —

Женицины.

Да чѣмъ же вамъ переняшъ, переняшъ?
Ой дидъ лада —

Мушцины.

А шелковымъ неводомъ, неводомъ,
Ой дидъ и лада —

Женицины.

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидъ и лада —

Мушцины.

Да чѣмъ же вамъ выкупишь —?
Ой дидъ и лада —

Женицины.

А мы дадимъ сто рублей —
Ои дидъ и лада —

Мущины.

Не надо намъ пысячи —

Ой дидъ и лада —

Женщины.

А что же вамъ надобно —?

Ой дидъ и лада —

Мущины.

А намъ надо дѣвицу —

Ой дидъ и лада —

Мущины.

Вошь эпо намъ надобно, надобно,

Ой дидъ и лада —

При семь мущины дѣлають изъ рукъ
воропы, женщины проходяшь, и мущины
любую изъ нихъ захвашывають — послѣ
чего поють:

Женщины.

Нашего полку убыло, убыло,

Ой дидъ и лада —

Мущины.

А нашего прибыло, прибыло,

Ой дидъ и лада прибыло, прибыло.

Такимъ образомъ всѣ женщины переходяшъ одна послѣ другой на спорону мушцинь; наконецъ дѣлаюшъ большой кругъ и начинаюшъ другія игры.

2.

Мущина ходишъ за кругомъ, а дѣвушка или женщина въ кругу, и посшупаюшъ по нижеслѣдующей пѣснѣ :

Какъ не шощь ли шо Царевъ сынъ
 По за городу гуляешъ,
 Самъ Царевну смощришъ?
 Какъ не та ли шо Царевна
 Чшо во городѣ гуляла,
 Шелковымъ плашкомъ махала,
 Золошымъ першнемъ свѣпила?
 Ошворайшеса вороша!
 Ты взойди, сударь, во городъ,
 Подойди, сударь, поближе,
 Поклонись, сударь, пониже,
 Поцѣлуйшеса милѣе;
 Ты возьми, сударь, за ручку,
 Поведи по городочку,
 Выбирай пару другую,
 Чшо другую да люблю.

Въ сей пѣснѣ можно замѣтити, что она вся почти сочинена правильнымъ размѣромъ.

3.

Мужина ходитъ въ кругу за женщиною и предспавляющъ мужа съ женою; онъ поешъ съ припѣваніемъ прочихъ:

Посмотрите, сосѣди!

Какъ жена мужа не любитъ,

Душа свѣтъ не навидитъ.

Я поѣду ушрѣ въ городъ,

Я куплю женѣ обнову

Пару парчевую,

А жена не принимаетъ,

Глазами не взираешъ.

Пѣсня сія повпоряется нѣсколько разъ съ перемѣною одного полъко слуха, въ кошоромъ именующа обновы. Наконецъ когда запоющъ:

Я куплю женѣ обнову

Шелковую плешку

Жена начинаешъ кланятсья.

Ты прими, жена госпинецъ

Шелковую плешку.

Показываетъ, будто хочешь ее бить нарочно пригопвленнымъ изъ плашка жгушомъ, но она поклонами умилоспивляешь; послѣ чего онъ поешъ:

Посмотрите, сосѣди,
Какъ жена мужа любить,
Душа свѣшь цѣлуешь.

Цѣлуюсь и выходящъ. Каждой спихъ эпой пѣсни повпоряешь два раза съ припѣвомъ между каждымъ *дидо, лелю, лада моя.*

4.

Заплешися плешень, заплешися!
Ты завѣйся труба золотая,
Завернися камка хрущашая.
Ахъ, ты свѣшь сѣра упица!
Попопила малыхъ дѣшущекъ
Ты въ меду и во папокѣ,
И во яшвѣ, во сахарномъ.

Въ продолженіи сего пѣнія разрывающъ кругъ, дѣлающъ на одномъ концѣ, приподнявъ руки, вороша, въ которые держась за руки съ другаго конца всѣ проходятъ; второй человекъ, дѣлавшій съ первымъ вороша, оборачивается держа руку по шеѣ черезъ плечо, и соспавляешь

уже оныя съ прешымъ; игра сія продолжается до того, пока всѣ завьются; тогда развиваются шакимъже порядкомъ и поюшъ :

Распелися плешень, распелися !

Ты развѣйся шруба золошая.

Развернися камка хрущашая.

Ахъ, ты свѣшь, сѣра упица !

Вынимай милыхъ дѣвушекъ,

Ты изъ меда, изъ папоки,

Ты изъ яспва сахарнова.

5.

Выбираюшъ плясуна, который садится среди хоровода ; ходяшъ кругомъ и поюшъ :

Какъ на горѣ макъ, на зеленой макъ,

Мои маки маковушки,

Золотыя головушки,

Какъ былъ макъ, эдакъ шакъ

Показываюшъ какъ великъ макъ.

Спанемше, дѣвушки, въ рядъ,

Вошъ макъ на горѣ,

На всей красошѣ !

Спанемше, спросимше,

Что макъ дѣлаешъ,
 Что работаешъ?

Спрашиваютъ у сидящаго: что макъ дѣлаешъ? онъ отвѣчаетъ: показался, зеленѣешъ, наливаешся и пр. и пѣсни повсюрюютъ до пѣхъ поръ, какъ слышатъ отъ него, что макъ созрѣлъ; тогда поютъ слѣдующее: — Сидящій всшаешъ и пляшешъ. —

Ужъ ты слышалъ ли воробей,
 Ужъ ты видѣлъ ли молодой,
 Какъ дѣвушки макъ поливали?
 Какъ красныя макъ поливали?
 Ужъ я не слыхалъ воробей,
 Ужъ я не видалъ молодой,
 Какъ дѣвушки макъ поливали,
 Какъ красныя макъ поливали.

Попомъ шо же повсюряютъ, но вмѣсто *поливали*, поютъ *пололи*, *щипали* и ш. д.

Таковыхъ *хороводныхъ* пѣсень естъ еще нѣсколько, однакожь сіи употребительнѣе прочихъ.

V. *Святонья* пѣсни получили названіе отъ того, что употреблялись при обыкновенныхъ играхъ на сваякахъ, въ шо время когда по словамъ *Жуковского*:

.....

Дѣвушки гадали :

За воропа башмачокъ,

Снявъ съ ноги, бросали ;

Снявъ пололи ; подъ окномъ

Слушали ; кормили

Счешнымъ курицу зерномъ ;

Ярый воскъ попили ;

Въ чашу съ чистою водою

Клали першень золотой ;

Серги изумрудны ;

Разшилили бѣлый плашь ,

И надъ чашей пѣли въ ладъ

Пѣсенки подблюдны.

Нѣкопорыя изъ свяшочныхъ пѣсенъ именующя *подблюдными* по той причинѣ, что во время игры, или гаданія, у каждаго участвующаго брали кольцо, клали на блюдо, покрывали плашкомъ, и пошомъ при окончаніи каждой пѣсни смѣшавъ кольца вынимали по одному. Изъ содержанія пѣсни заключали о томъ, что впредь случится, какъ то : *прибыль, свиданіе, вступленіе въ бракъ* и пр. Всѣ слѣдующія суть подблюдныя; къ каждой въ нихъ шрокъ припѣвается *слава!*

1.

Пѣсня, ознагающая вступленіе въ бракъ.

Капилось зерно по бархашу, слава!

Еще по ли зерно да бурмипское —

Прикашилося зерно ко яхонпу —

Какъ и крупень жемчугъ съ яхонпомъ —

Хорошъ женихъ со невѣспюю —

2.

— *Прибыль.*

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою, слава!

Живушь мужики богашые —

Гребушь золопо лопашами —

Чиспо сѣребро лукошками —

3.

— *То же.*

Расшворю я квашонку на денышкѣ, слава!

Я покрою квашонку чернымъ сободемъ —

Опояшу квашонку яснымъ золопомъ —

Я посшавлю квашонку на сполбичкѣ —

Ты взойди моя квашонка съ край равна —

Со край равна и совсѣмъ полна —

4.

— *Отлибнное счастье.*

Идешъ кузнецъ изъ кузницы, слава!

На немъ шубенка худехонька —

Одна-шо пола во сто рублей —
 А другая пола въ шысячу —
 Всей же шубенкѣ цѣны нѣшь —
 Цѣна-шо ей у Царя въ казнѣ —
 У Царя въ казнѣ, въ кованомъ ларцѣ. —

5.

— *Замужство.*

Ахъ! шы сѣй, маши, мучицу, пеки пироги, *слава!*
 Къ тебѣ будушь госпи нечаянные —
 Какъ нечаянные и невѣдомые —
 Къ тебѣ будушь госпи, ко мнѣ женихи —
 Къ тебѣ будушь въ лапшяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ —

6.

— *Возвышеніе.*

Вился, вился ярой хмѣль, *слава!*
 Около шычинки серебряныя —
 Такъ бы вилися боира, Князья, —
 Около Царя православнаго —

7.

— *Супружество съ тиновникомъ.*

Жемчужина окашная! *слава!*
 До чего тебѣ докашашися? —
 Пора тебѣ вонъ выкашашися —
 Князьямъ и боярамъ на шапочку —

8.

— *Свиданіе.*

Покачу я колечко кругомъ города, *слава!*
 А за шѣмъ я колечкомъ сама пойду —
 Я сама пойду, милóва найду —

8.

— *То же.*

Лешипъ соколь изъ улицы, *слава!*
 Голубушка изъ другой лешипъ —
 Слепалися, цѣловалися, —
 Сизыми крыльями обнималися —

10.

— *Дальнюю дорогу.*

Сшояпъ сани снаряжены, *слава!*
 И полосью подернупы —
 Только сѣсть въ сани да поѣхати —

11.

— *Супружество.*

Идепъ кузнецъ изъ кузницы, *слава!*
 Кузнецъ, кузнецъ, мнѣ скуй вѣнецъ
 Изъ обрѣзочковъ золóшь перспень, —
 Изъ ошапчочковъ булабочку, —
 Какъ шѣмъ вѣнцомъ мнѣ вѣнчапися, —

Какъ и шѣмъ перспнѣмъ обручашися —
Той булавочкой убирашися. —

Какъ удачно воспользовался Г. Жуковскій сими просшыми, безыскусшвенными выраженіями въ прекрасной Балладѣ своей *Свѣтлана!*

„Что, подруженька, съ шобой?

Вымолви словечко!

Слушай пѣсни круговой:

Вынь себѣ колечко!

Пой, красавица: кузнецъ!

Скуй мнѣ злапъ и новъ вѣнецъ,

Скуй кольцо злапое!

Мнѣ вѣнчашься шѣмъ вѣнцомъ.

Обручашься шѣмъ кольцомъ

При свяшомъ налоѣ.,,

12.

— *Богатство.*

Щука шла изъ Нова-города, *слава!*

Она хвощъ волокла изъ Бѣла озерà—

Какъ на щукѣ чешуйка серебряная —

Что серебряная позолоченая, —

А головушка у щуки унизаная —

— Супружество.

Скачешъ груздочикъ по ельничку, *слава!*
 Ищешъ груздочикъ бѣляночку —
 Не груздочикъ скачешъ, дворянской сынъ —
 Не бѣляночки ищешъ, дворяночки —

— То же съ тиновникомъ.

Чарочка поплывушечка! *слава!*
 До чего шебѣ доплаваши? —
 Пора шебѣ и вонь выплываши —
 Князьямъ и боярамъ вино подносиши —

Послѣ каждой изъ сихъ *подблюдныхъ* пѣсень и другихъ имъ подобныхъ (ежели еще шаковыя находящяся) при выниманіи кольца поюшъ:

А кому же мы спѣли, шому добро, *слава!*
 Кому вынешся, шому сбудешся, *слава!*

Обыкновенно же игра сія оканчивалась пѣснію въ славу Государя, а сіе служилъ доказательствомъ, что Русскіе и въ самыхъ увеселеніяхъ никогда не забывали почтенія къ своему обладашелю, и

что во всякомъ случаѣ показывали свою
къ нему преданность:

Ужь какъ слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ —
Государь нашъ не спарѣтся —
Его цвѣшное плашье не носится
Его добрые кони не ѣздяся —
Его вѣрные слуги имъ счастливы —

Другая игра: дѣвушка беретъ колечко,
ходишь вокругъ, кладешь кому нибудь
пихонько въ руку; другая ошгадывается.
Къ сему принадлежишь слѣдующая пѣсня:

Тихой напѣвѣ.

И я золошо хороню, да хороню,
Чисто сѣребро хороню да хороню;
Я у башюшка въ шерему, въ шерему,
Я у машушки въ высокомѣ, въ высокомѣ.

Плясовой.

Гадай, гадай дѣвица,
Ошгадывай красная!
И я рада бы гадала
И я рада бы ошгадывала
Черезъ поле идучи,

Русу косу плешучи ,
 Шелкомъ прививаючи ,
 Злашомъ приплешаючи .
 Ахъ, вы кумки ! вы голубки !
 Вы скажише, не ушайше !
 Меня маши хочешъ биши
 По при упра, по чешыре ,
 По при прупа золошые ,
 Чешвершымъ жемчужнымъ .
 Паль, паль перспень
 Въ калину, въ малину ,
 Въ черную смородину ;
 Очушился перспень
 Да у дворянина
 Да у молодова
 На правой на ручкѣ ,
 На маломъ мизинцѣ .
 Дѣвушки гадали
 Да не опгадали !
 Наше золопо пропало ,
 Чисшымъ порохомъ запало ,
 Призаиндивѣло ,
 Призаплеснивѣло .

VI. Свадебныя пѣсни употреблялись
 при сговорахъ, въ дѣвичникъ и во все вре-

мя, продолжающееся до совершенія бракосочетанія, такъ же и въ день свадьбы. Въ нихъ всегда упоминалось по имя, копорое было предметомъ пѣсни:

1.

Изъ за лѣса, лѣса темнова,
 Изъ за лѣса дремучева,
 Изъ за горъ, изъ за высокихъ горъ,
 Лешишь стадо лебединое,
 А другое по гусиное.
 Опсшавала лебедь бѣлая
 Чшо опъ стада лебединова,
 Приспавила лебедь бѣлая
 Чшо ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ.
 Опсшавала душа *Аннушка*,
 Опсшавала *Ивановна*
 Чшо опъ красныхъ опъ дѣвушекъ;
 Приспавала *Аннушка*
 Приспавала свѣпъ *Ивановна*
 Къ молодымъ-по молодушкамъ.

2.

Перекашно красно солнышко.
 Ты звѣзда перекашная!
 Далекo звѣзда кашилася

Прочь опъ свѣшлова мѣсяца!
 Перешла наша дѣвица
 Такъ изъ горницы въ горницу,
 Изъ споловья во новую,
 Перешедъ она задумалась,
 Призадумавшись заплакала,
 Во слезахъ слово молвила:
 Государь родимой батюшка,
 Государыня мапушка,
 Ужь не лзя ли шого сдѣлаши,
 Меня дѣвицу не выдаши.

Свадебныхъ пѣсень очень много; онѣ бывали различны по разнымъ мѣстамъ Россіи. Полагаемъ, что приведенныхъ здѣсь дослашочно для показанія ихъ слога и содержанія.

VII. *Застольныя или круговыя пѣсни* поюшся сидя за споломъ или въ кружокъ. Главнѣйшее свойство ихъ есть веселость; а предметомъ для нихъ служатъ вино и безпечность; иногда присоединяется къ нимъ и любовь. Лучшіе писатели наши упражнялись въ семь родѣ пѣсень. Вотъ нѣкошорья:

Брашья , рюмки наливайте !

Лейся черезъ край вино !

Все до капли выпивайте ,

Осушайте въ рюмкахъ дно !

Мы живемъ въ печальномъ мѣрѣ ,

Всякой горе испыталъ

Въ бѣдномъ рубищѣ , въ порфирѣ —

Но и радость Богъ намъ далъ .

Онъ вино намъ далъ на радость ,

Говорить свяшой мудрецъ :

Спарецъ въ немъ находишь младость ,

Бѣдный горесшамъ конецъ .

Кпо все плачешь , кпо вздыхаешь ,

Вѣчно сморришь Сенсябремъ ,

Топъ науки жишь не знаешь ,

И не видишь свѣта днемъ .

Все печальное забудемъ ,

Что смущало въ жизни насъ ;

Пѣшь и радовашься будемъ

Въ сей пріятной , сладкой часъ !

Да свѣплѣешь сердце наше ,

Да сіяешь въ немъ покой ,

Какъ вино сіяешъ въ чашѣ
Осребряемо луной.

Карамзинъ.

Други! время скоропечно,
И не видишь какъ лешишь!
Молодыми бышь не вѣчно,
Спаросишь въ мигъ насъ посѣшишь,
Что же дѣлашь? шакъ и бышь!
Въ ожиданьи будемъ пишь.

Пусти Аракъ ума убавишь
Между насъ у ошряковъ!
Онъ сердца за шо заспавишь.
Говоришь безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жишь:
Меньше врашь, а больше пишь.

Посмотрише, какъ уныла
Вся природа на земли:
Осень роци обнажила,
Ахъ! и розы ошцвѣли.
Какъ же грусь намъ усладишь?
Чаще пунишь съ Аракомъ пишь.

О Аракъ, Аракъ чудесный!
Ты весну намъ возвратилъ!

Ты согрѣлъ, какъ Май прелесный,
Щеки розами покрылъ.

Чѣмъ же намъ тебя почпишь?

Вдвое, вшрое больше пишь.

Дмитріевъ.

Весьма удивишельно, что въ проспо-
народныхъ или старинныхъ нашихъ пѣс-
няхъ нѣтъ ни одной, копорую бы можно
было назвашъ *застольною* или *круговою*; а
ежели и находящяся приближающіяся къ
сему роду, то во всѣхъ видна или чрезвы-
чайная принужденность, или грубость
правовъ. Такова на примѣръ слѣдующая:

Чарочки по, сполику похаживающъ,

Рюмочки ходя поговаривающъ,

Сшарымъ бабамъ полѣно сулящъ;

Въ спарыхъ бабахъ-то корысти нѣтъ.

Чарочки по сполику похаживающъ,

Рюмочки ходя поговаривающъ.

Молодымъ женамъ плешку сулящъ,

Съ молодой женой хлопошъ, хлопошъ!

Чарочки по сполику похаживающъ,

Рюмочки ходя поговаривающъ

Краснымъ дѣвушкамъ лозу суляшь,
Краснымъ дѣвушкамъ играшь бы все!

ПЯТИСТОПНЫЙ. Имя сіе придаешся стиху, состоящему изъ пяти стопъ.

Составленіе стиховъ пятистопныхъ можно видѣть въ стихахъ *Анапестъ*, *Дактиль*, *Хорей* и *Ямбъ*.

Въ древней поэзіи, по есть въ Греческой и Латинской, нашему пятистопному стиху соотвѣтствуетъ *Пентаметръ*. См. сіе слово.

К О Н Е Ц Ъ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Ча́сь II.

сшран.	спроки	напечашано	чишай.
41	11	гордыхъ Паркъ,	грозныхъ Паркъ,
177	2	равномѣнно	равномѣрно
—	3	для прешолю- димовъ вошь	для прешолюди мовъ. Вошь
—		Мимодрами	Мимодрамъ
